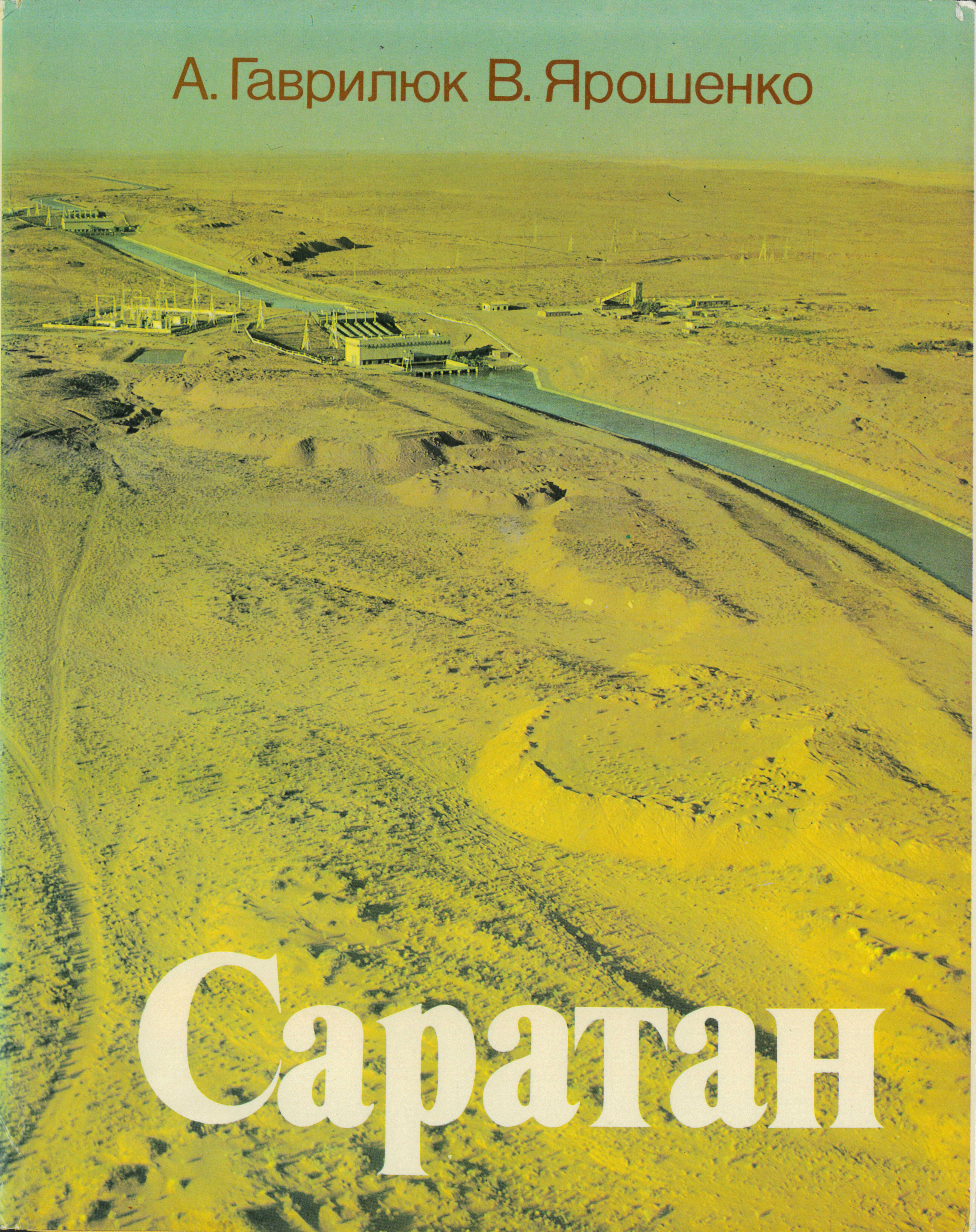
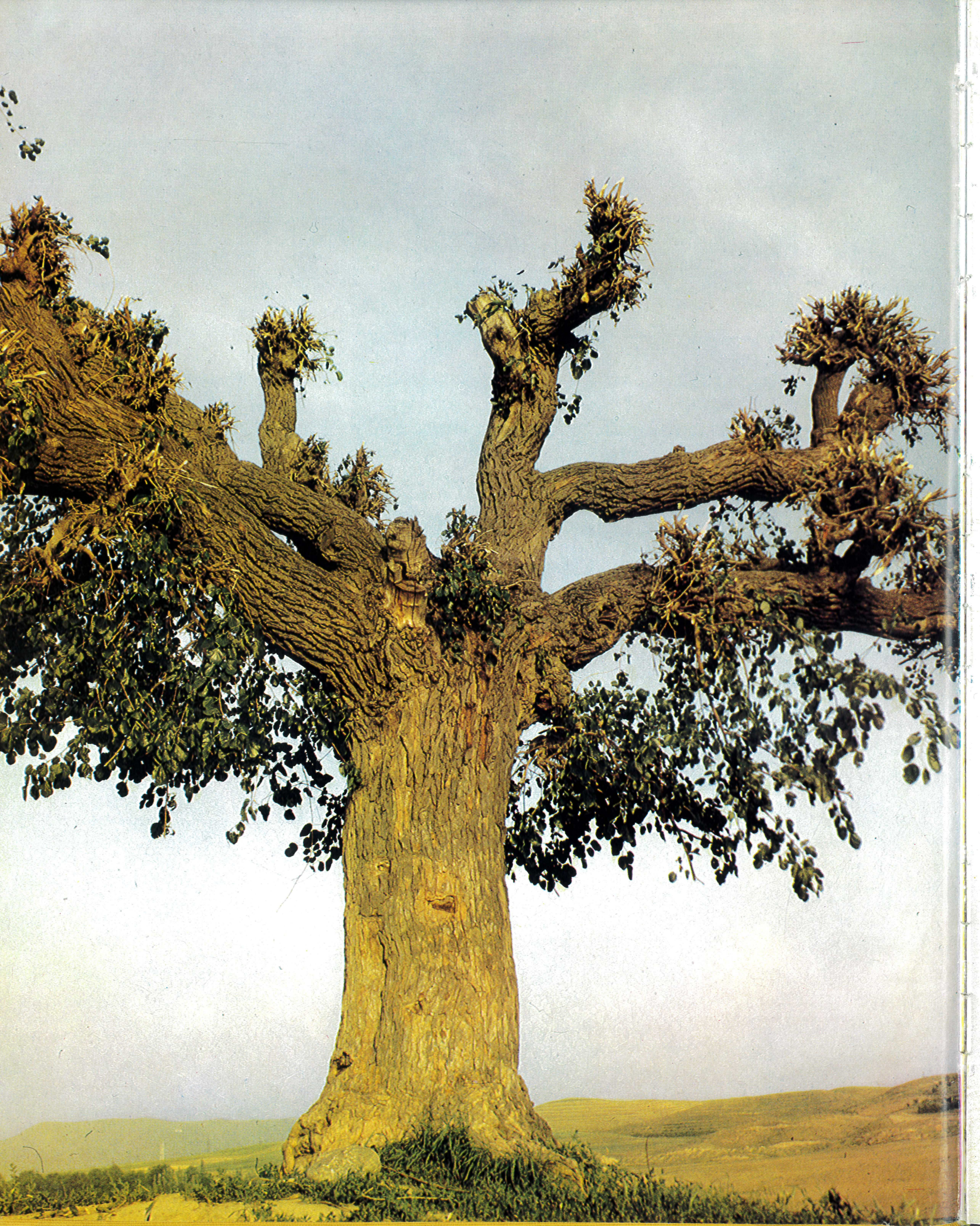
А. Гаврилюк В. Ярошенко



Саратан

Саратан

Саратан



КОРНИ

Все сущее имеет корни,
Мир так устроен испокон:
Чинара на зеленом склоне
И кустик, что в степи рожден.

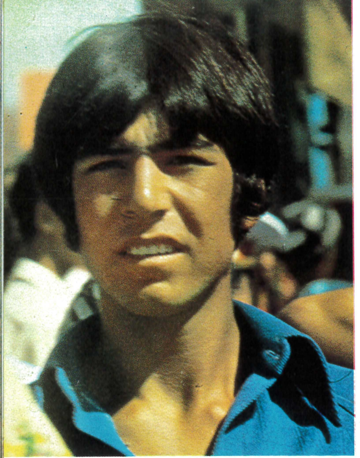
Вон, на скале, такой высокий,
Кудрявый карагач стоит.
И в камне он находит соки,
И корни врезались в гранит.

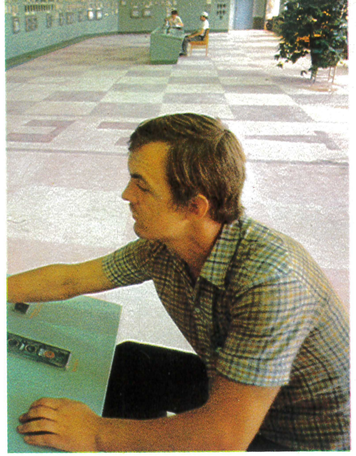
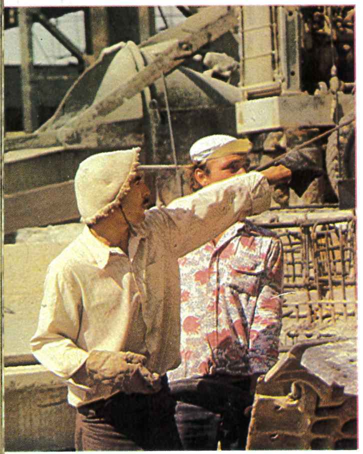
А шелковица, словно птица!
Срезают ветви, а она
Опять растет, опять ветвится,
И мощь в корнях заключена.

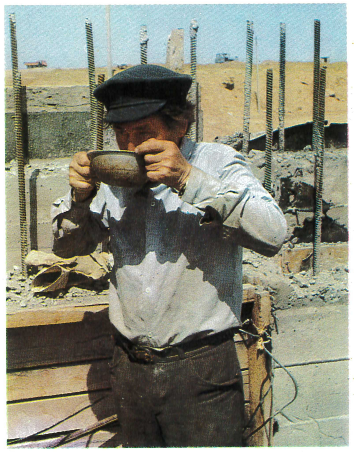
Стволу внимаю или стеблю.
И радостно, и трудно мне:
Хочу врасти в родную землю
И след оставить на земле!

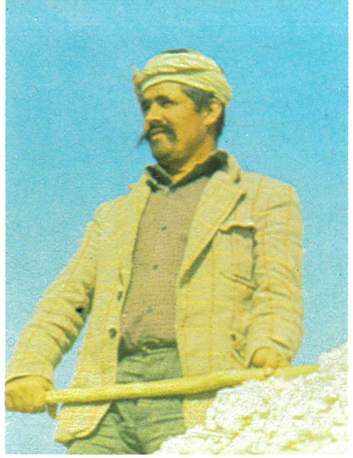
Нормурад Нарзуллаев

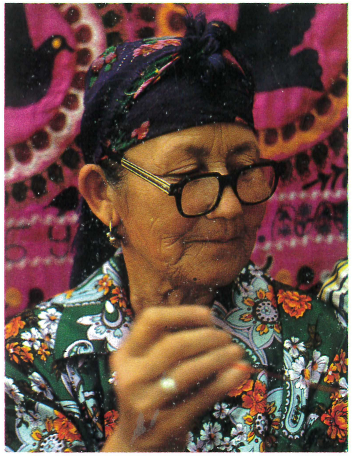
КПСС· ШОН-ШАРАФЛАР!

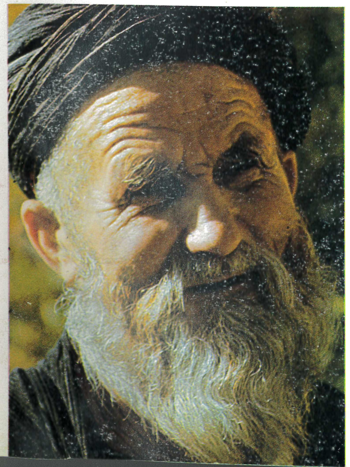


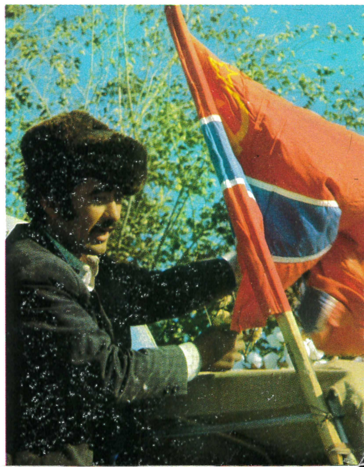



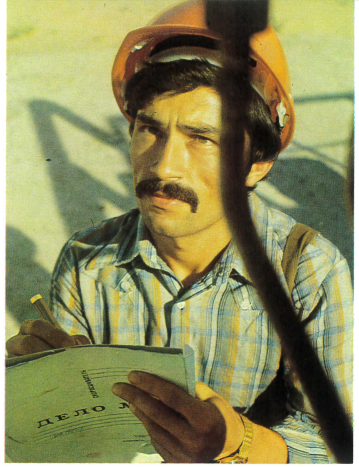
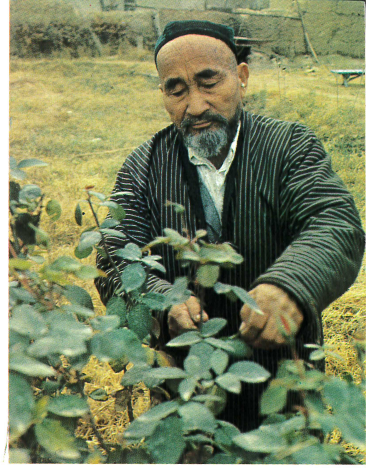


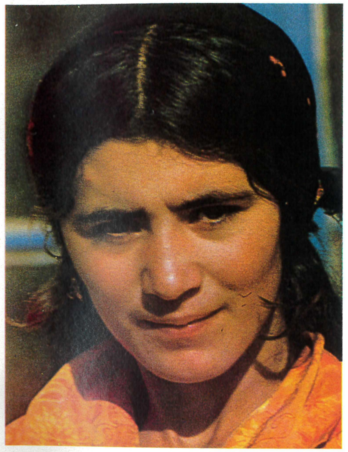


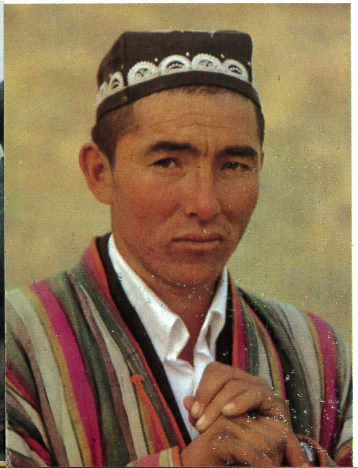
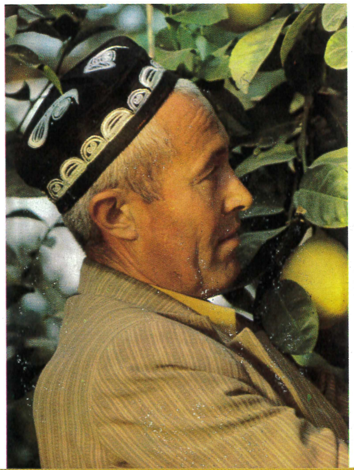


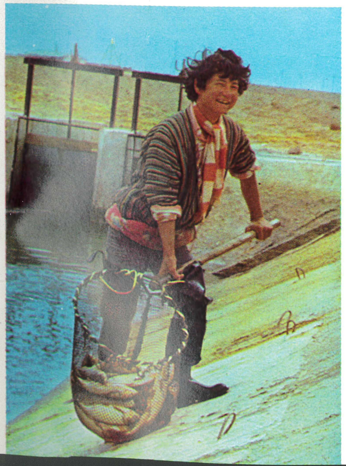





ДЕЛО






Александр Гаврилюк
Виктор Ярошенко

Саратан

КНИГА О ПРЕОБРАЖЕНИИ КАРШИНСКОЙ СТЕПИ

Под общей редакцией
Ивана Головачева

Художник
Владимир Олефиренко

Издательство «Планета»
Москва, 1983

77+91(С52)
Г 122

© «Планета». 1983 г.

Я рад возможности представить всесоюзному читателю фотокнигу «Саратан», в поэтической форме рассказывающую о Кашкадарьинской области, о преображении просторов Каршинской степи.

Краем желтой печали называли Каршинскую степь из века в век. Тысячелетия здесь жили люди. И всегда этой земле не хватало воды. Но вот пришел Октябрь, принесший трудовому народу избавление от гнета и эксплуатации. Началась новая жизнь, получили развитие все отрасли народного хозяйства и культуры.

Однако самые грандиозные преобразования произошли в нашей области за последние двадцать лет, с началом работ по освоению земель Каршинской степи и орошению их водами Амударьи. Этому предшествовал огромный объем работ по созданию материально-технической базы, строительству жилья, дорог, линий электропередач, на что были выделены необходимые средства и все материально-технические ресурсы, созданы многочисленные специальные строительные и монтажные организации, объединенные в единое территориальное управление «Каршистрой». Началось планомерное, все расширяющееся наступление на Каршинскую степь.

В соответствии с решениями XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС освоение Каршинской степи приобрело директивный характер. Степь превратилась в гигантскую строительную площадку. Мировая мелиоративная практика не знала до этого ни такого размаха, ни таких темпов освоения целинных орошаемых земель в нелегких климатических условиях.

На Каршинской целине трудятся героические, сильные люди. Степь не приемлет слабых, хотя мы пришли в степь не с лопатами и кетменями, а с экскаваторами и бульдозерами, самосвалами и кранами, со всей мощной силой современной стройиндустрии. Созданная база позволяет теперь за год вводить и комплексно осваивать 25—30 тысяч гектаров земель, быстрее строить новые совхозы с поселками, дорогами и всем необходимым для нормальной жизни и работы людей.

Вся страна участвует в этой крупнейшей стройке. Такое возможно только в социалистическом государстве, в нерушимом братском союзе Советских республик. Мы постоянно ощущаем огромную помощь всех республик. На целине трудятся десятки тысяч людей, приехавших к нам из разных уголков нашей необъятной Родины, представляющих более пятидесяти наций и народностей. С огромным воодушевлением встретили труженики области великий праздник — 60-летие образования Союза Советских Социалистических Республик.

Сейчас в Каршинской степи освоено около 200 тысяч гектаров новых земель, организовано более 50 целинных совхозов. После прихода в степь в 1973 году амударьинской воды целинные совхозы уже дали стране более полутора миллионов тонн хлопка. Каршинская степь возвращает стране вложенные в нее средства. Отдача эта растет из года в год и будет расти.

С патриотическим подъемом восприняли труженики Кашкадарьи решения майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС.

В перспективе земледельцам области предстоит довести производство хлопка до 1 миллиона тонн, зерна — до 500 тысяч тонн, в 3—4 раза увеличить производство мяса, молока, яиц, овощей, плодов и винограда. Это будет наш вклад в решение Продовольственной программы СССР.

Прекрасен сегодняшний день, но еще больший расцвет обещает будущее. Созидательная, преобразующая сила социалистического строя неисчерпаема. Она берет свои истоки в ленинской дружбе всех народов нашей страны, во вдохновляющих перспективах, начертанных историческим XXVI съездом КПСС.

Р. ГАИПОВ
Первый секретарь Кашкадарьинского обкома Компартии Узбекистана,
депутат Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда

КАШКАДАРЬЯ
ШОРСАЙСКОЕ ВДХР.
МУБАРЕК
УРТАБУЛАК
ДЖЕЙНАУ
УЛЬЯНОВСК
КАСАН
КАРШИ
Кашкадарья
кан. Москва
ШАХРИСАБЗ
КИТАБ
ГЕЛАН
ЧИМКУРГАНСКОЕ ВДХР.
ЛАНГАР
Ульяновский кан.
Каршинский кан.
НИШАН
ТАЛИМАРДЖАНСКОЕ ВДХР.
ПАЧКАМАРСКОЕ ВДХР.
ДЕХКАНАБАД
МОСКВА

Мы назвали нашу книгу «Саратан». Саратан — это самое жаркое время года в восточном календаре. Каждый, кто жил или бывал в Средней Азии летом, знает, что это такое. Саратан — это зной и сухость, раскаленный воздух и не дающая прохлады тень; резкий свет и белесое небо, на которое нельзя смотреть. Песок, нагретый до восьмидесяти градусов, жгущий сквозь подошву, текущие слои цветной фотопленки. Обжигающие поверхности автомобилей. Вода, которую пьешь и пьешь — и не можешь напиться.

Саратан — это не сиеста в Испании; это в прямом и переносном смысле слова самое горячее время года — пик года, штурм стройки и ежегодный шквал хлопковой эпопеи, саратан года...

Сейчас в республиках Средней Азии — саратан века, быть может, саратан тысячелетия.

Народы, терпевшие эпохи завоеваний и унижений, лишь после победы Октября познали радость справедливости, жаркого, одухотворенного, огненного труда, труда созидающего, меняющего лицо древней земли, прокладывающего каналы, поднимающего воду на высоту птичьего полета в степи, бывшей безводной тысячи лет.

История хранит примеры грандиозных строительств; они остались в памяти человека египетскими пирамидами и каналами Хорезма. Но никогда прежде не было эпохи столь грандиозных преобразований, совершаемых свободными людьми на свободной земле.

Создаются новые города и поселки, прокладываются линии электропередач, газопроводы и магистральные каналы, появляются рукотворные моря. Люди преображают землю, труд на ней преображает людей. Их горизонт распахивается до беспредельности, их мышление, их мораль, их воображение становятся сложнее, потому что понятие «мой», «наше» расширяется до размеров нашей великой страны.

Первый раз мы попали в Кашкадарьинскую область, будучи участниками Всесоюзной экологической экспедиции «Живая вода», организованной ЦК ВЛКСМ и журналом «Сельская молодежь». Это была четвертая наша экспедиция и называлась она «Амударья-78». По дорогам Таджикистана, Узбекистана и Туркмении мы прошли вдоль великой реки от ее истоков на Памире до Аральского моря, до последних пикетов Каракумского канала. Каршинская степь лежала как раз посередине нашего маршрута. И нас поразил темп работ, ритм бурной жизни, динамизм развития производительных сил этого нового, созданного по воле партии хлопкового района по выращиванию тонковолокнистых сортов хлопчатника. Вот как родилась идея этой книги.

Удивительное чувство испытываешь, путешествуя по этим краям. Воистину «море тайн», как писал мудрый Махмуд ибн-Вали, и ты по этому морю плывешь. Караванные тропы, через тысячи лет превратившиеся в накатанный асфальт. Дороги здесь прямые, как стрелы, наконечники которых нет-нет да и встретишь у старых курганов. Остановись у любого источника, у сардобы, чьи толстые, искусно выложенные из кирпича стены хранят, кажется, не только воду, но и время; взгляни под ноги, и ты наткнешься на рыжий, как здешняя земля, черепок, остаток древнего кувшина. И, поднимая с земли черепок, осколок древней, чужой, но близкой культуры, понимаешь непрерывность и неразрывность жизни, о чем писал бродивший по этим местам Омар Хайям:

Стебель свежей травы, что под утренним солнцем блестит,
Волоском был того, что судьбою так рано убит.

На каждом шагу — следы иной, исчезнувшей, растворившейся в земле, ушедшей в пески культуры. Курганы, курганы, городища вздымаются над степью как намек на то, что и задолго до нас здесь жили люди. Тысячелетия культуры.

Здесь, на древней земле Узбекистана, на земле Мавераннахра и Согдианы, понимаешь, что вода, земля и люди неразделимы.

У всех, во все века родившихся на планете, есть общее занятие и общий долг: возделывать землю, выращивать сад.

Яркий, живой, солнечный край. Мы провели здесь, на узбекской земле, в Кашкадарье, несколько лет и полюбили этот край, в котором высокий Памир спускается в долину, нисходит на холмы Яккабага и Камаши и затихает на огромных пространствах Каршинской степи. Где еще в пределах одной области есть такие полярности, такие контрасты, как в Кашкадарье? Вечные снега, гигантские языки льдов, ползущие по горным долинам, и вечная жара песков Сундукли; здесь сошлось, собралось все сразу — и горы, и степи, и лед, и пламень, пески и плодородные земли.

Мы живем в последние десятилетия XX века. Все, что сооружается сейчас на земле, нацелено на XXI век. В известном смысле он уже наступил, прорастает из XX века. Наш век гордится многим — самолетами и ракетами, дорогами в космос, лазером... Но еще больше гордимся мы другим — необратимым началом в Великом Октябре исторического освобождения человека от рабства и угнетения! Думаем, что наш век по праву можно назвать веком эффективного земледелия. Никогда во все прошлые времена не осваивались, не вводились в оборот такие обширные пространства земли! Мы гордимся тем, что романтическое слово ЦЕЛИНА стало для нас родным и рабочим словом.

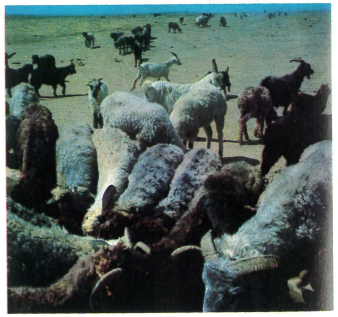
Нас покорил этот край, его замечательный народ, скромный и гостеприимный, стеснительный и очень естественный, трудолюбие которого вошло в пословицы. Никто лучше поэта не может точнее и глубже выразить существенные стороны бытия — мы обратились к классической восточной поэзии, к творчеству поэтов современного Узбекистана. Стихи, приведенные в книге, написаны разными поэтами на протяжении последней тысячи лет.

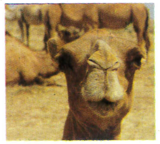
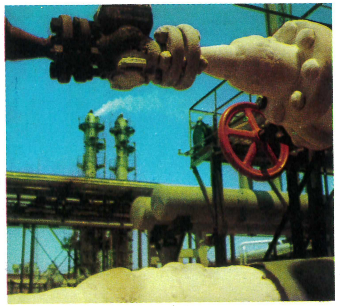
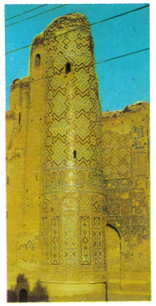
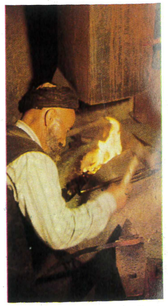
...Это не книга о Кашкадарьинской области — и, конечно же, книга о ней. Мы выбрали Каршинскую степь, дикую и преобразованную, чтобы на этом примере показать взаимоотношения людей и природы, достижения советского образа жизни в регионе древней традиционной культуры.

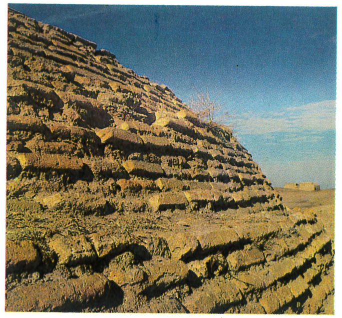
Степь

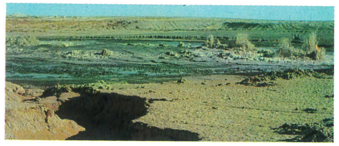
Жжет саратан, карает землю строго.
Он всемогущ, его настали дни.
Дехкан-бобо, вздремните хоть немного,
И ты, иссохший край мой, отдохни!
Посевы и кусты обожжены,
Земля — котел; он на огне калится.
Мучительно глядеть со стороны.
А каково в таком котле вариться?

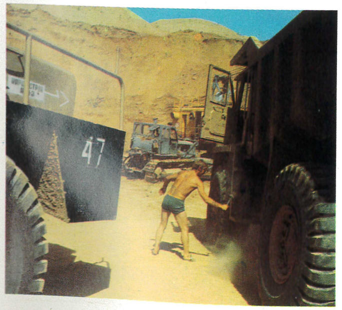
Абдулла Арипов

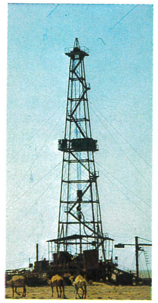







47



Каршинская степь начинается там, где земля устала вздыбливаться хребтами, тянущимися на карте мира сплошной темно-коричневой полосой от Тибета до Гиссара. Здесь горы истомились, истаяли, плавно спустились в долину, перемалываемые грандиозным конвейером вод, стекающих с ледников.

Итак, что такое Каршинская степь?

Горы (тау) на востоке области, на границе с Таджикистаном и Сурхандарьинской областью, плавно переходят в предгорья (адыры), а западнее — в бескрайние волнообразные, почти плоские пространства равнин и песков, называемых географами и местными скотоводами одинаково: чуль (степь).

Степная часть занимает три четверти области, смыкаясь на севере с Джамской степью Самаркандской области, на юго-западе переходит в пески Сундукли, на северо-западе, на границе с Бухарской и Навоийской областями, — пустыню Кызылкум.

В древние времена здесь были земли Согдианы, позднее — Мавераннахра (переводится «то, что за рекой») со столицей в Самарканде. В VIII веке местные жители отчаянно сопротивлялись арабскому завоеванию, насмерть сражались под стенами Кеша, нынешнего Шахрисабза.

На этих землях пылало пламя восстания против арабов, поднятого легендарным вождем Муканной. В городе Карши (Нахшебе), как гласит легенда, он «вынул луну из колодца» и погиб здесь...

Широта Кашкадарьинской области соответствует широте Греции и Южной Испании. Однако открытость северным ветрам, континентальный климат обусловливают ее специфику. Впрочем, Кашкадарьинская область — один из самых теплых районов СССР: климат сухих субтропиков, свойственный большей части области, среднегодовая температура — плюс 15 градусов, средняя температура января — около 0 градусов, хотя бывает и минус 20. Этот район по своим климатическим условиям пригоден для выращивания теплолюбивых, субтропических культур, и прежде всего — ценного тонковолокнистого хлопчатника.

Огромные пространства Каршинской степи (около 13 тысяч квадратных километров) вполне могли бы расцвести садами, но не хватало главного — воды.

Так ли недостижима была вода? Орошалась ли когда-нибудь земля Каршинской степи?

Если пролететь над степью на вертолете, поднявшись довольно высоко, то среди полей и нетронутой еще степи можно увидеть едва заметные, но явно различимые следы древних каналов. Действительно, исторические источники говорят о том, что каналы были.

Чиновник русской администрации в Самарканде в 1874—1889 годах ученый Г. А. Арендаренко, бывавший в Карши и Шахрисабзе, писал, что, по имеющимся у него сведениям, воды реки Заравшан использовались для орошения Каршинской степи. В глубокой древности (еще в I тысячелетии до н. э.) для этих целей был проложен канал Монас протяженностью 300 верст. Через горы он шел в пробитом пятиметровой ширины туннеле длиной 1200 метров. Современные археологи утверждают, что канал этот действовал тысячи лет и был забыт только после походов Чингисхана, когда на долгие годы обезлюдели города и деревни. Канал был восстановлен во времена Тимура — и снова разрушен, когда Тимуридская держава склонилась к закату, а силу набрала Бухара...

Еще пятьсот лет назад степные узбеки каждую весну чистили канал Эски-анхор, начиная от кишлака Джам, что в Джамской степи. Символично, что древнейший канал работает и сейчас. Исследования показали, что современный, построенный в 50-е годы канал имени Ленинского комсомола Узбекистана идет, в основном, в русле древнего канала Эски-анхор. Так точно выбрали трассу древние гидротехники!

...На нынешней территории Кашкадарьинской области во времена Бухарского эмирата насчитывалось шесть бекств: Каршинское, Гузарское, Яккабагское, Чиракчинское, Китабское и Шахрисабзское. Только в Китабском и Шахрисабзском бекствах в начале XIX века уже занимались хлопководством, в остальных разводили каракулевых овец.

Каршинская степь, волнистая равнина в Узб. ССР. Понижается от 500 до 200 м с В. на З., от холмистых предгорий Зеравшанского и Гиссарского хребтов к пескам Сундукли. Часть К. с. орошается водами р. Кашкадарья. Климат засушливый, осадков 200—400 мм в год. Покрыта пустынной полынно-солянковой и эфемеровой растительностью. Значит. часть земель используется под посевы зерновых и хлопчатника. В вост. части равнины у юж. подножия возв. Кунгуртау расположен г. Карши.

БСЭ, Москва, 1973 г., т. 11, с. 491.

После того, как Бухара стала протекторатом России (1868 год), кашкадарьинские бекства оказались в самом неблагоприятном положении. Они почти лишились выгод от транзитной торговли Бухары с восточными странами, которая сильно сократилась, а выгоды от торговли с Россией до них, окраинных, не доходили.

«Со времени присоединения в 1870 году к Бухарским владениям гг. Китаба и Шахрисабза с оседлостями долины Кашкадарьи бухарский эмир проводит каждогодно в этих пограничных с Заравшанским округом бекствах несколько месяцев, считая это существенно необходимым для поддержания своего режима над теми узбеками — кенегезцами, которые в прежнее время так часто выделяли из своей среды узурпаторов, державших в страхе и самого эмира», — сообщал из Бухары в Ташкент генерал-губернатору Туркестана К. П. Кауфману Г. А. Арендаренко.

В конце прошлого века предприимчивые промышленники и банкиры уже посматривали в сторону Каршинской степи. В 80-х годах инженер Лессар предложил оросить посредством самотечного канала Бухарский и Каракульский оазисы Заравшанской долины, а освободившиеся воды Заравшана использовать для орошения 400 тысяч гектаров Каршинских земель. Бухарское правительство сначала выказало заинтересованность в этом, но затем все расчеты, проекты и чертежи были сожжены.

Через несколько лет русский гидротехник Анненков провел съемку местности и показал возможность самотечной подачи амударьинской воды в низовья Кашкадарьи. Еще через несколько лет, в 1896 году, заявку на Аму-Бухарский канал — через Карши — подал некий предприниматель. Дело, впрочем, не сдвинулось.

Накануне нового века, в 1899 году, заведующий ирригацией управления и землеустройства Туркестанского края Н. П. Петров обобщил все предложения и проекты. По его подсчетам выходило, что самотечный канал должен быть длиной не менее 420 верст, а ценой — не дешевле 25 миллионов рублей. Таких денег не готов был дать ни эмир, ни великий князь, ни царь, ни один из частных банков.

Но впоследствии степь буквально наводнили всякого рода изыскатели, концессионеры, авантюристы, среди них англичане, немцы и даже американцы. За большие земли началась большая схватка.

В те годы основным поставщиком хлопка в Россию была Америка. Чем больше расширялись посевы хлопка в России, тем меньше ввозили его из-за рубежа.

В 1903 году в русской Средней Азии работала американская «археологическая» экспедиция. Правда, в экспедиции ни одного археолога не было, зато были инженеры, гидрологи, географы. Скоро за океаном вышла в свет книга участника экспедиции географа Хантингтона, в которой доказывалась бесперспективность орошаемого земледелия в Средней Азии. Книга не помогла. Русские ученые А. И. Воейков и Л. С. Берг разбили псевдоаргументы настолько убедительно, что перед первой мировой войной американский миллионер Дж. Гаммонд пытался получить в Туркестане в концессию 300 тысяч десятин земли на 33 года. И это не удалось...

В справочнике, изданном в 1902 году, о кашкадарьинском крае писалось: «Здесь только 10 процентов площади могут считаться пригодными для культурного земледелия, а остальные негодны даже для животноводства». Однако в 1911—1912 годах первые крупные изыскательские партии изучили под руководством инженера Грегоржевского возможность подачи амударьинской воды в Каршинскую степь, впервые поставив этот вопрос на научную основу.

Но так получилось, что несмотря на повсеместный хлопковый «бум» во всем русском Туркестане, в кашкадарьинских бекствах в начале XX века хлопком засевали значительно меньшие площади, чем в пятидеся-

Кашкадарьинская область
Центр — г. Карши (113 тыс. чел.)
Дата образования области — 7 февраля 1964 года
Территория в тыс. кв. км. — 28,4
Население в тыс. — 1157
В том числе: городское — 293, сельское — 864
Расстояние от Москвы до Карши — 3530 км
Расстояние от Ташкента до Карши 518 км

СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. Москва, 1980 г., с. 367.

(На 1 января 1983 г. население г. Карши составило 122 тыс., а области — 1240 тыс. чел.).

тых годах прошлого века. В 1913 году из общей посевной площади 316,6 тысячи гектаров под хлопком (низкокачественным, малоурожайным сортом «гуза») было всего около двух тысяч гектаров. Средняя урожайность зерновых составляла около пяти центнеров с гектара, хлопка — 3,7 центнера с гектара.

В том же году экспедиция почвоведа Г. А. Димо отметила в пределах Каршинской степи 200 тысяч десятин, пригодных для использования. В этот год, накануне мировой войны, в Каршинской степи насчитывалось 7693 хозяйства кочевников с населением 47 225 человек, имевших всего 11 673 лошади, 6433 голов крупного рогатого скота, 16 129 верблюдов, 148 868 овец, 54 506 коз и 4550 ослов. Жизнь была трудной, нищей и беспросветной.

Исследования водных и земельных ресурсов края замерли в годы первой мировой войны и возобновились лишь в годы Советской власти. Еще шла борьба с басмачеством, еще стреляли и убивали активистов, бедняков, учителей и коммунистов, а геологи, инженеры, почвоведы уже вышли в маршруты. Нельзя без волнения читать скупые строки отчетов, сделанных в те годы,— ведь каждая цифра в них давалась ценой неимоверных усилий, лишений и риска, а порой и жизни.

С 1925 года под руководством инженера Г. Н. Виноградова началась планомерная научно-практическая работа, обобщенная в «Схеме водо-земельного использования в бассейне реки Кашкадарьи». Правда, здесь речь шла об использовании вод самой Кашкадарьи. На вопрос о возможности подачи амударьинской воды в Каршинскую степь схема отвечала отрицательно. Но чем ближе мы подходим к нашим дням, тем стремительнее разворачиваются события. Уже в 1930 году был составлен технико-экономический доклад «Проблема питания водами Аму-дарьи западных районов Узбекистана».

Но только после окончания Великой Отечественной войны начались работы по составлению проекта орошения земель Каршинской степи водами Амударьи.

Интересно бывает полистать старые и не очень старые книги. Вот объемистый двухтомник «Кашкадарьинская область», вышедший в 1959 году в Ташкенте. Авторы пишут:

«Учитывая, что сколько-нибудь серьезное развитие орошения в бассейне р. Кашкадарья может происходить лишь при условии привлечения дополнительной воды из рек других бассейнов, возникло предложение получения такой воды машинным водоподъемом из Амударьи с подачей ее в район г. Карши каналом. Это позволит приблизить намечавшуюся в далекой перспективе проблему машинного орошения 200 тысяч гектаров».

Историческая битва за Каршинскую степь началась в 1963 году. В этом году было принято постановление ЦК Компартии Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР «Об орошении и освоении целинных земель Каршинской степи». Освоение степи из вековой мечты превратилось в реальность, в запланированное, рассчитанное на многие годы практическое дело.

В основу всех расчетов лег твердо установленный учеными факт: в Каршинской степи более миллиона гектаров плодородных земель пригодны для орошаемого земледелия. По генеральному плану освоения первой очереди предусматривалось строительство Каршинского и Ульяновского магистральных каналов с каскадом крупнейших насосных станций, Талимарджанского водохранилища и ввод новых орошаемых земель общей площадью 200 тысяч гектаров.

Штурм Каршинской целины страна начинала, имея за плечами опыт освоения казахстанских просторов, орошения Голодной степи. Каршинская степь с самого начала осваивается комплексно: чтобы избежать межведомственных неурядиц, первоначально все нити управления сосредоточились в одной мощной организации — «Каршистрой». В систему управления «Каршистрой» вошли строители и ирригаторы, транспортники и энергетики, работники стройиндустрии и многие другие

Увеличить производство тонковолокнистых сортов хлопка. Ввести в эксплуатацию новые орошаемые земли на площади 500 тысяч гектаров. Продолжить работы по орошению и освоению Голодной и Каршинской степей и Сурхан-Шерабадской долины. Развернуть работы по ликвидации засоления и заболачивания орошаемых земель, повышению водообеспеченности маловодных систем.
Материалы XXIII съезда КПСС
Политиздат, Москва, 1966 г., с. 272

Ввести в эксплуатацию 650 тысяч гектаров новых орошаемых земель под посевы хлопчатника главным образом за счет ускорения работ в Каршинской и Шерабадской степях, зоне Каракумского канала и Ферганской долине и окончания работ в Голодной степи.
Материалы XXIV съезда КПСС.
Политиздат, Москва, 1971 г., с. 264

подразделения. В центре внимания были канал и новая жизнь, которая должна прийти в степь: новые совхозы, поселки, дороги, фермы, склады, мастерские, больницы, школы, детсады, библиотеки. В дальнейшем, с ростом объемов работ было создано территориальное управление «Каршиирстепьстрой».

Мощные строительные подразделения сразу начали прокладку магистрального канала, строительство уникальных насосных станций, энергоподстанций, дорог, линий электропередач, жилья, школ, больниц, детских учреждений. Практически одновременно строился каскад из шести насосных станций — ведь иначе вода не пришла бы в степь.

Каршинский магистральный канал с каскадом насосных станций не знает пока себе равных в мире: каждую секунду они поднимают на 132-метровую высоту 240 кубических метров воды — целую полноводную реку. А поднимает амударьинскую воду энергия из Единой энергосистемы Средней Азии.

Невозможно перечислить здесь все технические решения, впервые примененные при строительстве Каршинского магистрального канала и насосных станций, проектировании, монтаже и наладке исполинских насосов, электродвигатели для которых изготовили уральские рабочие.

Первого июня 1973 года, раньше намеченных сроков, амударьинская вода пришла в Каршинскую степь. В тот же год хлопкоробы засеяли первые тысячи гектаров целины, по осени страна получила первые тысячи тонн хлопка. В степи вырос город целинников Талимарджан, а недалеко от него — крупное Талимарджанское водохранилище. Четко работает каскад насосных станций, далеко в степь ушел Каршинский магистральный канал, от него ответвился, давая жизнь новым районам, Ульяновский канал.

Двадцать лет назад строители вбили первые колышки в степную землю. Десять лет назад в степь пришла первая амударьинская вода, которая оросила, напоила досыта землю, где теперь выросли и уже плодоносят новые сады и виноградники, благоухают в зелени поселки, широко раскинулись хлопковые поля и хлебные нивы, выращиваются овощи и бахчевые.

И все это сделано героическим трудом советского человека — человека-творца, человека-труженика под руководством нашей ленинской партии.

Мечты стали осязаемой реальностью, повседневностью, бытом, жизнью, земля — обжитой и щедрой. Где, в какой стране возможно такое?

Увеличить среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства на 21—24 процента. Довести в 1980 году производство хлопка-сырца до 5,8 млн. тонн. Создать новый крупный район по выращиванию тонковолокнистого хлопчатника в Каршинской степи и развернуть работы по освоению Джизакской степи.
Материалы XXV съезда КПСС
Политиздат, Москва, 1976 г., с. 230

Ускорить развитие виноградарства, бахчеводства и плодоводства. Продолжить освоение Каршинской и Джизакской степей. Ввести в эксплуатацию 450—465 тыс. гектаров орошаемых земель, обводнить 1,5 млн. гектаров пастбищ.
Материалы XXVI съезда КПСС
Политиздат, Москва, 1981 г., с. 190

РОДНИК

В горах родник родился в некий год
И начал пробивать дорогу к рекам,
Но человек не пожалел забот,
Сочтя, что русло родниковых вод
Сотворено должно быть человеком.

Оставьте, люди, пусть течет он сам,
Мешать ему подмогой не годится.
Пусть он на радость и себе и нам
Найдет дорогу к рекам и к морям
И сам борьбой нелегкой насладится.

Абдулла Арипов

Дорогой, бесценной была в степи вода большую часть года: грязевыми потоками проносилась она в считанные часы после редких дождей и исчезала в ненапившейся земле, испарялась в бездонном небе.

Издавна крестьяне сооружали небольшие плотины, создавали водохранилища. Построенные без инженерных и гидрологических знаний, они порой существовали до первого большого паводка, до селя или до набега враждебных племен.

Через эти земли издревле проходили караванные пути из Индии, Ирана и Афганистана в Бухару, Хорезм и Самарканд. Шли через степь, через Кызылкумы караваны по заведенному в веках маршруту. Путь шел от колодца к колодцу, от сардобы к сардобе. Сардоба — это удивительное сооружение, раскрывающее и мудрость народа, и глубину его знаний, и, что особенно важно, ценность воды — ведь в сардобу собиралась редкая, выпавшая с небес дождевая вода.

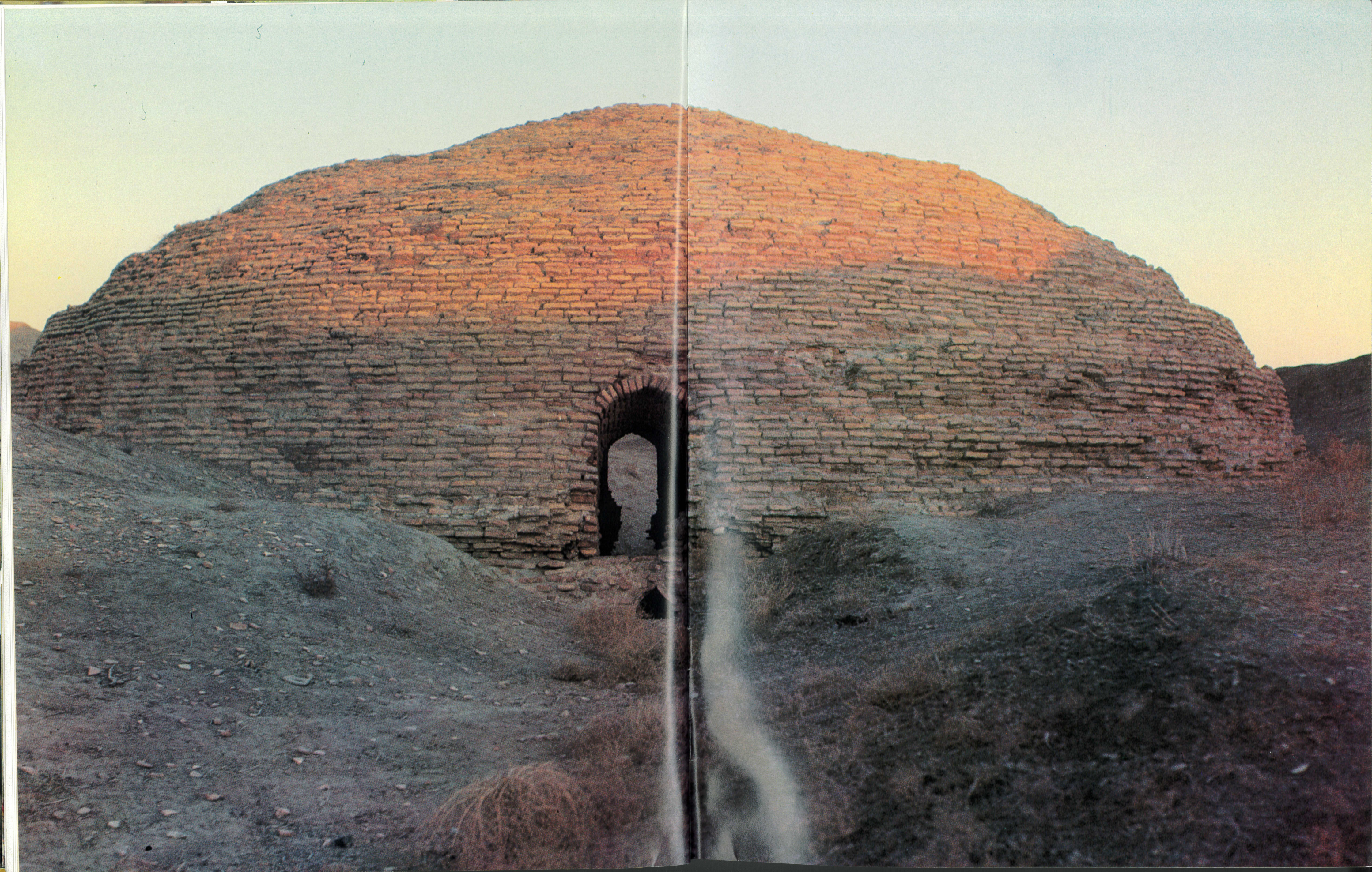
«Сардоба» с таджикского буквально переводится как «прохладная вода». Немного осталось на свете этих замечательных сооружений — храмов воды. Прежде они давали жизнь людям, селившимся поблизости от сардоб, и путешественникам.

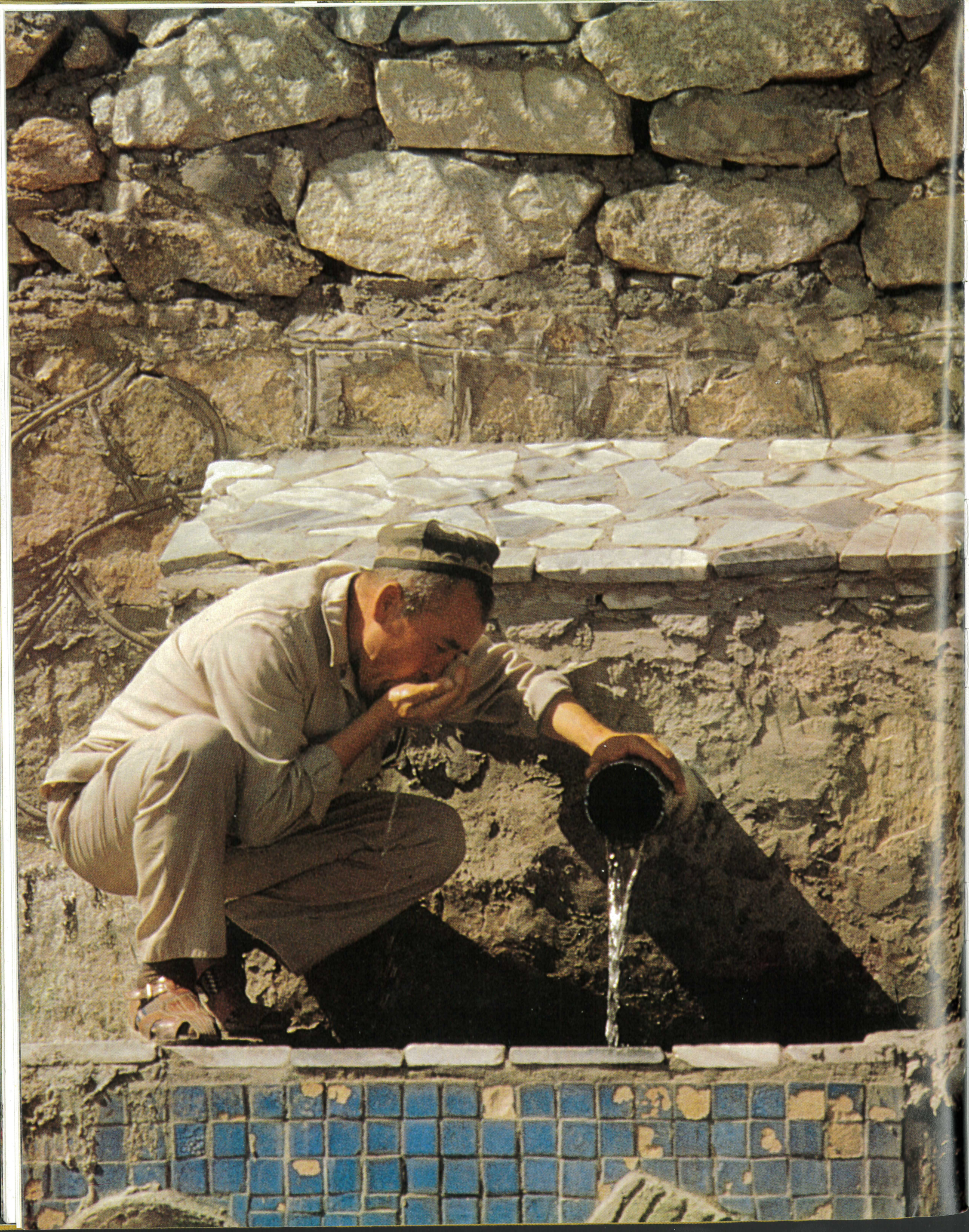
Даже теперь сардоба вызывает восхищение — и красотою форм, и аккуратностью водонепроницаемой кладки, и точностью гидрологического расчета. Время и люди уничтожили эти некогда хранимые и почитаемые сооружения. Мы видели в Кашкадарье всего несколько сардоб. Попавшая в нашу книгу находится у кишлака в Касби.

Не где попало — в понижениях рельефа, в местах, где собирались талые, дождевые воды, и там, где была подходящая подстилающая водонепроницаемая порода — такыры, строились сардобы. Сардоба — это не колодец, не родник и не бассейн, хотя на бассейн более всего походит это сооружение. Сардоба — это средневековое водохранилище. Остается удивляться сложности замысла и совершенству его исполнения — вода в сардобе была, говорят, всегда и всегда сохранялась прозрачной, вкусной, освежающей.

Сардоба — купол, возвышающийся над землей, выложенный из жженого кирпича, а по дну водонепроницаемым слоем, с вентиляционными окнами, распахнутыми на четыре стороны света.

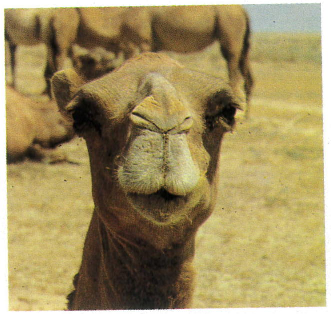
...Мало осталось их, памятников воде, в Узбекистане, в разной стадии сохранности дошли они до нас. Сейчас они находятся под охраной государства, многие восстановлены и снова дарят человеку прохладу чистых вод. Они и сегодня напоминают о бесценности воды.





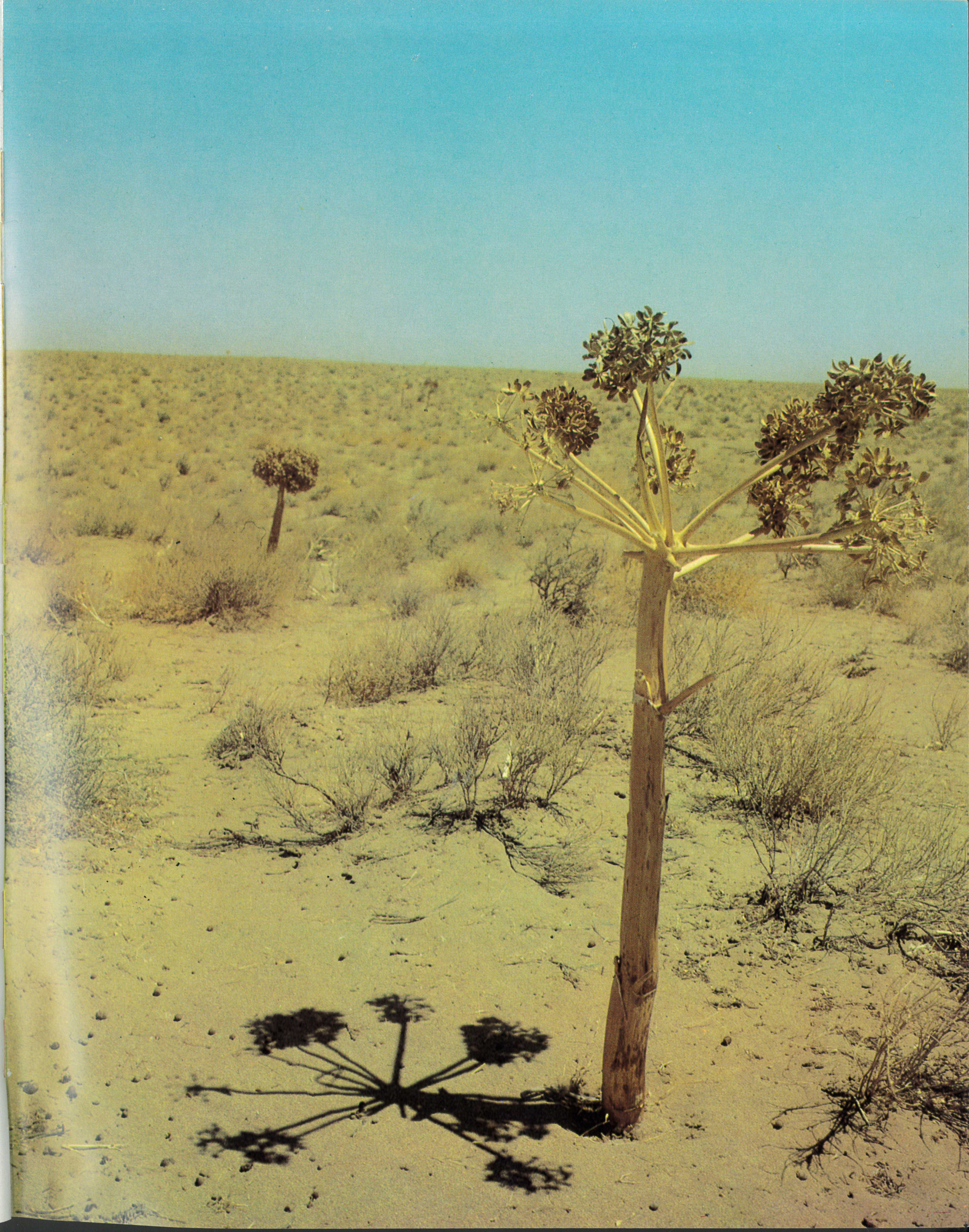
На этой земле все однажды землею мы станем,
и все растворимся —
в рассвете,
в траве
и в тумане.
Но будут другие ходить по земле молодые
и пробовать будут земные плоды налитые,
друг другу нашепчут слова, что мы прежде шептали,
и звезды ночные
для них прозвенят, как медали...
И может,
почувствует юность грядущая эта
и нас,
как частичку цветенья,
и ветра,
и света...

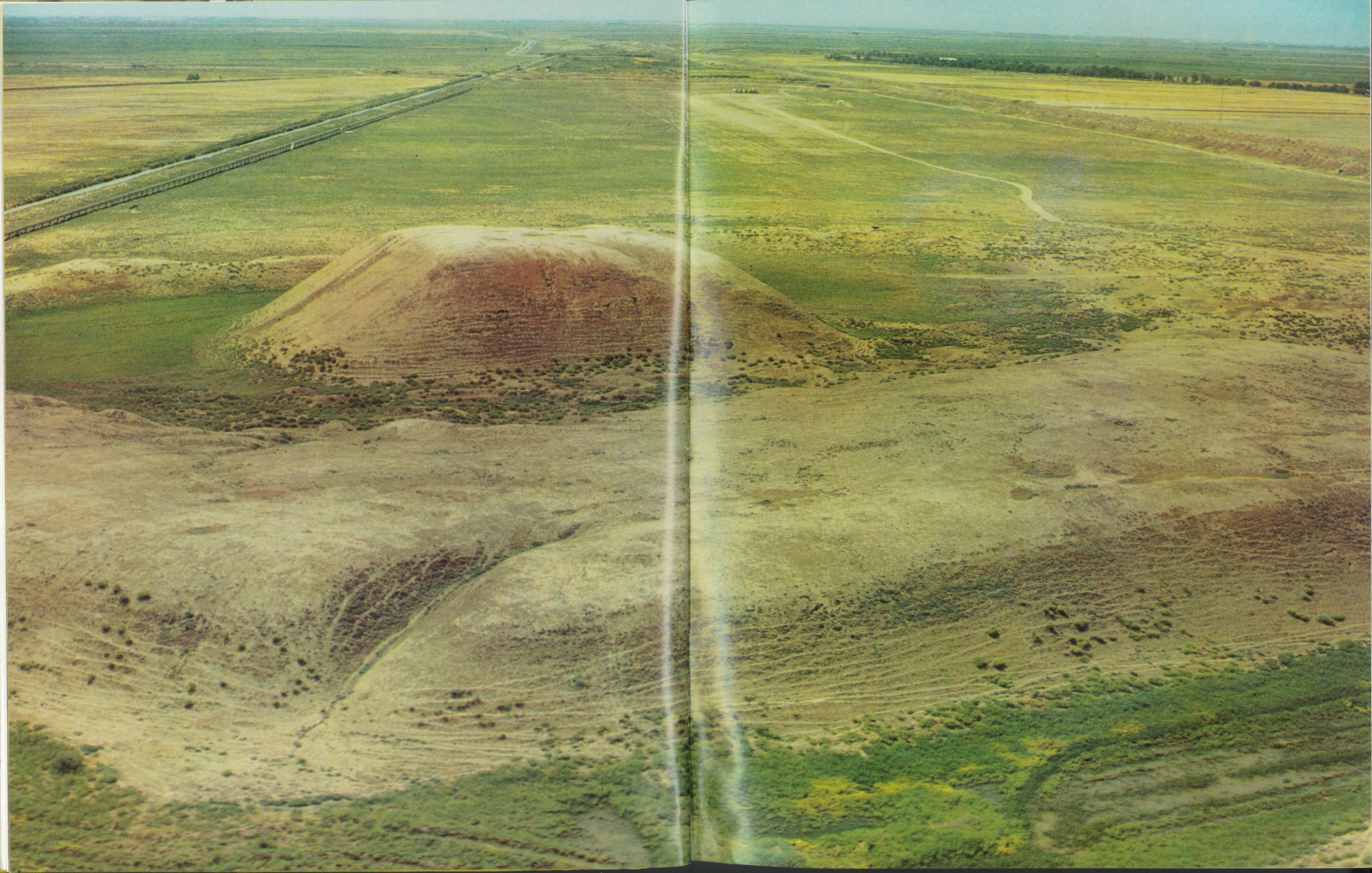
Раззак Абдурашидов



На всем пути, в пустыне раскаленной,
Ни капли влаги, ни травы зеленой.
Лев по пескам пустыни не пройдет,
Над ней не справит коршун свой полет.
Там вьются смерчи, движутся пески,
Как купорос, горят солончаки.

Фирдоуси

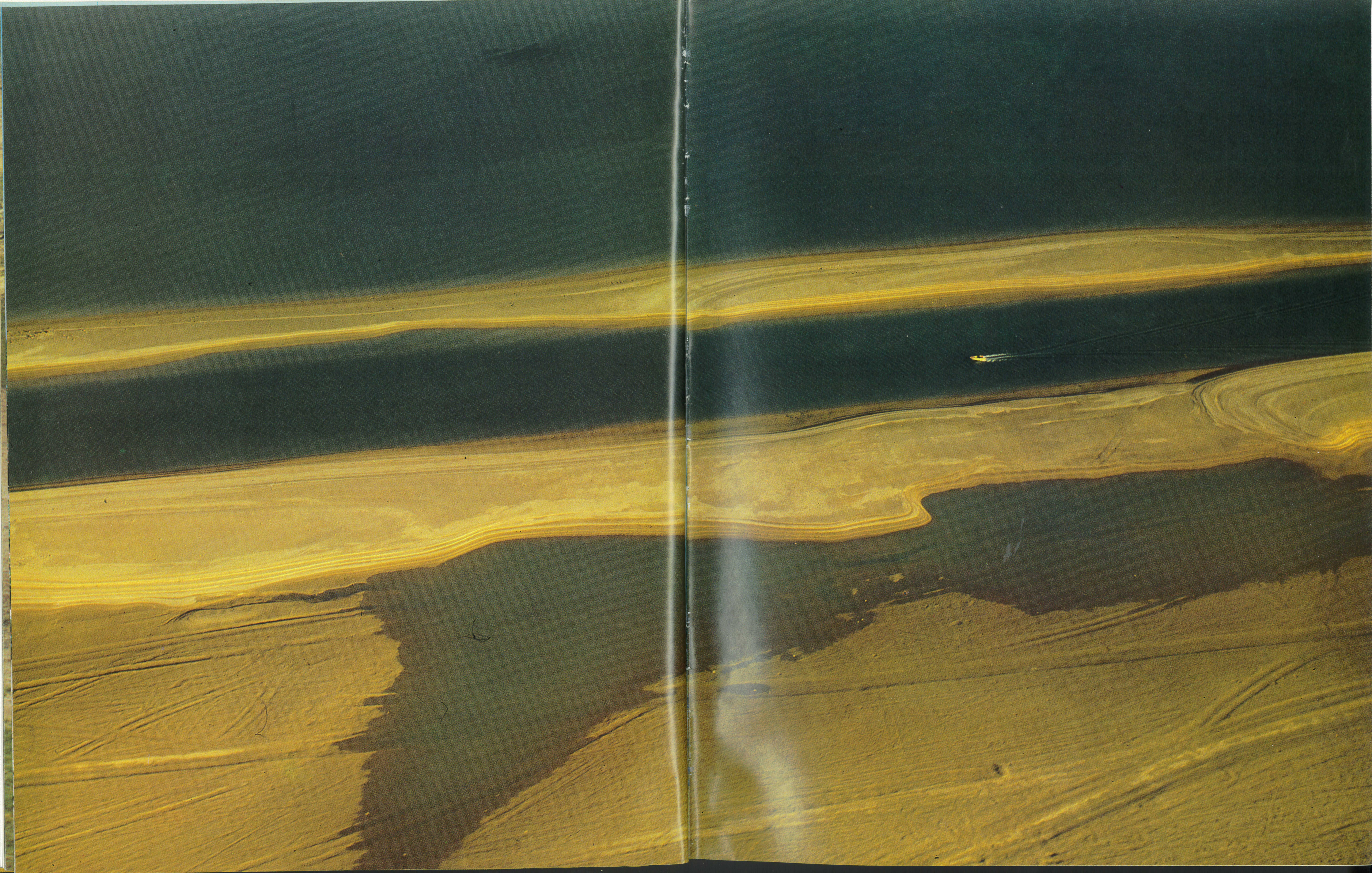




Я знаю, что задолго до рассвета,
От солнца черный, от годов седой,
Пришли вы, как всегда, на поле это,
Склонились над иссохшей бороздой.

Покуда зной так жарок, отдохните,—
И солнце, распаленное давно,
Застыло, удивленное, в зените!
Оно упорством вашим смущено.

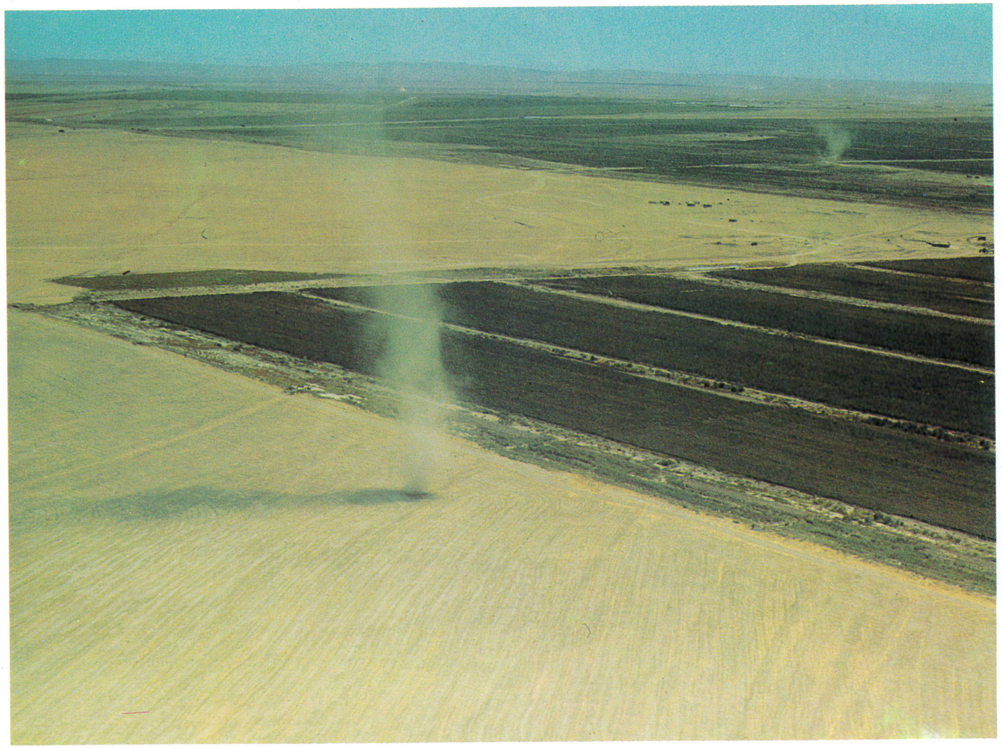
Абдулла Арипов



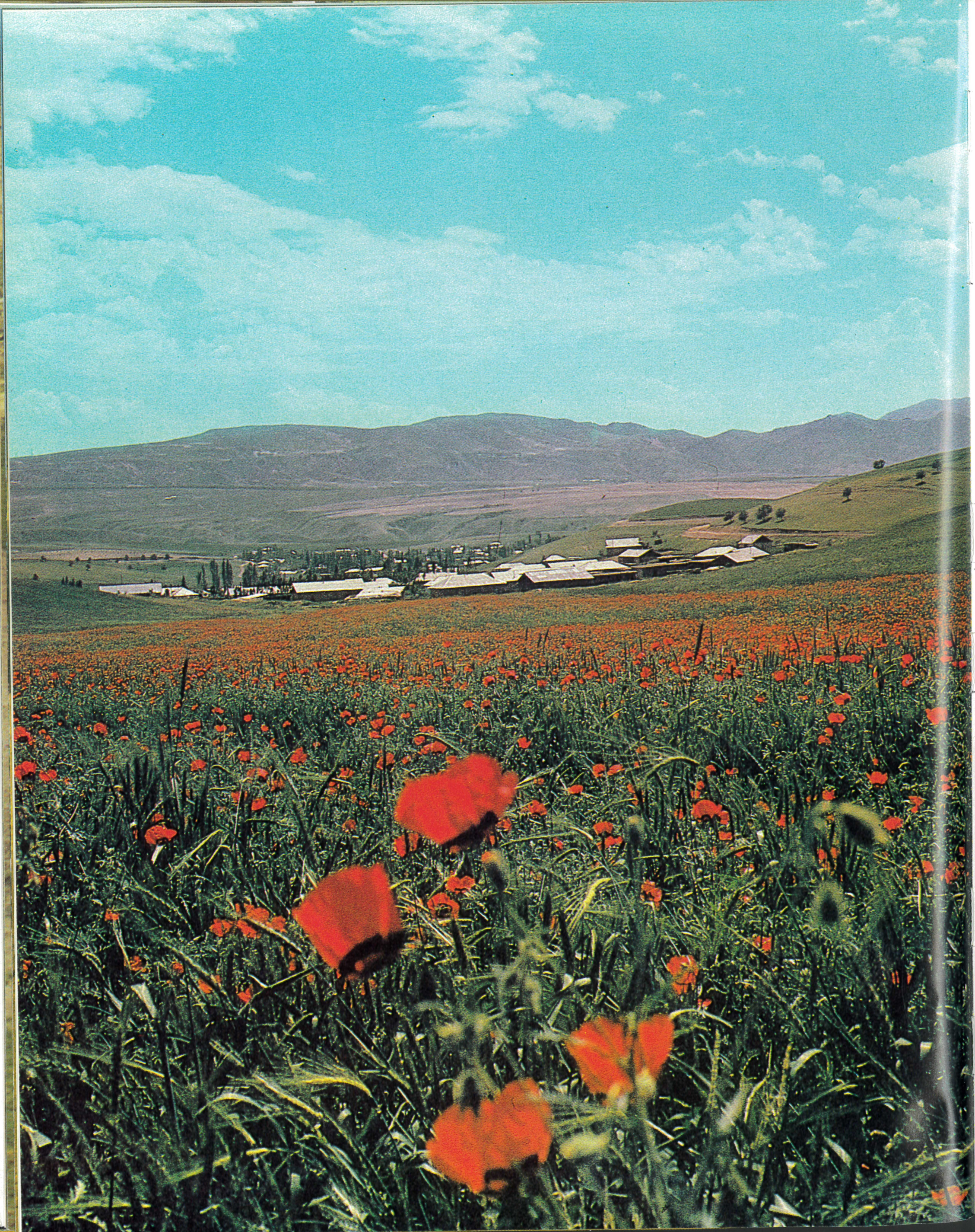
Река Кашкадарья, давшая название области, полностью разбирается на орошение. Раздарившая себя полям, она исчезает в песках за Мубареком.

Хлопковое поле старого орошения, снятое в Китабском районе,— маленькие неровные карты полей, усеянные тутовыми деревьями, земляные арыки, борозды, по которым на поля идет благодатная вода.

Сверху далеко видны гребни барханов на горизонте, и вышки буровиков, и соленые озера, зеленые, как бутылочное стекло, и факелы газа, еще не пристроенного к делу, но рвущемуся к нему из глубинного небытия,— он вырывается, как джинны из бутылки, где томился миллионы лет, газ — дух энергии.



Когда подолгу летаешь над степью, удается сфотографировать даже смерчи, нередкие здесь, с точки, прежде недоступной человеку.



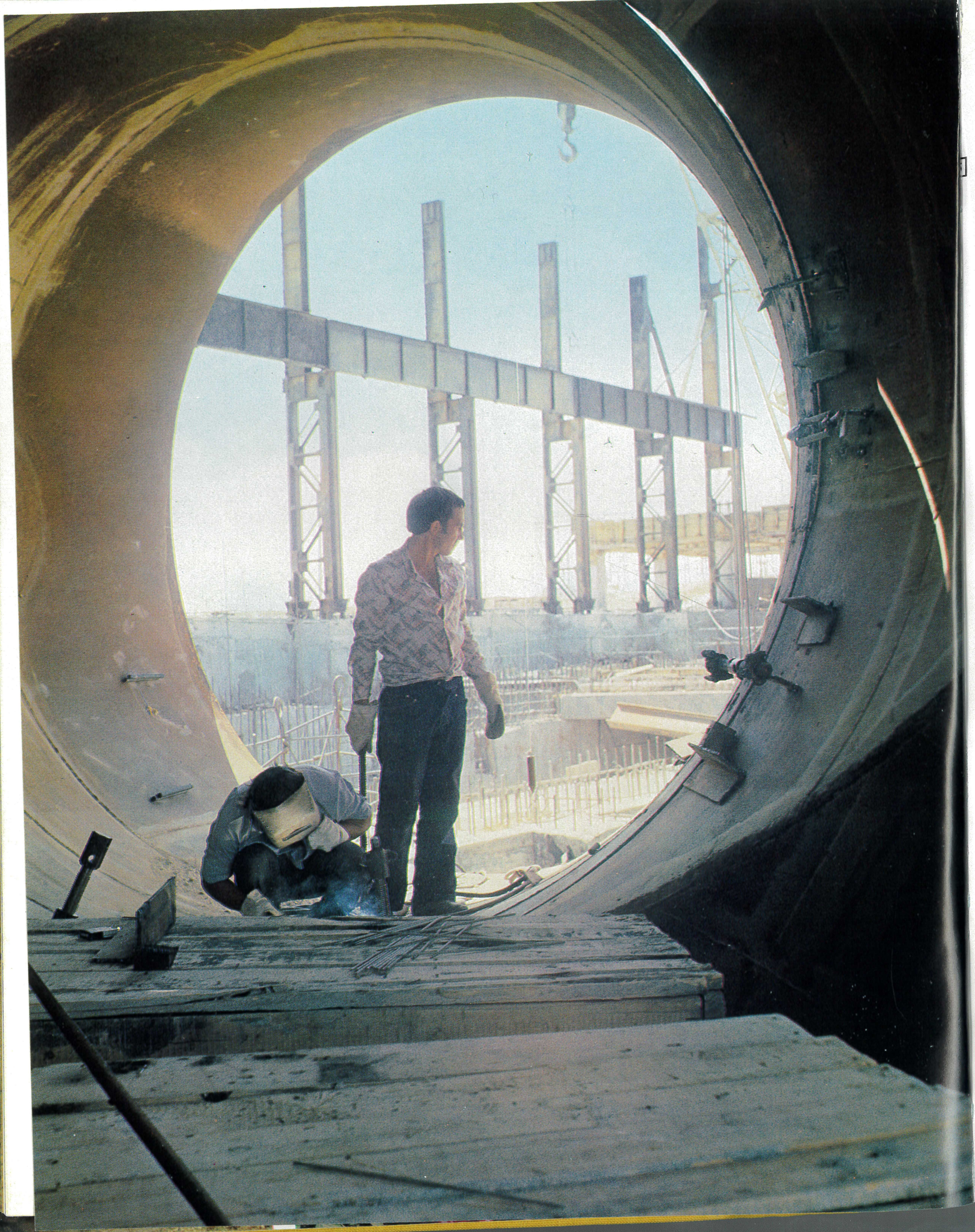
Газовики работают повсюду в степи вахтовым методом — приезжают они на смену — одну-две недели, живут в уютных вагончиках, общежитиях, где есть все, включая кондиционеры, холодильники и телевизоры. А потом садятся в мягкий «Икарус» и едут домой — в Карши, Мубарек, Гузар, Касан.

Лоток в желтой пустыне для нас символизирует «Каршистрой» и «Каршиирстепьстрой» — крупнейшие в стране организации по освоению целинных земель. Они не только прокладывают каналы, строят насосные, планируют поля, создают поселки, сооружают новые совхозы, приводят воду на поля, отвоеванные у степи. По бетонным лоткам бежит вода, и выжженная степь становится зеленым, а потом белым хлопковым полем.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов среди строителей Касанского маслоэкстракционного завода.

Как передать напряжение, темп и ритм освоения? Этот снимок сделан нами с вертолета летом 1980 года. Сегодня эта фотография — уже история: последняя насосная станция построена, каскад работает, гигантские насосы уже подают воду в Талимарджанское водохранилище и дальше, на поля.
Полтора миллиарда кубических метров воды вместит в себя новое Талимарджанское море; отсюда вода сама пойдет уже на поля, по всей Каршинской степи.

Из карьера на гребень плотины и обратно сновали БелАЗы, КрАЗы и МАЗы, воздух был наполнен гарью, ревом и пылью. Каждый вечер многокилометровая плотина подрастала на несколько сантиметров. А внизу уже плескалась — до горизонта — синяя вода, в глубинах ее неслышно ходили косяки рыбы, а берегом чабаны водили отары. В реве и дыме рождалось новое море в степи. Отгремит, отшумит стройка, природа залечит раны, нанесенные машинами, покроет ковром трав рукотворные откосы,— они станут почти неотличимыми от окрестных холмов, и приезжему человеку, взошедшему на плотину, покажется, что так было всегда. А пока на строительстве Талимарджанского водохранилища жарко.



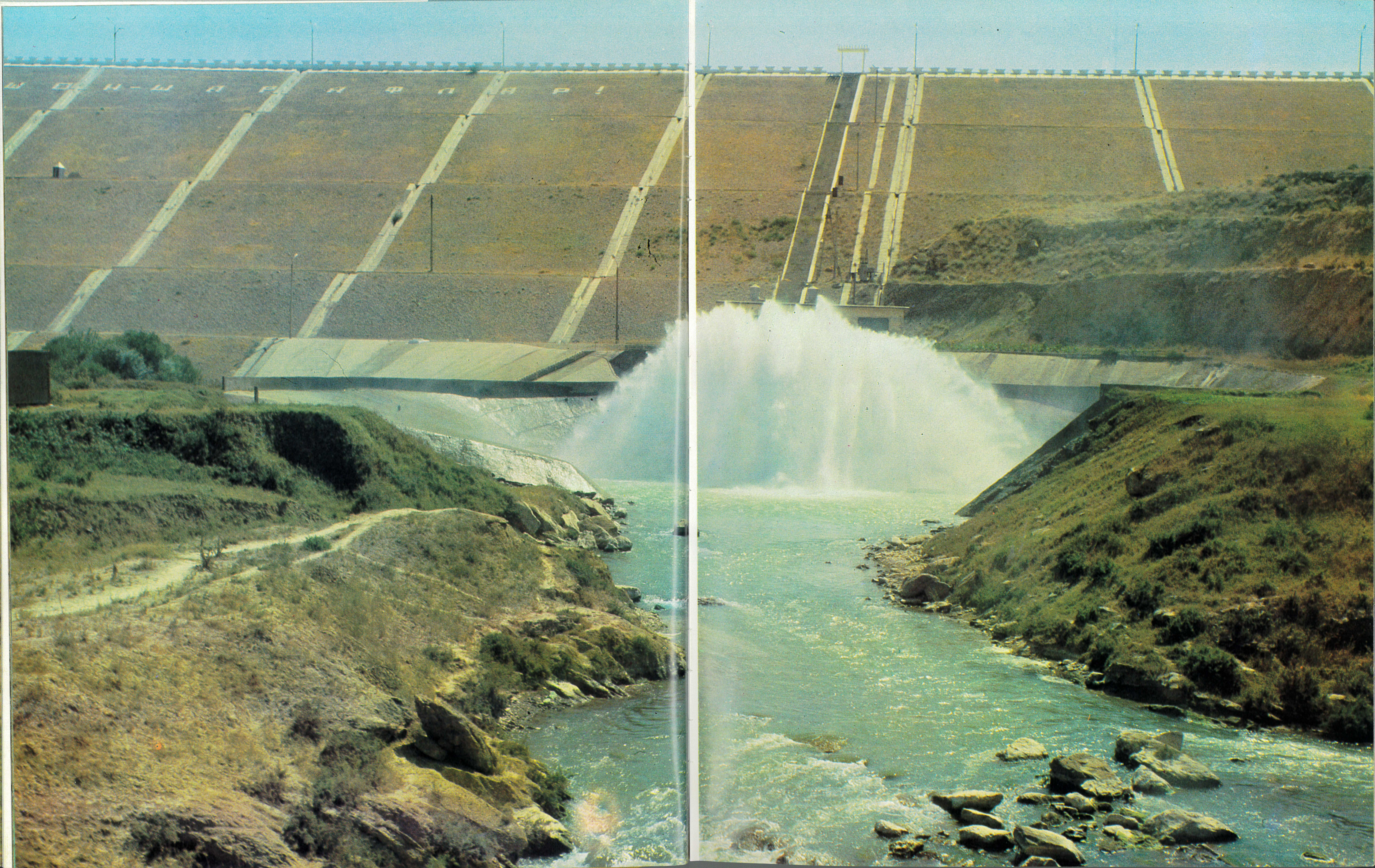
Если верить термометру, в тени сорок два, на солнце пятьдесят, а сколько же в кабине БелАЗа? Панели и рукоятки горячи, воздух сух и раскален. Саратан...

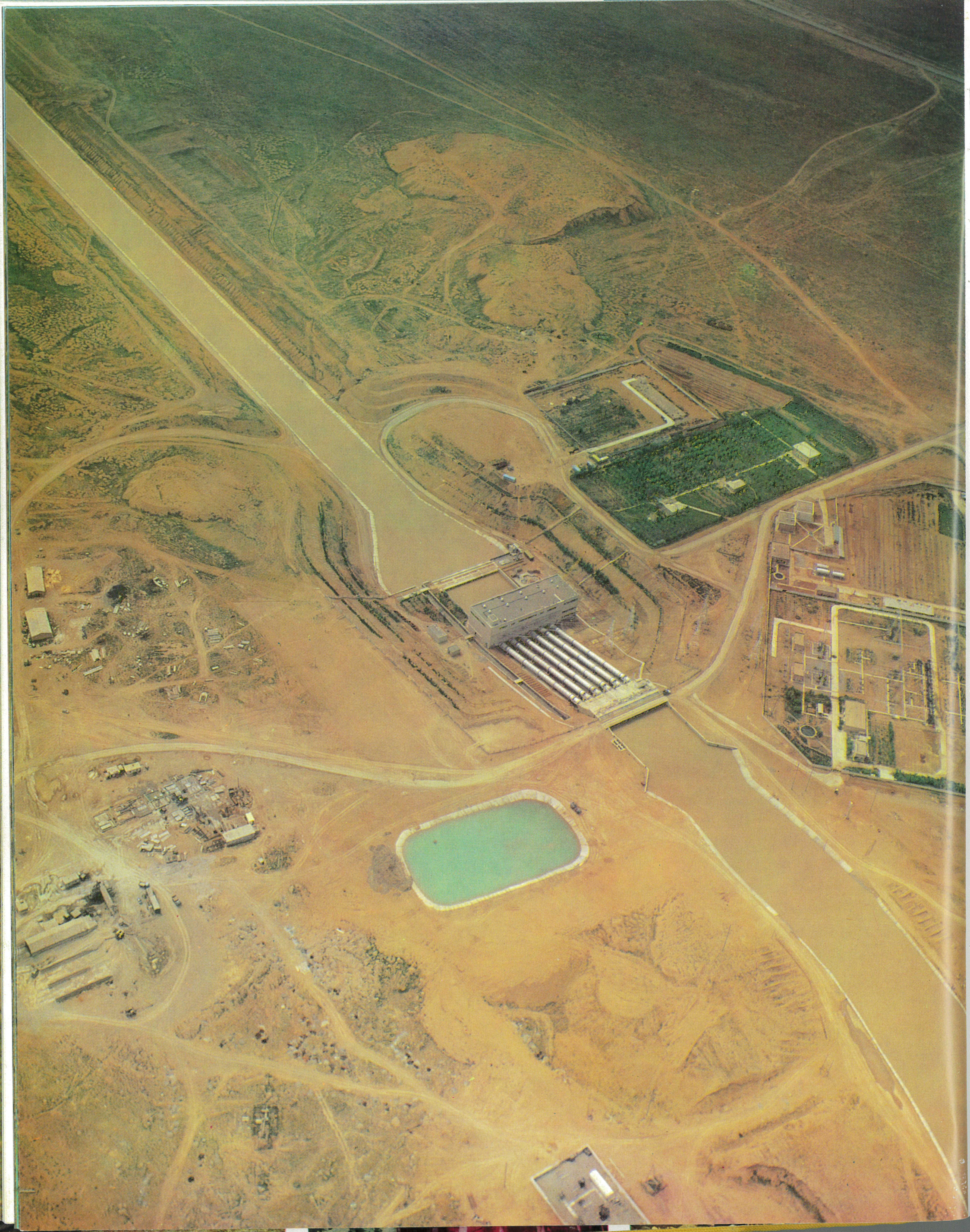
Строится седьмая насосная станция — последняя в каскаде станций Каршинского магистрального канала. Сейчас по гигантским водоводам уже несется вода.

У Амударьи начинается «голова» Каршинского магистрального канала. Мощные земснаряды день и ночь ведут борьбу с непокорной рекой, пытаясь справиться с наносами.

Представьте себе стройку времен первой пятилетки. Какой эффектный кадр увидели бы вы вместо этого незаполненного пространства: тысячи людей, тачки, вагонетки, носилки, корзины, мелькающие на солнце кетмени, халаты, бороды, буденовки, чалмы, тюбетейки!

А сейчас тысячи «лошадиных» сил сконцентрировались в кулак моторизованной мощи.


ШОН-ШАРАФЛАР!



Государственные капиталовложения на освоение Каршинской степи за истекшие 18 лет составили 1,5 миллиарда рублей. Введено основных фондов на сумму более 1 миллиарда рублей, построено 440 километров водопроводов, более 1 тысячи километров автомобильных дорог, около 2000 километров линий электропередач. В контуре освоения земель первой очереди построено около 4000 километров оросительной сети, более 500 километров магистральных и межхозяйственных и 1500 километров внутрихозяйственных коллекторов.

Центральный комитет КПСС и Советское правительство, ЦК Компартии Узбекистана и правительство республики приняли ряд важных документов, направленных на комплексное и динамичное освоение Каршинской степи. Огромное влияние на осуществление этой задачи оказали решения XXIV, XXV и XXVI съездов партии, мартовского (1965 г.), июльского (1978 г.), майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС. Постановления партии и правительства были подкреплены большими материальными и техническими ресурсами.

Каршинскую целину осваивает вся страна, в чем еще раз проявилось нерушимое братство и интернационализм нашего социалистического содружества. Центральный Комитет ВЛКСМ объявил Каршинскую степь Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. По зову комсомола со всех концов страны прибыли в Карши строители и монтажники, механизаторы и мелиораторы, специалисты сельского хозяйства. Предприятия Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Ташкента, Тбилиси, Бреста, Свердловска и десятка других городов начали поставку в Каршинскую степь техники и механизмов, оборудования и строительных материалов. В марте 1963 года на целину прибыл первый комсомольский отряд строителей.

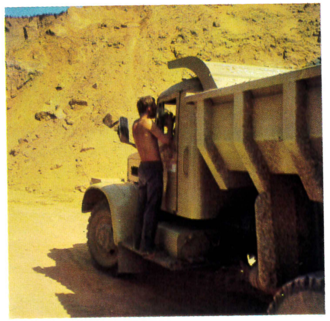
Больше шести тысяч юношей и девушек прибыло на Всесоюзную ударную стройку на освоение Каршинской степи по комсомольским путевкам. Представители более пятидесяти национальностей и народностей трудятся сейчас на объектах Каршинской степи.

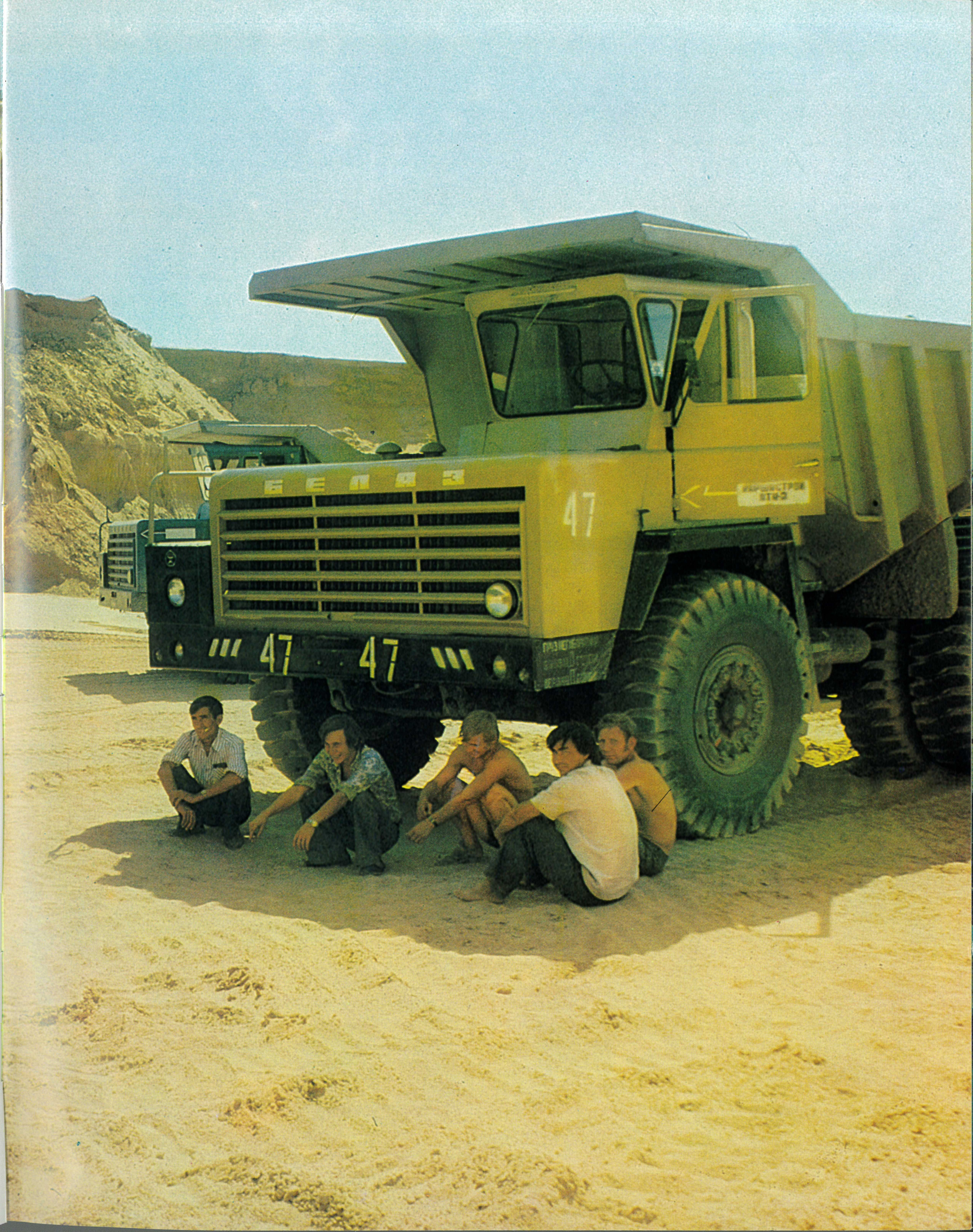
В степи поднялись насосные станции Каршинского магистрального канала; семь станций — как семь сердец, гонящих амударьинскую воду в Каршинскую степь. На канале, как лист на ветке, держится весь новый массив орошаемых земель. Надо ли говорить, как велика ответственность людей, сооружавших эти уникальные станции, монтировавших их, и особенно тех, кто сегодня обеспечивает их бесперебойную работу. Гидроэнергетики, связисты и механики, электрики и ремонтники, диспетчеры трудятся сегодня вдохновенно, с большим подъемом на благо общего дела.

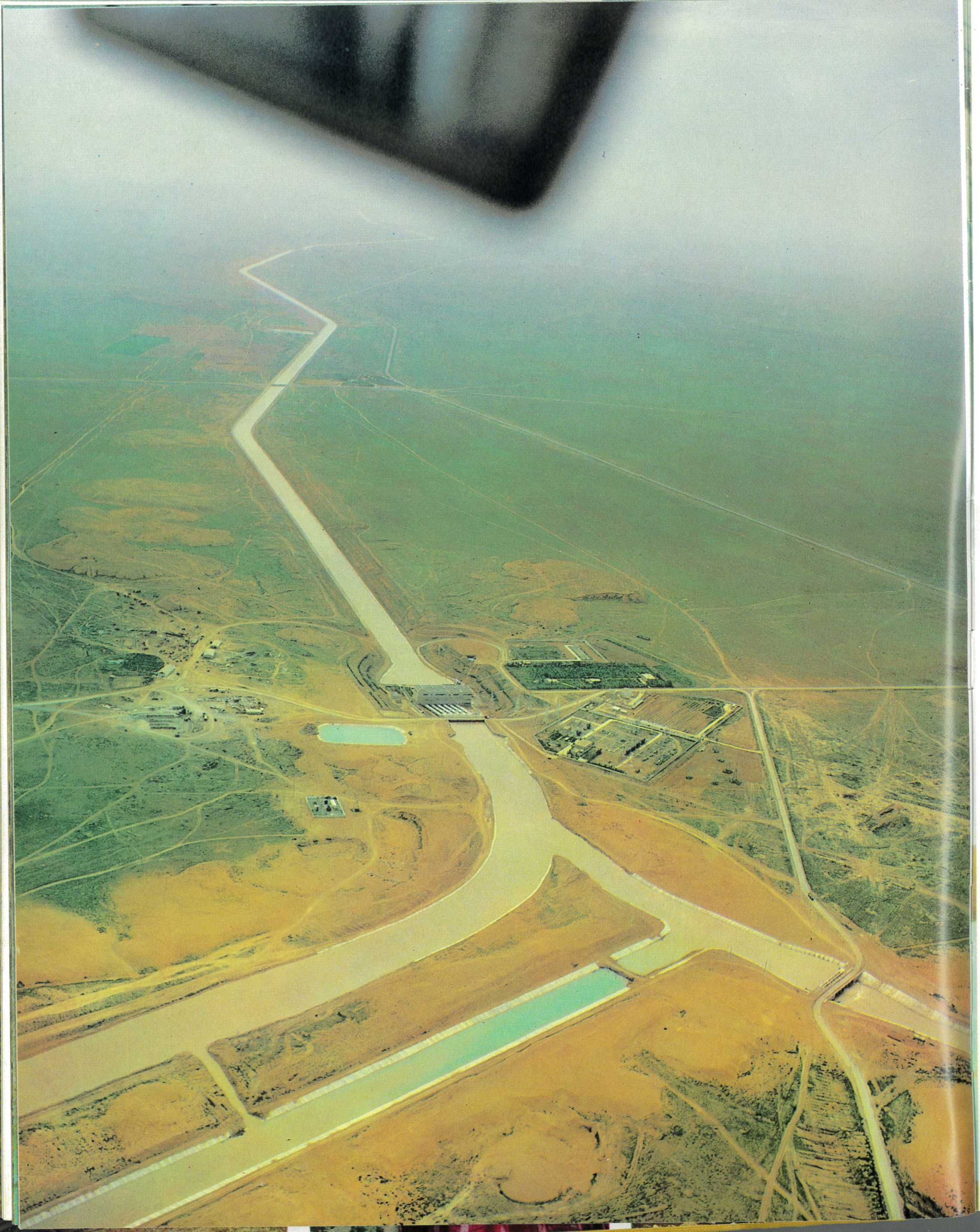
За последние тридцать лет в Узбекистане было освоено больше земель, чем за предыдущие три тысячи лет.

Пачкамарское водохранилище и его плотина занимают скромное место в анналах отечественного гидростроения, но и оно вносит немаловажный вклад в орошение новых земель. Десять небольших горных водохранилищ порой куда эффективнее и полезнее, чем одно гигантское, заливающее плодородные земли.

Придет время и нынешние плотины, каналы, насосные станции, тоннели, дюкеры будут увлеченно изучать не только инженеры, но и ...искусствоведы. Право же, есть своя красота в циклопических структурах, избороздивших землю! Рожденный сначала на чертеже, а только потом воплощенный в реальности, канал со всем своим хозяйством напоминает с воздуха гигантскую скульптуру с плавными обводами насосных станций, с прямой, как стрела, бетонной оправой. А разве не красивы водообводы, похожие на органные трубы, по которым канал перебрасывает себя со ступени на ступень!




БЕЛАЗ
47
47 47



В перспективе Каршинская степь будет давать ежегодно: миллион тонн хлопка, сотни тысяч тонн зерна, 300 тысяч тонн плодов и овощей, 180 тысяч тонн винограда, 386 тысяч тонн молока, 100 тысяч тонн мяса, для чего будет создано 120 новых совхозов, десятки современных предприятий агропромышленного комплекса.

Когда летишь над каналом на вертолете, кажется, что это не канал, а исполинское шоссе прорезало степь. Но опускаемся, и вот вертолет несется по-над самой водой, поднимая рябь мощным винтом. Неимоверно усиливается тогда сходство с шоссе: поверхность внизу абсолютно гладкая, ровная, как шоссе в пустыне вдали от поселков и городов. Откосы, что справа и слева высоко вздымаются над берегами, закрывают вид на степь.

Как-то мы целый день, не в силах оторваться, наблюдали за работой шагающего экскаватора, который прогрызал все дальше и дальше в степи русло Ульяновского канала.

Вся исполинская мощь огромного экскаватора проявлялась легко и совершенно бесшумно,— в этом было что-то нереальное и происходило будто во сне. Он был виден издалека посреди серой, осенней степи, где не было ни деревьев, ни хлопковых полей, вертелся то вправо, то влево, вверх-вниз взлетал ковш, похожий на вагон, а за ним тянулся свежевырытый широченный канал.

Мы поднялись в кабину, которую было бы правильнее назвать рабочей комнатой — такая она была большая, просторная, с огромными окнами, телефоном и холодильником. Экскаваторщик Виктор Федорович Буянов работал, играя рычагами, педалями, кнопками, и железное чудище плавно и послушно поворачивалось «то передом, то задом» к вырытому каналу; ковш-вагон вгрызался, вползал в мягкую лессовую землю, послушно поднимался на тросах и стремительно летел на конце стрелы далеко за край откоса. Еще одно движение — медленно и беззвучно высыпалась из ковша на свежий холм земля — десять кубометров сразу. Кроме экскаваторщика, ветерана Кузбасса, Нурека и Каршистроя (10 лет уже здесь), ни одного человека не было вокруг. В полном одиночестве и тишине Виктор Федорович прокладывал магистральный канал.

Мы вспомнили про Фархада. Не потому, что в соответствующих местах журналисты всегда вспоминают что-нибудь, и не потому, что изображение его не сходит с плакатов, панно, фресок, не потому, что отлит он в бронзе и гипсе едва ли не в каждом втором совхозе. А потому, что Фархад из поэмы великого Навои «Фархад и Ширин» для всякого узбека, для молодежи, прокладывающей эти каналы и строящей новые совхозы, лицо реальное, исторически близкое, почти как, скажем, Павел Корчагин.

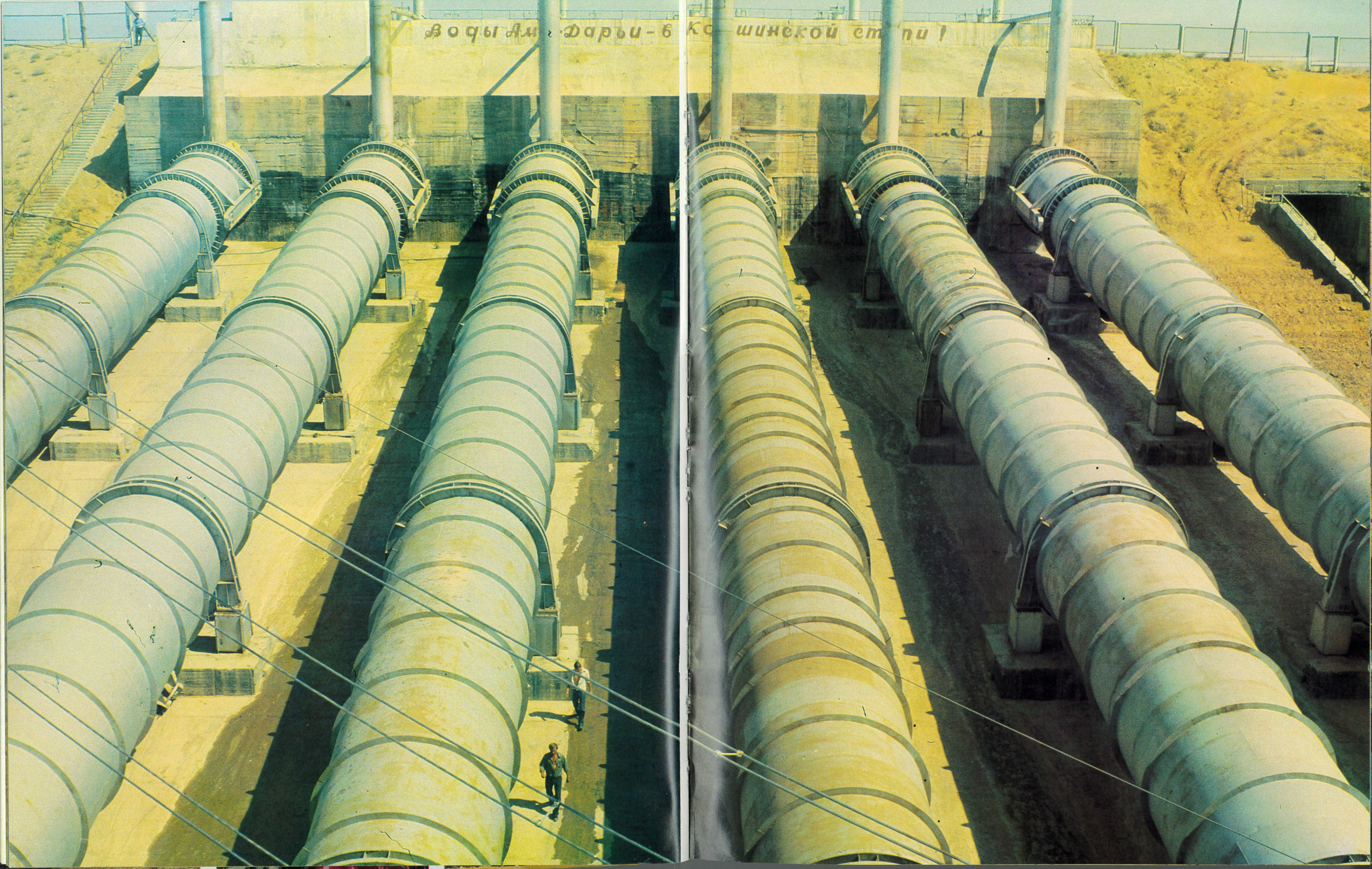
«Фархадами» нашего времени называют здесь ирригаторов, и это не просто восточная фраза, а точная характеристика всего происходящего. В конце переменчивого XVI века, в пору, когда ирано-персидская поэзия блистала именами Фирдоуси, Низами, Хосрова, Джами, великий Навои дерзнул по-своему изложить легенды, дать ответ на родном узбекском языке — языке чабанов и дехкан. И как писать!

Алишер Навои создал своего, совершенно нового Фархада: он поставил юношу, мудреца и созидателя, в центр поэмы. Шекспировской силы драму разыгрывает перед нами Навои, а точность характеристик, конкретность деталей так велики, что читатель беспрекословно верит поэту.

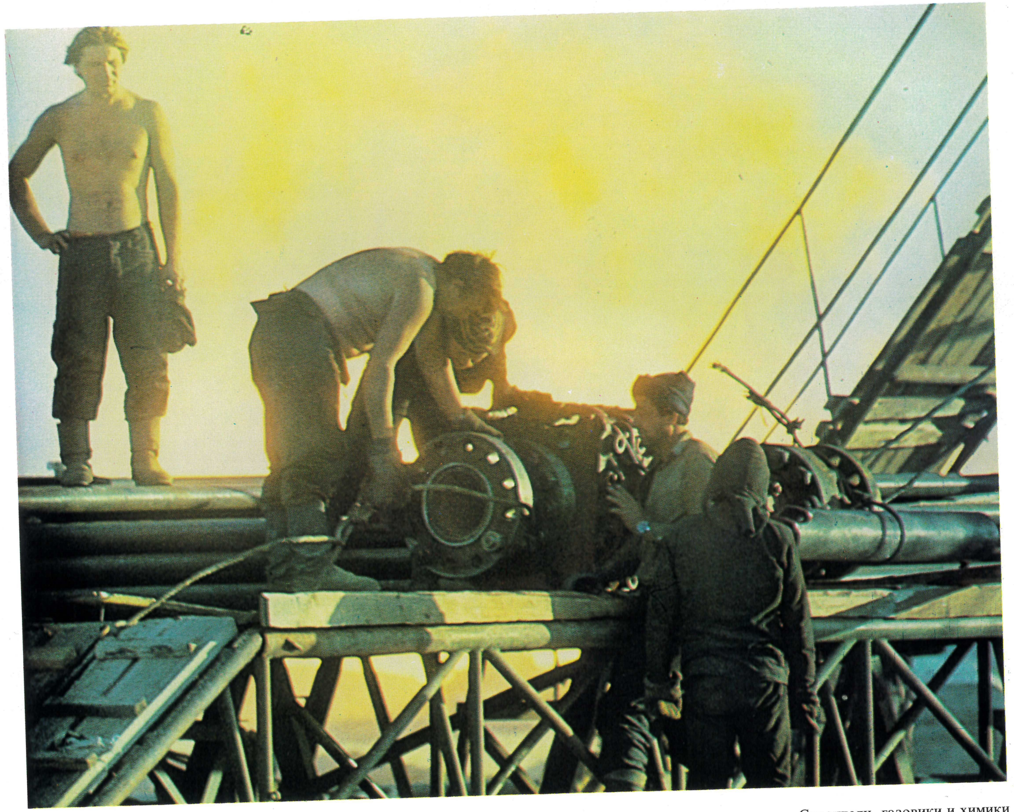
Из всей обширной поэмы о Фархаде и Ширин в Каршинской степи более всего популярны главы о том, как Фархад прокладывал в горах канал. Никто не удивится, если эти стихи нараспев прочтет вам экскаваторщик или бульдозерист, а уж молодой инженер знает их наверняка.

Во всяком случае, молодой инженер — молодой по возрасту, ему чуть за тридцать, а не по стажу работы в Каршистрое и не по должности,— Ибрат Зайнутдинов, показывая нам каналы и насосные, комментировал увиденное словами Навои:

Арык он так прокладывал: вперед
Две равнобежные черты ведет
На тысячу локтей: три ширина,
Два локтя вглубь — арыка глубина.


Воды Ам -Дарьи - в Ко шинской ст пи !

В выжженной степи издалека видны высоченные трубы и газовые факелы крупнейшего в Средней Азии Мубарекского газоперерабатывающего комплекса. Каждый год он удваивает, утраивает свою мощность. Сернистый газ мчится сюда по трубам с десятков рассредоточенных по степи скважин и месторождений. Здесь он очищается, сушится и подается промышленным предприятиям, в жилые дома.



Строители, газовики и химики живут в быстрорастущем городе Узбекистана — интернациональном Мубареке. Узбеки, русские, татары, украинцы, туркмены и болгары строят новый город — флагман узбекской газохимии.

Большая стройка — большая работа. Есть известная инерция в том, что мы предпочитали снимать большие машины — экскаваторы, гигантские БелАЗы, скреперы. Эта техника в работе кажется куда эффектней, чем труд, скажем, штукатура или электромонтажника. Но ведь и экскаваторы, и скреперы, и БелАЗы — всего лишь первая стадия всякой масштабной стройки, этап земляных работ, за которыми следуют другие. Тем более на такой уникальной стройке, как эта, разбросанной на сотнях квадратных километров. Это не Нурек и не Дивногорск, где все собрано в единый кулак, где все рядом, поддается осмотру и осмыслению.

Здесь труд рассредоточен, стадии реализации плана становятся ясны, только если всмотришься в сетевой график или над картой выслушаешь объяснения главного инженера. Пока здесь БелАЗы «Гидростроя» возят грунт, наращивая плотину, а скреперы выравнивают ее гребень и утрамбовывают, куда менее эффектная (но от этого не менее нужная) техника «Дренажстроя» или «Водстроя» ставит опоры, монтирует лотковую железобетонную сеть (ушли в прошлое земляные каналы, арыки — все оросительные сети ведутся сейчас в бетонных лотках). Геодезисты размечают на месте объекты будущего совхозного поселка, строители «Совхозстроя» закладывают первые дома, энергостроители ведут ЛЭП, связисты тянут телефонные и радиорелейные линии, трубоукладчики «Водстроя» ведут от Шахрисабза и Талимарджанского водохранилища за сотни километров магистральные водоводы с прекрасной питьевой водой, прокладывают дренаж и коллекторы, без которых здешние земли быстро засоляются и выходят из оборота. И все это изо дня в день одновременно делается на огромных степных пространствах.

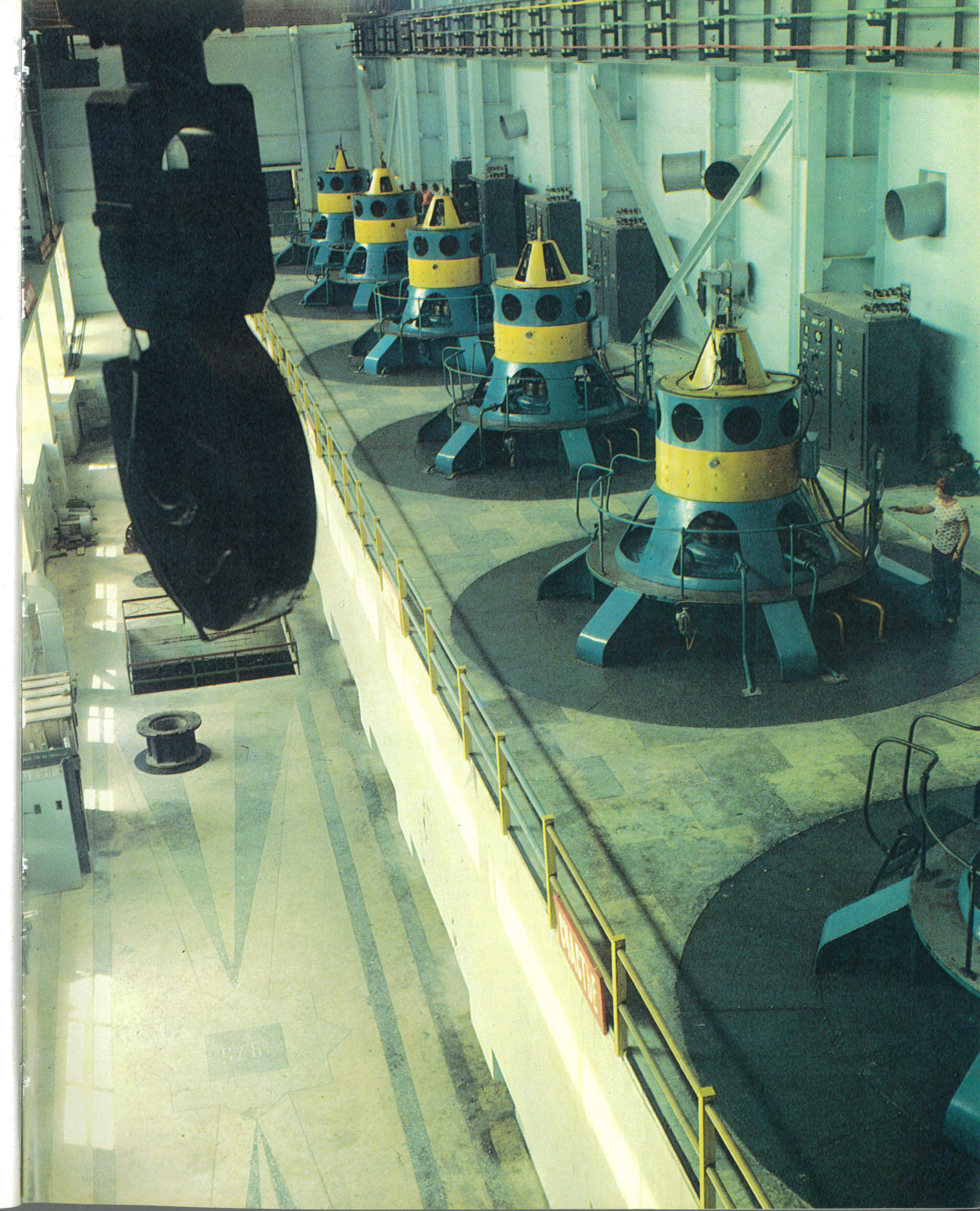
Машинный зал насосной станции — это та же ГЭС, только наоборот. Генераторы гидроэлектростанции под воздействием воды, падающей на лопатки турбин, вырабатывают ток; электродвигатели насосных станций вращают гигантские лопасти крупнейших в мире насосов, построенных в Свердловске, способных поднимать по 40 кубометров воды в секунду. В этих-то станциях и весь секрет — не в каналах даже. В прежние времена люди просто не обладали энергией, способной поднять реку на высоту сорокапятиэтажного дома.

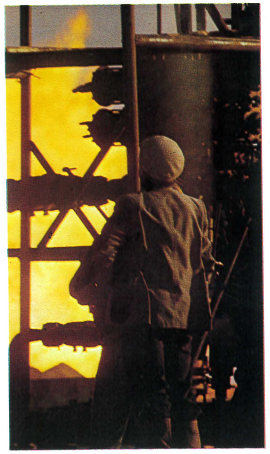
Иван Кондратьевич Дуденко — один из старожилов Каршинской степи, «начальник воды» — начальник Управления эксплуатации каршинского магистрального канала и насосных станций. От обширной службы Дуденко, его техников, дежурных диспетчеров, инженеров и операторов зависит надежность и бесперебойность работы всего каскада, а в конечном счете и подача воды. И. К. Дуденко первым начинал эксплуатировать уникальный, сложнейший каскад, участвовал в его пусконаладке, вывел на проектную производительность, применив множество новых рационализаторских решений, новшеств и изобретений, остроумия и выдумки. И не случайно ему присвоено звание заслуженного рационализатора и изобретателя Узбекской ССР.

Эксплуатационники вместе с создателями двигателей и насосов — учеными СредазВНИИгидромаша, введя немало усовершенствований, наладили надежную высококачественную работу каскада. Был среди них и Рустам Очилов, выросший в Карши. После окончания Ташкентского ирригационного института приехал он на Каршистрой. Начал со слесаря, стал бригадиром, мастером, строил насосные станции, монтировал оборудование, а затем перешел в Управление эксплуатации канала и насосных станций главным инженером.

Особенность Каршинского каскада заключается в том, что на нем, работающем на полную мощность, все время исследуют, диагностируют, ставят опыты ученые и эксплуатационники.

От знаний, квалификации, смекалки инженеров, эксплуатирующих насосные станции зависит успех хлопковой страды во всей гигантской зоне нового освоения.





«Правда» сообщала в феврале 1982 года: «Карши. Вступила в строй вторая очередь Шуртанского газового комплекса. Новые мощности позволяют увеличить добычу и переработку дешевого топлива вдвое — с четырех до восьми миллиардов кубометров в год... Сюда, в Каршинскую степь, смещается сейчас из Центральных Кызылкумов основная топливно-энергетическая база Узбекистана. К концу этой пятилетки добычу и переработку газа на Шуртанском комплексе намечено довести до двадцати миллиардов кубометров в год».

Досрочно построена и введена в строй третья очередь крупнейшего Мубарекского газового комплекса. Эта трудовая победа получила высокую оценку партии и правительства.

Много, очень много газа скрывает в своих глубинах Каршинская степь. Все больше буровых, новых месторождений газа, все гуще сеть газопроводов. Автоматика, порядок, четкий ритм. Поневоле забываешь, что имеешь дело со стихией, с газом — «джинном». Об этом вспоминаешь, когда газ, по несчастному ли случаю, по аварии, по неосторожности вырывается на поверхность — беда! — ревет, гремит огненная буря, на сотни метров сжигает все вокруг — не подойти. Подолгу горят такие фонтаны, и отчаянные смельчаки, специалисты из Узбекской военизированной части по предупреждению и ликвидации газовых и нефтяных фонтанов, бьются с огнем.

«Простое вроде бы дело,— устало говорит начальник отряда Султан Сулейманов,— потушить пожар и закрыть скважину, всего-то».

Этот пожар был сотый на счету у Сулейманова. Подавили его быстро, за несколько дней.

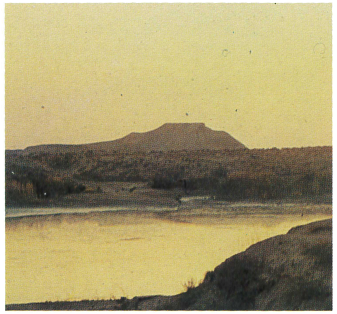
Все чаще не только в безлюдной степи, но и среди полей видны вышки нефте- и газопоисковиков. Нелегко примирить нефть и хлопок, газ и природу.

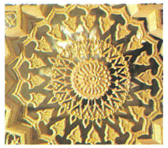
На всех этих кадрах вода, вода — целый мир воды, собранной в ледниках, сбегающей с гор чистыми ручьями, пенящейся и прорезающей хребты; чистая и мутная, наполненная частицами земли, через которую пронеслась; взятая у Амударьи и насильственно направленная в новый, человеком созданный круговорот; пропущенная через лопасти турбин, дошедшая до Карши и Мубарека — городов, изнывавших в самом сердце степи, оросившая их, сделавшая садом, украсившая каналами, бассейнами, фонтанами. Мир воды!

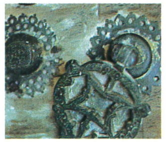
Вода

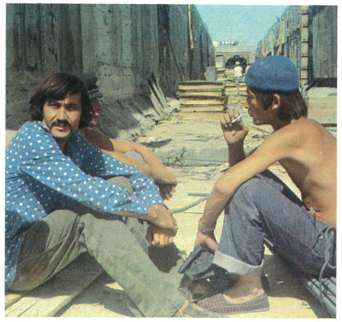
Ах, вода... нет, жизнь вольется в сердце,
затрепещет жилочкой любой.
Для земли вода — это бессмертье,
для земли вода — любовь!
Жизнь идет! Таится в каждой капле
кустик хлопка — золота кувшин.
Степь моя, быть щедрой и богатой
я тебе желаю от души.

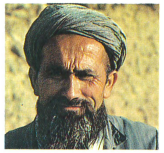
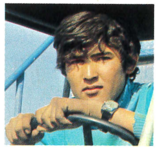
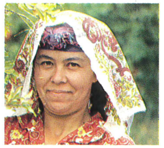
Султан Джура









«Родит не земля, родит вода»,— говорят на Востоке. На щитах и стендах, на заборах и крышах видишь надпись «Вода — это жизнь».

Удивительно, но факт — мудрость земледельцев, знание, основанное на тысячелетнем опыте, находят полное подтверждение в новейших научных исследованиях. «Жизнь, в сущности,— есть производное воды»,— писал лауреат международной премии мира Джон Бернал. Академик А. И. Опарин, создавший признанную во всем мире теорию происхождения жизни на Земле, связывает ее прежде всего с наличием на планете этого загадочного, вездесущего, жизнетворящего вещества — воды. Космические аппараты, исследующие Венеру и Марс, не нашли там воды, а значит — и жизни.

Все цивилизации, бывшие на земле, приурочены к «залежам» воды — к великим рекам, озерам; первые реализованные проекты человечества, потребовавшие объединенного труда, были связаны со строительством каналов, плотин, ирригационных сооружений...

«Родит не земля, родит вода». Родит зерно, брошенное в землю, политое влагой и пóтом земледельца. Привести сегодня воду в пустыню, с одной стороны, значительно проще, чем даже сорок лет назад; с другой — неизмеримо сложнее, потому что сейчас в орошении земли участвуют не только мускулы, кетмень и лопата.

Представим на минуту, что нужно сделать сегодня, чтобы вода пришла в степь. Нужно добыть руду и уголь, выплавить сталь, сделать из нее автомобили и экскаваторы, скреперы и турбины; нужны цемент и бетон, рельсы и вагоны, нужно построить электростанции и провести электроэнергию, чтобы оживить все эти машины, их нужно заправить топливом, добыть нефть и произвести из нее горючее; установить реле и автоматы, использовать электронику и телемеханику,— короче, весь или почти весь арсенал современной науки и техники нужно привести в движение для того, чтобы в степь пришла вода. Она не пахнет бензином и не отдает железом, но в ней неявно присутствует все, вложенное в эту воду. Поэтому-то здесь говорят — родит вода! И она действительно родит главное богатство Средней Азии — «белое золото» — хлопок.

Тысячелетия насчитывает история хлопководства. Около тридцати пяти видов хлопчатника выделяет наука. Хлопок возделывается в Индии, Пакистане, Бирме, Китае, Мексике, США, Бразилии, СССР и других странах. Наконец, есть еще хлопок и тонковолокнистый — наиболее ценный, его выращивают в Египте, Судане, США, СССР. В двух словах не опишешь значение хлопка для современной цивилизации, для промышленности, культуры, быта. Конечно, развивается и наступает химия. Искусственные ткани все шире заменяют натуральные, особенно в технике. Больше пятидесяти процентов в мировом текстильном производстве занимают ткани из хлопка (в русской технической литературе в прошлом веке хлопок называли «хлопчатая бумага»; термин дожил до наших просвещенных дней в понятии «хлопчатобумажные ткани»). Ведь и ситец, и поплин, муслин, благородный бархат и трико, джинсовая ткань и модный вельвет — все это «хлопчатобумажные ткани».

Что еще делают из хлопка? Очень многое! Из семян выделяют хлопковое масло (в Средней Азии это самое распространенное из растительных масел), из него получают маргарин, глицерин, мыло, стеарин, смазочные материалы, здесь практически нет ненужных отходов; семена, лишенные масла, используют для получения спирта и целлюлозы, лаков и линолеума, кинопленки и картона и многого другого. Жмых и шрот — прекрасный корм для скота. Совсем недавно в Кашкадарьинской области построен крупнейший в Средней Азии Касанский маслоэкстракционный завод, оснащенный новейшим оборудованием. Здесь-то и будут извлекать из хлопковых семян все их богатства. А из волокна, кроме тканей, делают корд для автопокрышек, ремни, шкивы, оплетку для кабелей и изоляцию — сотни необходимых в технике материалов...

Уже в нынешнем сезоне новые сорта хлопчатника с повышенным качеством волокна займут 800 тысяч гектаров или 40 процентов хлопкового клина. К концу пятилетки будет решена задача доведения производства тонковолокнистого хлопка до 500 тысяч тонн.

Из речи первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидова на торжественном заседании в Ташкенте, посвященном вручению Узбекской ССР ордена Ленина в апреле 1982 г.

Урожайность хлопчатника в СССР вдвое выше, чем в США, в четыре раза выше, чем в Бразилии, в шесть раз выше, чем в Индии. Посевы хлопчатника в мире занимают сегодня около 32 миллионов гектаров. Первое место по площади посевов принадлежит Индии — 7,8 млн. гектаров, далее США — 5,1 млн. гектаров, Китай — 4,7 млн. гектаров. В СССР под хлопком занято около 3 млн. гектаров, причем каждый год наш хлопковый клин растет.

Тонковолокнистый хлопок сразу видишь, когда проезжаешь вдоль нескончаемых полей. Стоит он высокой стеной, в рост человека; удивительно красивы у него цветы — лимонно-желтые, с красным всплеском в сердцевине. Коробочки созревшего хлопка небольшие, не больше, чем у средневолокнистых сортов, несколько вытянутые. Волокно кремовое, нежное, тонкое, длинное, пушистое. Самые лучшие ткани делают из такого хлопка. Более того, центнер тонковолокнистого хлопка дает в два раза больше тканей, чем центнер обычного средневолокнистого.

Природные климатические условия Каршинской степи прекрасно подходят для возделывания тонковолокнистых сортов хлопка. Хлопковая страда начинается в конце августа. Кропотливый, долгий труд — превратить почти невесомые белые коробочки в миллионы тонн сырца, собранного и сложенного в хирманы — стройные пирамиды на хлопкозаготовительных пунктах. В дни уборочной страды пустеют города и райцентры — все выходят на сбор хлопка. В райкомах партии, райисполкомах и райкомах комсомола — один-два человека на связи. Все на хлопке!

В Карши, возле обкома партии, в других многолюдных местах каждый день обновляют сводки — по районам и по хозяйствам о ходе хлопкозаготовок. За сводками следит вся область. Основной, большой хлопок убирают машинами, на которые садятся юноши и девушки, учителя и студенты, рабочие и служащие. С чем сравнить напряжение хлопковой страды в пору саратана? С генеральным сражением на фронте!

Оно так и есть. Уборке хлопка подчинена деятельность всех партийных, советских, общественных и хозяйственных организаций, всех трудовых коллективов. На сентябрь падает пик уборки, она идет, катится по всем хлопковым полям и постепенно затихает к концу октября, а завершается к ноябрьским праздникам. В эти дни во всех автомобилях включены радиоприемники; по утрам кашкадарьинцы первым делом смотрят первые полосы газет. Все ждут, когда отрапортует район, область, республика, когда выполнят социалистические обязательства.

Постепенно пустеют, из белых становятся рыжими поля, покрытые оголившимися кустами гузо-паи; зато на черных асфальтовых площадках хлопкопунктов вырастают, как горные цепи, ряды белых пирамид, издали видных в степи...

Каждый живущий на целине понимает, что главная задача — скорее вдохнуть жизнь в землю, ждущую воду, скорее добиться максимальной отдачи от земли, вернуть долг государству — ведь новый совхоз стоит миллионы. Земли ввести, подвести к ним воду быстрее и проще, чем полностью благоустроить быт. Первые годы целинникам приходится, конечно же, нелегко. К тому же в новом, целинном совхозе сначала не хватает специалистов, механизаторов, рабочих. Значит, на каждого падает двойная, тройная и бóльшая нагрузка, на одного работающего приходятся не полгектара земли, как в старопахотной зоне, а пятнадцать-двадцать гектаров. Как можно выдержать эту нагрузку? Только с помощью машин, механизмов, новейшего оборудования, за счет прогрессивной технологии, высокой производительности труда и качества работы, высокоурожайных сортов. Объективно целинные хозяйства Каршинской степи становятся проводниками самых прогрессивных идей в сельском хозяйстве; жизнь заставляет внедрять бригадный подряд и формировать уборочные механизированные отряды, закреп-

В Каршинской степи всегда было много солнца, плодородной земли. Теперь из Амударьи пришла вода. Здесь формируется новый крупнейший район хлопкосеяния. Заботой о водохозяйственном строительстве, освоении земель, расцвете богатого края и живут покорители Каршинской степи... Каршинская степь превратится в одного из главных поставщиков наиболее ценного тонковолокнистого хлопка. Кроме того, здешний климат позволяет разместить на больших площадях субтропические культуры, создать обширные плантации садов и виноградников.

В. Болдин, Н. Гладков, Ю. Мукимов.
«Правда», 21 декабря 1980 г.

лять технику за звеньями, загодя и хорошо ее ремонтировать, потому что потом, в горячее время сева или уборки, на ремонт времени не будет.

Жизнь первоцелинников нелегкая. Летом здесь свирепствует саратан так, что, кажется, выжжет, уничтожит все живое. В середине лета нередко бывают суховеи, и тогда в воздухе висит мелкая пыль, от которой нигде нет спасения, она проникает всюду, даже между линзами фотообъективов. И все-таки невозможно не сказать, что никогда прежде на этих землях не происходили столь значительные и быстрые преобразования, никогда природные, тысячелетиями живущие в равновесии экосистемы не заменялись другими, созданными человеком. Освоение Каршинской степи — это крупнейший хозяйственный, инженерный, организационный эксперимент. Но это еще и эксперимент экологический, потому что за каких-нибудь десять-пятнадцать лет степь, где жили лишь суслики да полевки, змеи да орлы, паслись верблюды да джейраны, сняла с себя, как старую одежду, всю прежнюю жизнь природы и надела иную.

Наконец, преображение степи — крупнейший социальный эксперимент: столь значительные преобразования природы и экономики, жизненной среды людей никогда не происходили в таких масштабах и так быстро. Они неизбежно меняют и характер труда, и образ мыслей, и характер общения, требуют от людей другого уровня образования, глубоких знаний, высокой квалификации, мобильности, готовности к отказу от старого уклада жизни.

«Каршистрой» и «Каршиирстепьстрой» — организации в своем роде уникальные, сконцентрировавшие гигантские силы и средства, кадры и технику, опыт и новейшие организационные решения. Как генеральные подрядчики, они отвечают буквально за все стороны развития степи: планируют землю, прокладывают каналы, бетонируют их, монтируют лотковую сеть, делают дренаж, сооружают насосные станции, эксплуатируют оросительные системы, строят дороги, совхозные поселки, животноводческие фермы, складские помещения, мастерские, хлопкопункты и многое другое.

От усилий этих многотысячных коллективов зависит успех всей программы освоения Каршинской степи. Чтобы повысить ответственность за комплексность строительства и качество сдаваемых ими объектов, было решено, что они же будут заниматься выращиванием хлопка и других сельскохозяйственных культур в новых совхозах до выхода их на проектную мощность, будут отчитываться не только за освоение выделенных средств и за введенные земли, километры проложенных каналов, но и вполне реальными тоннами полученного хлопка, мяса, молока, овощей и другой продукции.

В системах «Каршистрой» и «Каршиирстепьстрой» появились для этого специализированные тресты совхозов «Каршицелинхлопок» и «Мубарекцелинхлопок». Теперь они делают все: сеют, пашут и собирают урожай.

Не менее важное дело — эксплуатация и ремонт оросительных систем и дренажной сети. Ведь если поливные земли эксплуатируются неправильно, не чистятся дрены, коллекторы, то за два-три года повышается уровень грунтовых вод, земля засоляется, и в результате миллионные средства, затраченные на ее освоение, оказываются выброшенными впустую. Эксплуатация оросительных систем — дело, требующее специальных знаний, постоянной заботы, средств и техники. Этим занимается еще один специализированный трест «Каршистроя» — «Каршимелиоремстрой».

В освоение Каршинской степи государством вложены огромные средства. Первые совхозы уже себя окупили, вернули все, что было на них затрачено. Целинные районы дают теперь больше половины выращиваемого в Кашкадарьинской области хлопка (почти весь прирост идет за счет целины!), тридцать процентов зерна, тридцать шесть процентов овощей и бахчевых. Не ради единого хлопка идет освоение.

В двухстах километрах от бухарского водозабора, вверх по Амударье, начал путь уникальнейший каскад насосных. Шестью ступенями перекачки — а эти шесть станций потребляют энергии столько, сколько ее давал до войны Днепрогэс,— воду подняли и послали в Каршинскую степь, и младшая сестра Голодной степи стала так же бурно поднимать сады, нивы, хлопковые поля, города и в недалекой перспективе станет крупнейшим производителем тонковолокнистого хлопка в стране.
П. Алексеев. «Известия», 28 ноября 1981 г.

Под жарким солнцем Кашкадарьи прекрасно вызревают дыни, арбузы, виноград, гранаты, персики. Пятнадцать тысяч гектаров новых садов заложили в бывшей бесплодной степи за последние годы. Но это лишь «начало разбега».

В 11-й пятилетке предстоит ввести больше 100 тысяч гектаров новых земель и создать 20 новых совхозов. Это задача ближайших лет. А что дальше? И более отдаленное будущее уже вырисовывается зримо. Каршинская степь сможет давать стране миллион тонн хлопка (вдвое больше, чем сейчас), сотни тысяч тонн зерна, полмиллиона тонн фруктов, овощей, винограда, 100 тысяч тонн мяса, свыше 300 тысяч тонн молока. Это будет весомый вклад в осуществление Продовольственной программы страны.

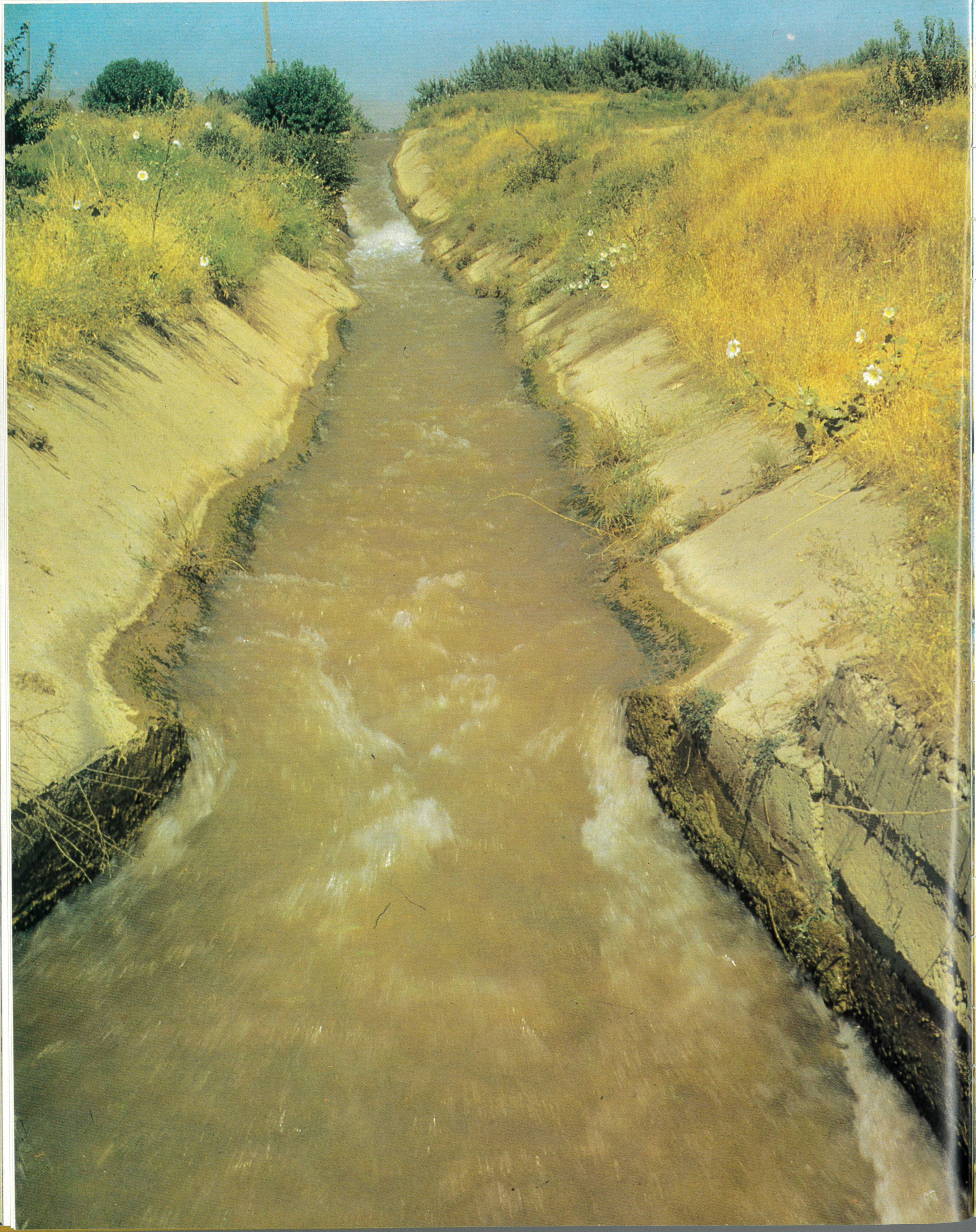
Коллективы «Каршистроя» и «Каршиирстепьстроя» разбросаны, раскиданы на огромном миллионогектарном пространстве. Краны, экскаваторы, самосвалы — все это хорошо, но как же снимать?! Редко-редко видишь человека не в кабине, а с вертолета его и вовсе не видать. То же и в карьере — сидит в кабине экскаваторщик, руки летают по рычагам; под машинами попрятались от зноя шоферы БелАЗов, КрАЗов, МАЗов, ждущих своей очереди,— вот и вся внешняя сторона стройки...

Пока последнюю насосную строили, водохранилище уже действовало: его наполняли с помощью батареи плавучих капсульных насосов, поставленных по временной схеме. Эта «хитрость» дала возможность, прежде чем завершилось строительство седьмой насосной станции, оросить десятки тысяч гектаров земли, вырастить и собрать сотни тысяч тонн хлопка и другой продукции. Канал и каскад насосных окупили себя задолго до своего завершения.

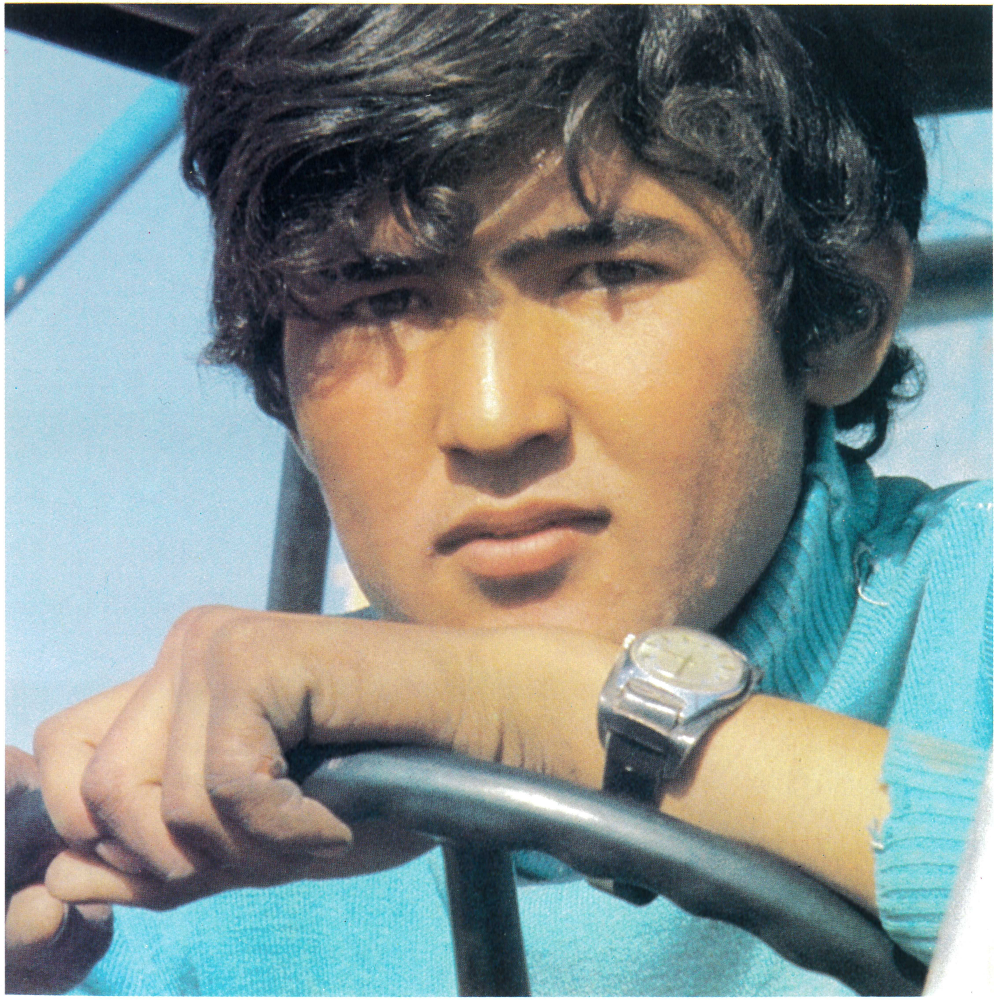
Более шести миллионов тонн хлопка-сырца в год дает сейчас стране Узбекистан. Десятую часть узбекского хирмана собирают хлопкоробы Кашкадарьи. А было время, когда торжественно отмечали 300 тысяч тонн, собранные республикой. Какое было ликование, когда Узбекистан собрал свой первый миллион тонн! Потом второй, третий... Темп нарастал. Большая река складывается из малых капель; по малым арыкам расходится вода большой реки, говорят в Узбекистане. Трудового подвига республики, напряжения хлопкового марафона нельзя понять, оперируя только средними цифрами, общими данными, не обращаясь к конкретной земле, реальным людям. Ведь если б не новые земли Голодной, Джизакской и Каршинской степей, если б не плотины, каналы, гидростанции, если б не машины, тракторы, комбайны, удобрения, если б не битва на каждом гектаре за каждый новый центнер урожая, откуда бы взяться росту?!

Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов отмечал: «Качественно новый этап историческому наступлению на Каршинскую степь, созданию здесь крупного района по выращиванию как средневолокнистого, так и тонковолокнистого хлопчатника придали решения XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС. Значение освоения Каршинской степи было поднято на небывалый уровень, оно стало носить директивный характер. И сразу степь превратилась в огромную строительную площадку, в школу передового опыта мелиоративного строительства. Мировая практика не знала подобных масштабов работ ни по объемам, ни по уникальности строящихся гидротехнических сооружений и насосных станций для подачи амударьинской воды».

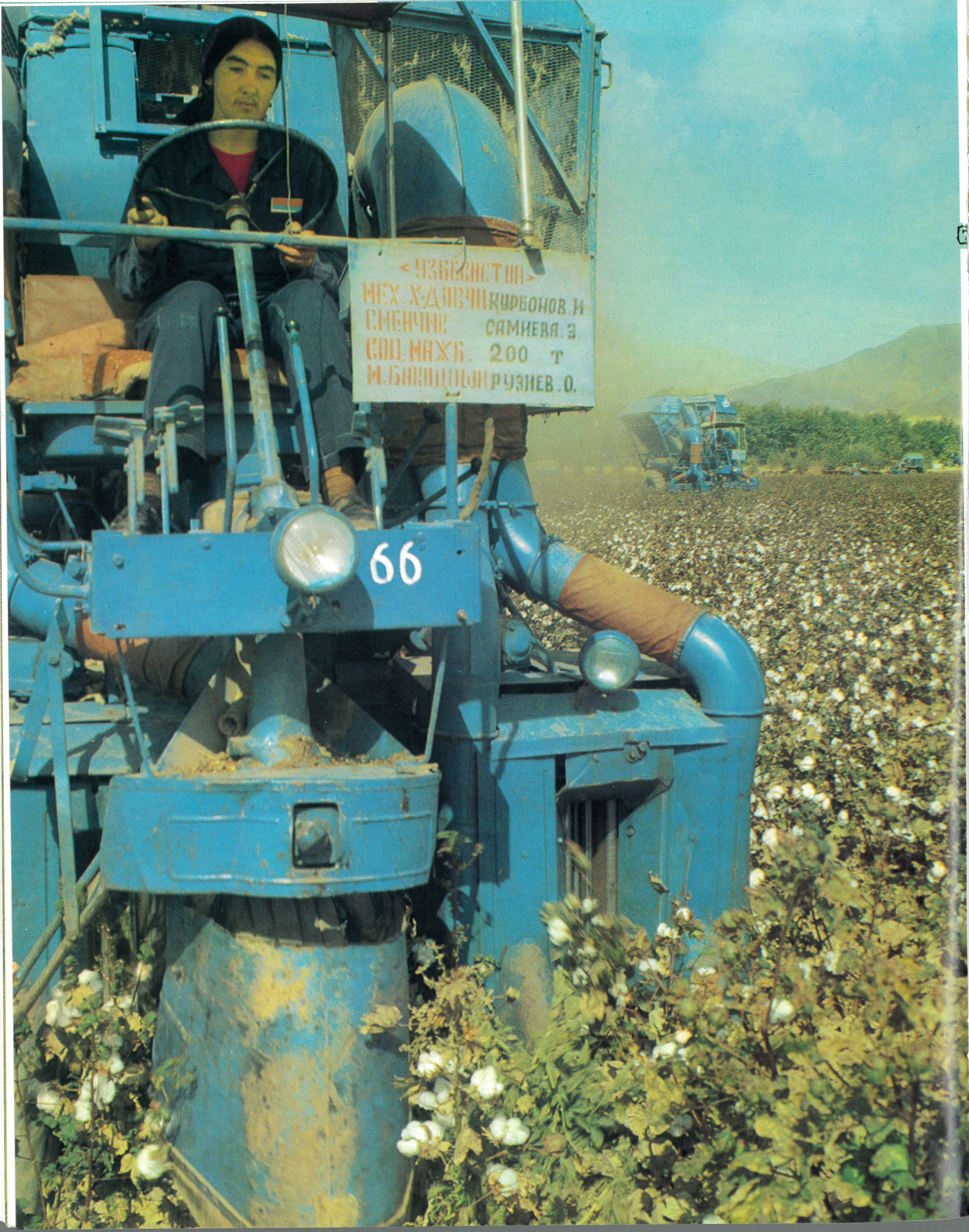
В Узбекской ССР эффективнее использовать созданный мелиоративный комплекс. Наряду с развитием хлопководства ускоренными темпами увеличивать производство животноводческой продукции, овощей и бахчевых культур... Расширить производство кукурузы на поливе... Обеспечить за десятилетие рост производства плодов и ягод примерно в 1,8 раза и винограда в 3 раза... Шире развивать кормоводство на орошаемых землях, а также рационально использовать горные пустынные и полупустынные пастбища...
Осуществлять комплексное освоение земель Каршинской и Джизакской степей. За десятилетие ввести в эксплуатацию не менее 900 тысяч гектаров орошаемых земель и обводнить 2,6 миллиона гектаров пастбищ.
«Продовольственная программа СССР». «Правда», 27 мая 1982 г.



Мчится вода с гор, распределяемая по арыкам, таким как этот, в традиционной зоне хлопководства, мчится, спешит попасть на поля, с тем чтобы напитать их.

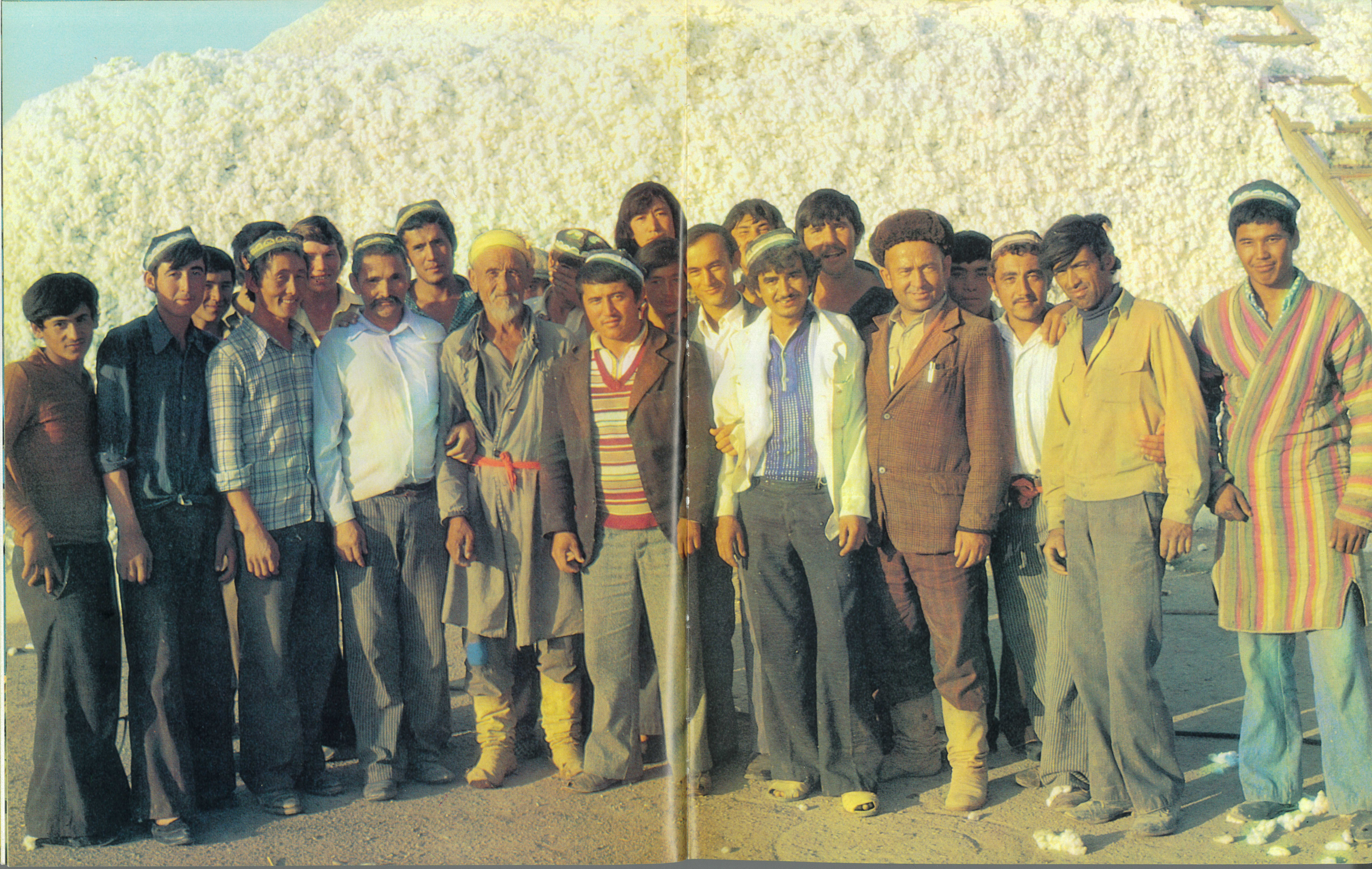


Вот он, хлопок — «белое золото», сын воды, выросший в Каршинской степи. Но хлопковое поле побелеет осенью после того, как его польют крестьяне своим пóтом, оплодотворят своим трудом. Много, очень много труда требует от человека хлопковое поле. Ведь его нужно тщательно подготовить, качественно провести сев, затем 8—10 культиваций, 4—5 подкормок, 5—6 поливов. А там — жаркая страда уборки, настоящая битва за урожай.



Первый секретарь Кашкадарьинского обкома Компартии Узбекистана Р. Г. Гаипов на хлопковом поле.

Когда белым пухом, как снегом, покрываются хлопковые бескрайние поля, неторопливо покачиваясь, как на волнах, выползают на них «голубые корабли» — хлопкоуборочные машины. Что б делали без них люди?!
В страду, в самые короткие благодатные дни уборки выходят на поля все — и старые и молодые.



За годы девятой и десятой пятилеток колхозы и совхозы Кашкадарьи получили тысячи новых тракторов, хлопкоуборочных машин, зерновых комбайнов и грузовых автомобилей. Кашкадарьинская область — ведущий производитель зерна в Узбекистане, особенно высококачественной пшеницы и ячменя. В ближайшем будущем почти вдвое вырастет производство зерна кукурузы.

Кашкадарьинская область издавна славится в Узбекистане как зерновой край. Но воды было мало. И хлеба было мало. Был он на вес золота. Правда, на богарных землях предгорных районов Китаба, Яккабага, Камаши, Чиракчи, Гузара, Дехканабада в удачный год вырастали ячмень и пшеница, лучшая, какую могли представить себе люди степи.

Сегодня Кашкадарья — ведущая зерновая область Узбекистана. Полмиллиона тонн зерна снимают с полей в благоприятный год. В перспективе намечается довести валовой сбор зерновых до миллиона тонн в год. Когда в средней полосе страны начинают сев, здесь уже идет уборка хлебов. Мы были на уборке в мае, начале июня. Когда разгорается страда, на элеваторы и заготовительные пункты отправляются длинные караваны разукрашенных автомашин — «Красный караван», как по традиции называют здесь начало сдачи хлеба государству.

Праздник «Красного каравана» проходит торжественно, к нему готовятся, его ждут. Отремонтированы и украшены хлебоприемные пункты, весовое хозяйство, бетонные зерноплощадки, все налажено, все работает.

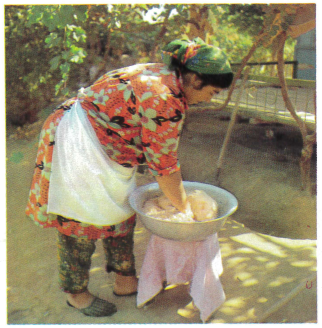
У ворот хлебоприемных пунктов проводятся митинги, комбайнерам и водителям автомашин, доставившим первый хлеб, вручаются цветы, и под звуки музыки, под ритмы дойры, мимо танцующих девушек въезжают на обширный двор машины с зерном. Момент этот, привычный, ежегодно повторяющийся, всегда трогает сердце земледельца.

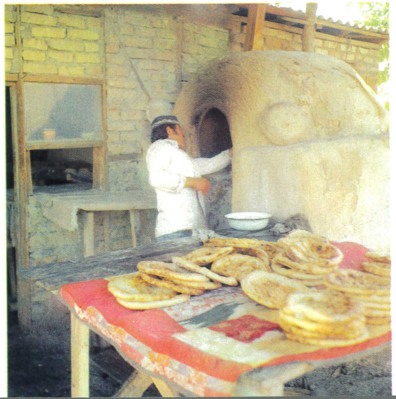
Куда бы ты ни заехал в этих краях, в какой бы дом ни зашел, к кому бы ни обратился, прежде всего хозяин посадит гостя за дастархан (скатерть, накрытый стол), нальет пиалу зеленого чая, разломит лепешку.

Хлеб — по-узбекски нон, ғалла, дон экини, патыр... О, узбекский хлеб, горячие, только из тандыра лепешки! В каждой области Узбекистана пекут свой, ни на что не похожий хлеб. Славятся по всему Востоку слоеные самаркандские лепешки, знамениты и огромные солнца бухарского хлеба, лепешки Китаба, Шахрисабза, Касана. Но хлеб не только в разных областях разный, но и у каждой хозяйки свой, неповторимый. В Китабе мы были на районном конкурсе пекарей — каких только лепешек, пирогов, произведений хлебопекарного искусства мы не видели там! Какие цвета, запахи, формы, оттенки! У каждой хозяйки свой секрет. Ведь какой получится хлеб, зависит от муки, помола, воды, размеса, от воздуха и погоды, от тандыра, от специй, от масла, от хвороста, от зиры, тмина, конопли, от искусства, настроения хозяйки, наконец.

Есть лепешки, что хранятся годами, покрываются лаком, висят на стенах, как украшение. Куда вкуснее те, что подаются на стол прямо из печи,— пышные и горячие или патыры, состоящие из десятков тончайших слоев.

Разумеется, во всех городах и райцентрах и даже в крупных кишлаках есть хлебозаводы с самыми современными автоматизированными линиями. Отсюда идет прекрасный хлеб в булочные — «нонхоны». Но каждый, кто живет не в многоэтажном доме, а на земле, делом чести считает иметь во дворе хоть маленький, но свой тандыр — древнюю глиняную печь. Честь хозяйки зависит от того, какой она печет хлеб, какую самсу в своем тандыре.

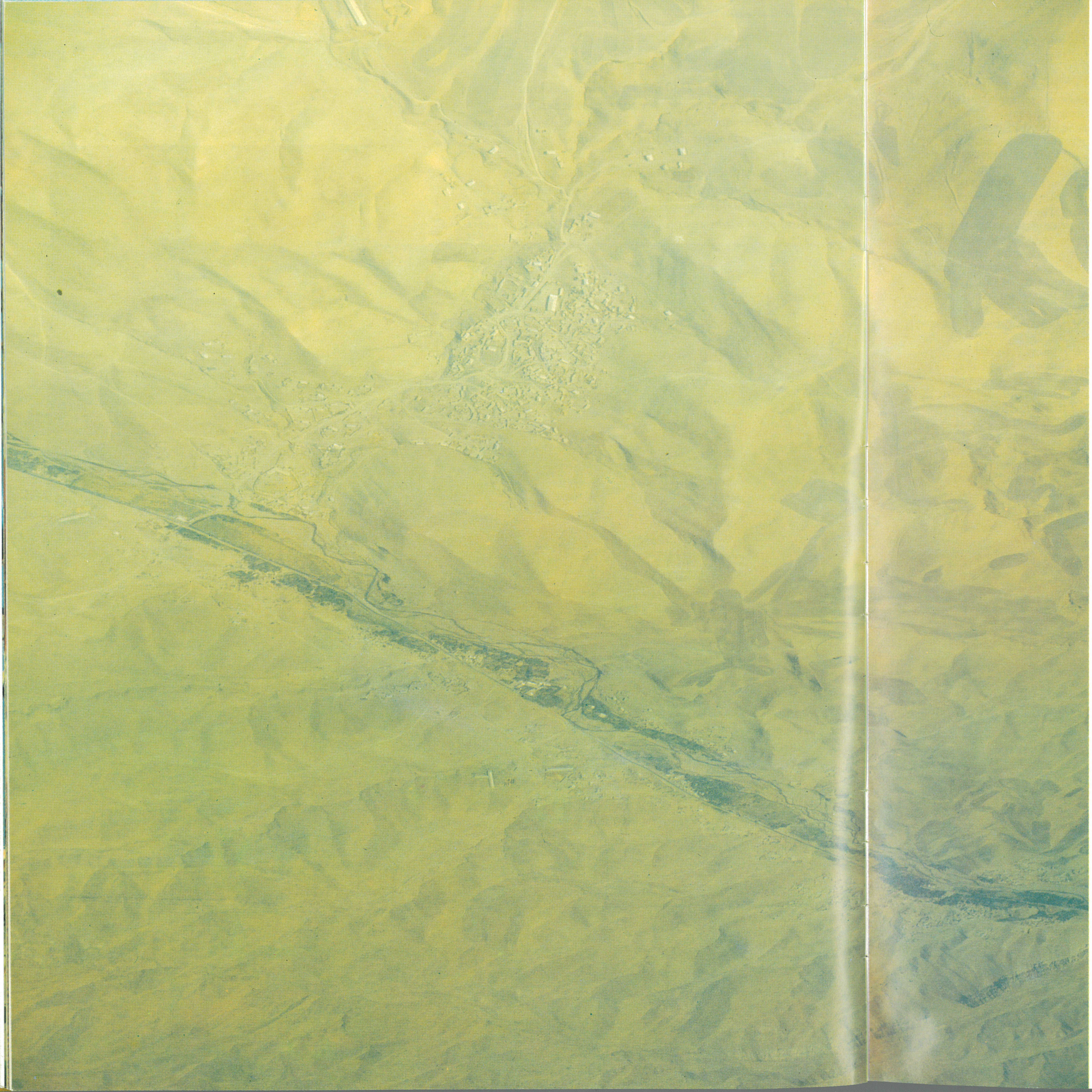




Какие лепешки! Подобны щекам молодым!
На тело прекрасного белого хлеба глядим,—
Твой хлеб подрумянен, и выпечен в меру, и мягок,
базар оживляет торговля товаром таким.

О, хрупкие корочки свежего сладкого хлеба!
Любой дастархан возмечтает украситься им.
Прославим тенур — благородную печь хлебопека:
покрылась от жара, как роза, румянцем живым.

Саидо Насафи



Зависая над древней землей, не слышишь мотора, кажется будто на дивном ковре-самолете летишь над полями и кишлаками, над садами и ущельями, в которых мчатся быстрые реки, а на крутых скалах растут заросли боярышника и орехов.

Здесь все близко, в часе неспешного лёта: желтые, исчерченные машинами степи, ровные квадраты полей, окаймленных оросительными сетями, плавные, как волны, адыры и горы — тау, покрытые зелеными арчовыми лесами.

Арчовые леса остались только в самом верхнем поясе гор да там, где кишлаков нет. Арчу с древнейших времен используют в Азии. Арча — это и стол, и мебель, и двери, и каркасы домов, ворота, утварь и топливо. К тому же в горных кишлаках, а прежде повсеместно, кузнецы и ювелиры использовали древесный уголь только из арчи. Больше того, специальные печи строили для выжигания угля — уголь возили в Самарканд, в Бухару, где он шел нарасхват. Сплошными лесами были покрыты склоны гор. Лес защищал склоны от эрозии, разрушений, регулировал водный режим горных рек. Вырубили леса, стала терзать облысевшие склоны эрозия, поплыли разрушительные сели, осыпи. Как сохраниться древнейшим лесам? И в горных, а особенно в степных районах лесополосы, сады, посадка кустарников крайне необходимы в условиях юга Средней Азии и только так можно остановить или ослабить гигантский природный конвейер эрозии, перемалывающий склоны гор и предгорий, сносящий миллионы тонн породы по речным руслам, забивающий каналы, дренажные системы, водохранилища. Здесь понимают, что посадки леса, садов не менее важны, чем строительство водохранилищ и прокладывание магистральных каналов.

Добрая традиция есть у узбекского народа — «хашар» — общий труд на общее благо. Каждую осень по городам и кишлакам, в предгорных совхозах и в новых целинных поселках прокатывается волна посадок леса, садов, придорожных полос. Идет хашар!

Сотни, тысячи людей участвуют в посадках. Не зря на Востоке говорят: кто не родил ребенка, не посадил дерева — зря прожил свой век на земле.

Щедрость природы Кашкадарьи долго обманывала людей — она казалась неисчерпаемой. Однако с началом освоения степи, с бурным развитием промышленности, сельского хозяйства, с ростом населения природа стала нести определенные потери.

Идет наступление на степь. Степь отступает. Но параллельно создаются охотничьи хозяйства, заказники, организовываются заповедники, для того чтобы не исчезли с лица земли фазаны, степные дрофы, архары, джейраны и лисы, беркуты и вороны. Даже полевкам и тушканчикам остается место, но уже отведенное им человеком.

Осознание экологических проблем пришло вместе с нарастанием этих проблем. Ведь в самом деле — трудно найти другой район, где происходили бы столь крупномасштабные преобразования природы, превращение ее, по сути дела, в «рукотворную», регулируемую людьми среду. В Кашкадарье, как и во всем Узбекистане, за последние годы многое делается для оптимизации природной среды, уменьшения негативных последствий вмешательства человека в природные циклы.

Надо сказать, что Средняя Азия в целом может рассматриваться как древнейший в человеческой истории регион «искусственной природы», регулируемого климата — ведь орошение известно здесь тысячи лет. История многих забытых цивилизаций — это история их ошибок, экологических катастроф: там завоеватели разрушили каналы и водохранилища, и вода смыла плодородную почву; здесь неумеренная пастьба скота привела к наступлению пустыни, барханов, заваливших былые города, а вырубка горных лесов — к обмелению рек. В принципе в Узбекистане накоплен гигантский исторический опыт экологического землепользования, бережного отношения к главному богатству человека — к земле, ее плодородию. Проблемы плодородия старых (и вновь осваиваемых — особенно!) земель находятся сейчас в центре внимания и строителей, и целинников, и партийных, советских организаций. От качества строительства зависит судьба земли, от правильности эксплуатации оросительной системы — ее будущее. Ведь в здешних краях неумеренный полив, плохой дренаж немедленно приводят к засолению почвы, плохая планировка вызывает эрозию. Есть еще «хозяева», которые обилие воды воспринимают своеобразно — лей побольше, раз ее много! И льют. Уходит вода в землю, но не бесследно; вызывает просадки, рождает в ровной вчера еще степи овраги, подымает грунтовые воды, а вместе с ними жгучую белую соль. Вода, которая приносит жизнь на поля, уносит ее с поля, если распорядиться ею без знания законов земледелия.

«Сейчас в Узбекистане в среднем на гектар хлопковых полей приходится около 17 тыс. кубометров воды. Из них 6,5 тыс. кубометров уходят на испарение и транспирацию с поля; 4,9 — на потери в оросительной сети; 2,4 — на потери в поле и 3,4 — на рассоление и поддержание мелиоративного режима почвы», — рассказывал нам директор Ташкентского САНИИРИ — Среднеазиатского научно-исследовательского института ирригации — В. А. Духовный. Наука разработала комплекс мер, которые позволяют снизить расходы воды на орошение более чем вдвое. Это означает — больше освоенных земель, выше урожай, больше отдача каждого гектара, что требует соответствующих капиталовложений и перестройки всего мелиоративного хозяйства на уровне новейших достижений науки, включая системы капельного подпочвенного аэрозольного орошения, автоматизацию полива на основе применения ЭВМ и прежде всего — перестройку психологии.

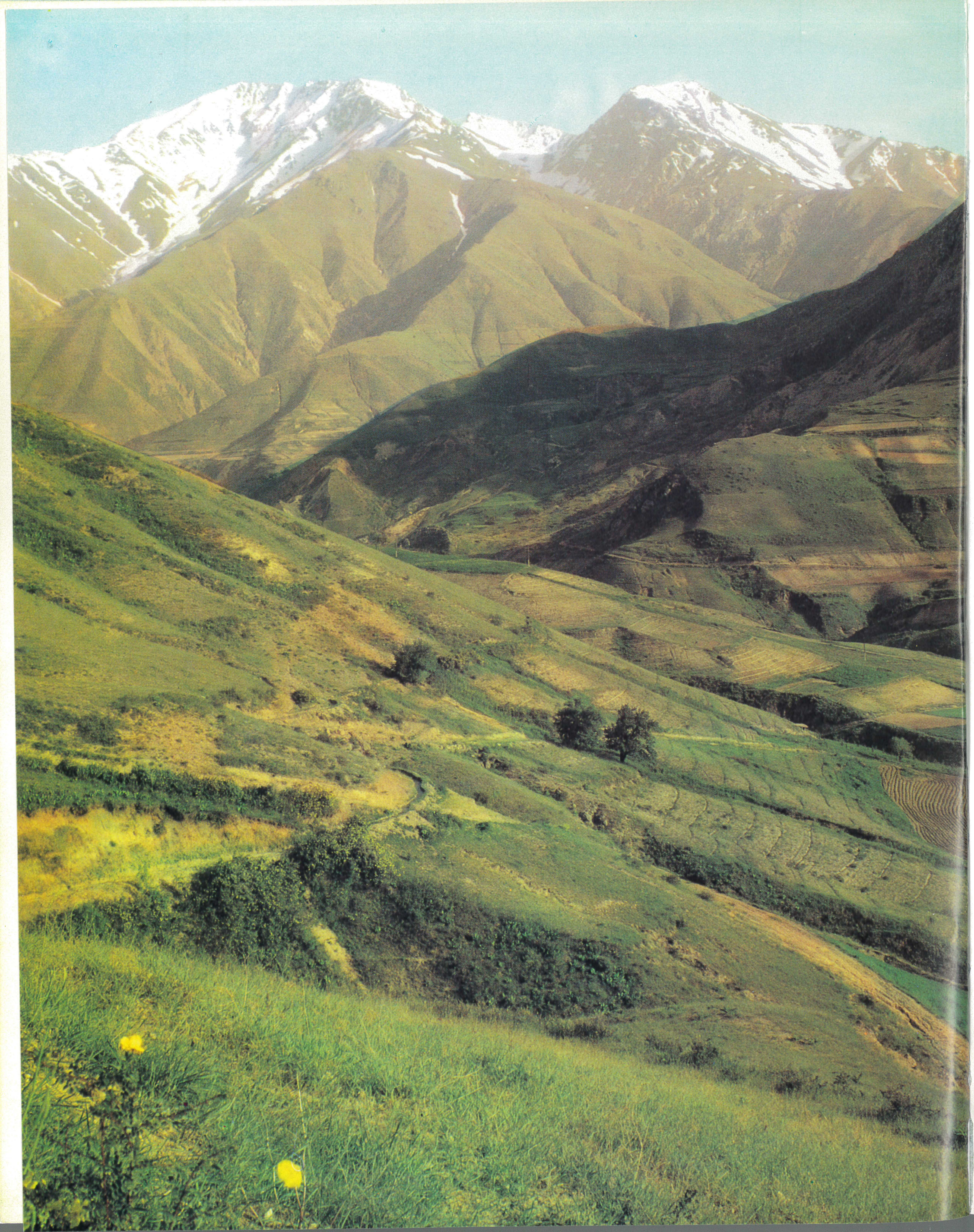
С каждым годом ужесточаются нормы, строже становятся санкции за действия, приведшие к ущербу природы, все больше средств отпускается на ее охрану. В горной зоне Кашкадарьи, на границе с Сурхандарьинской областью, расположился Аксуйский заповедник, где под охраной находятся исчезающие уже арчовые леса, животный мир тау и джейляу. Семь водопадов — один краше другого — внесены в список охраняемых памятников природы Кашкадарьи. Охраняются урочище Хазрет-Башир и долина у кишлака Катта-Лянгар; охраняются родники; цветы, еще недавно продававшиеся на базарах, сегодня внесены в «Красную книгу».

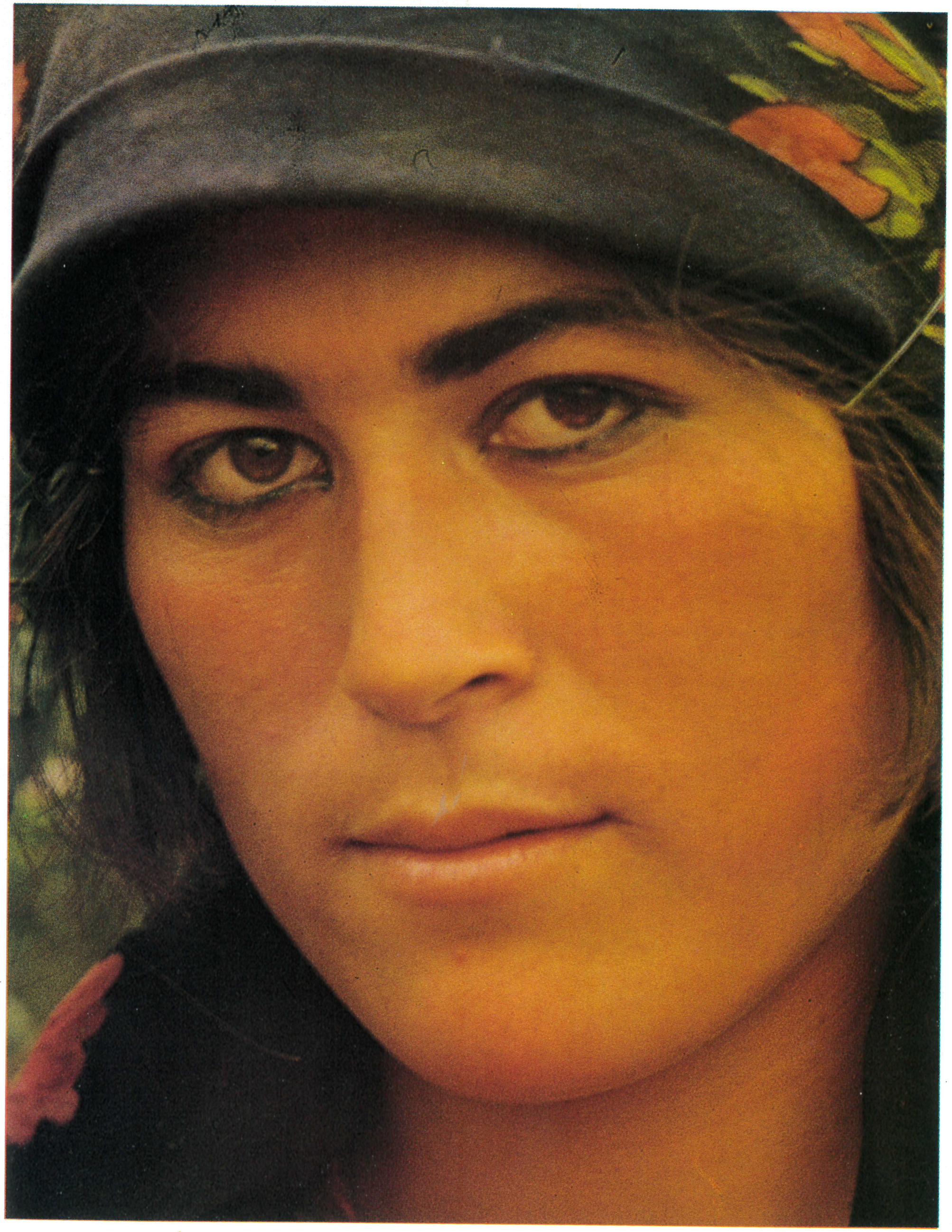
В области серьезно думают над тем, чтобы сохранить заповедными участки нетронутой степи, пустыни, саксаулового леса.

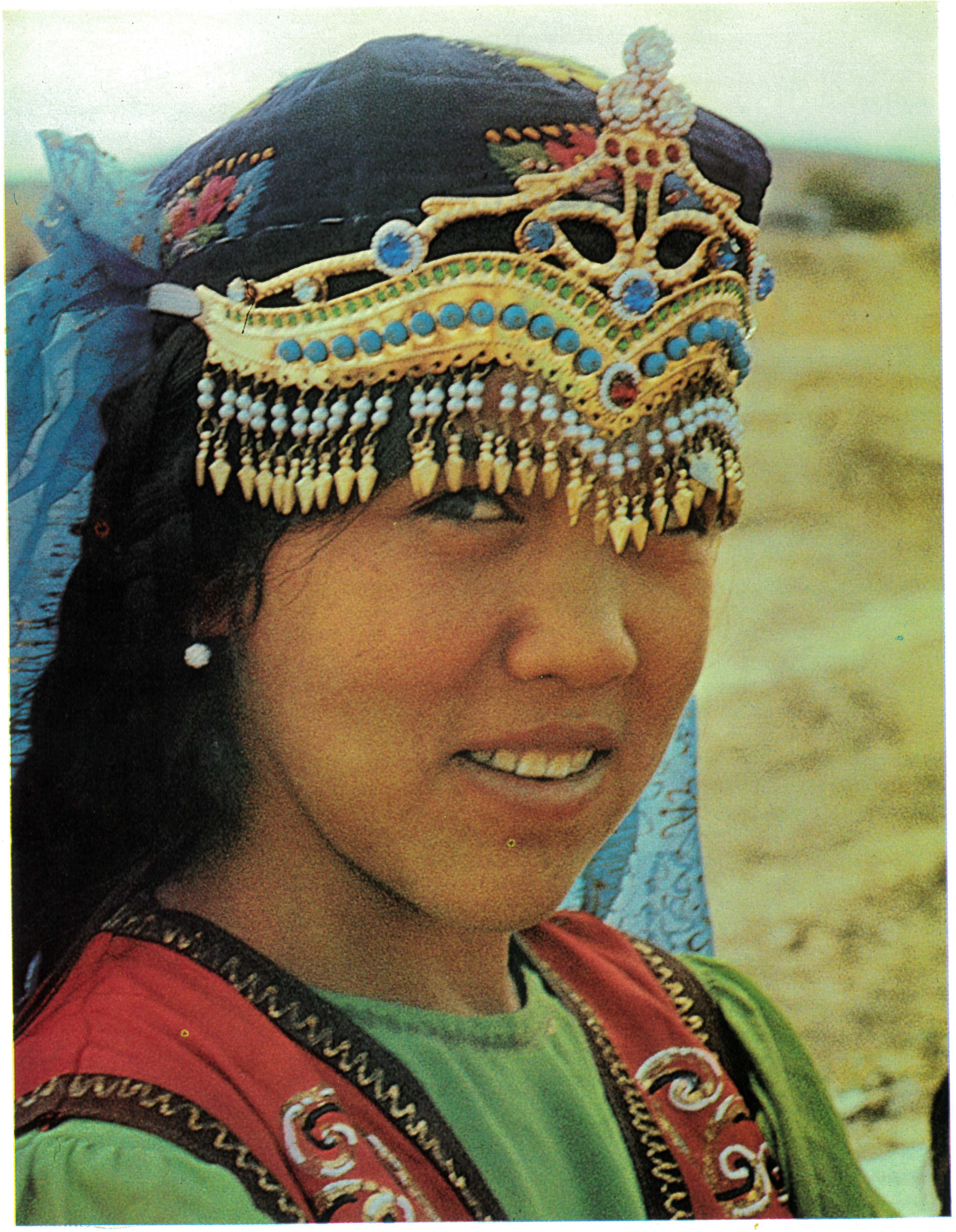
В 1941 году область собрала 48,7 тысячи тонн хлопка-сырца. В 1960 году собрано 146 тысяч тонн. В 1970 году под хлопчатником было уже 110 тысяч гектаров — в три раза больше, чем в 1940 году. В 1982 году область впервые произвела 590 тысяч тонн.

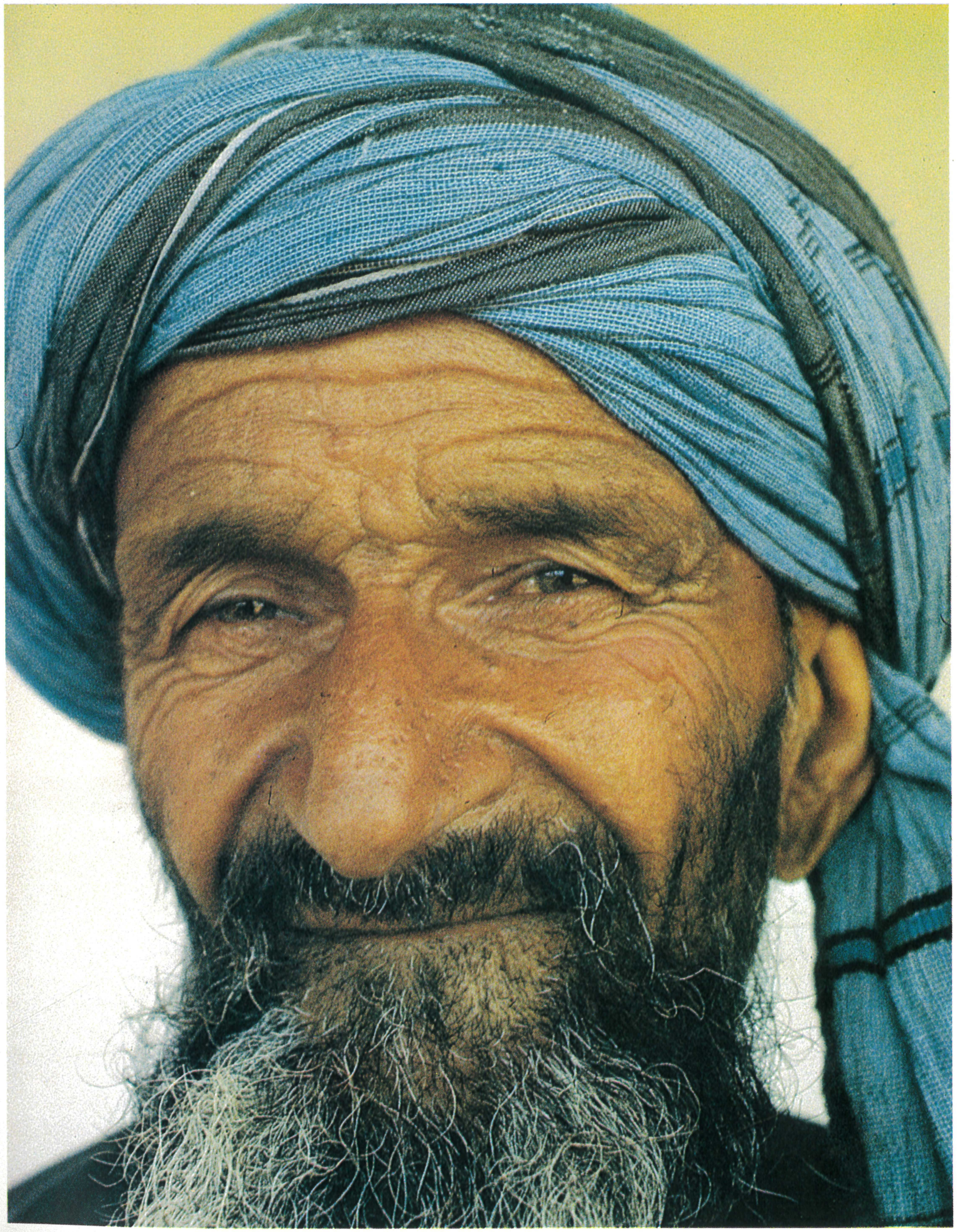
Когда в переливы атласа оденется луг молодой,
И пышно покроются горы сквозной семицветной фатой,—
Земля, словно царственный мускус, бесценный струит аромат,
И пестрой семьей попугаев блестящие ивы стоят.

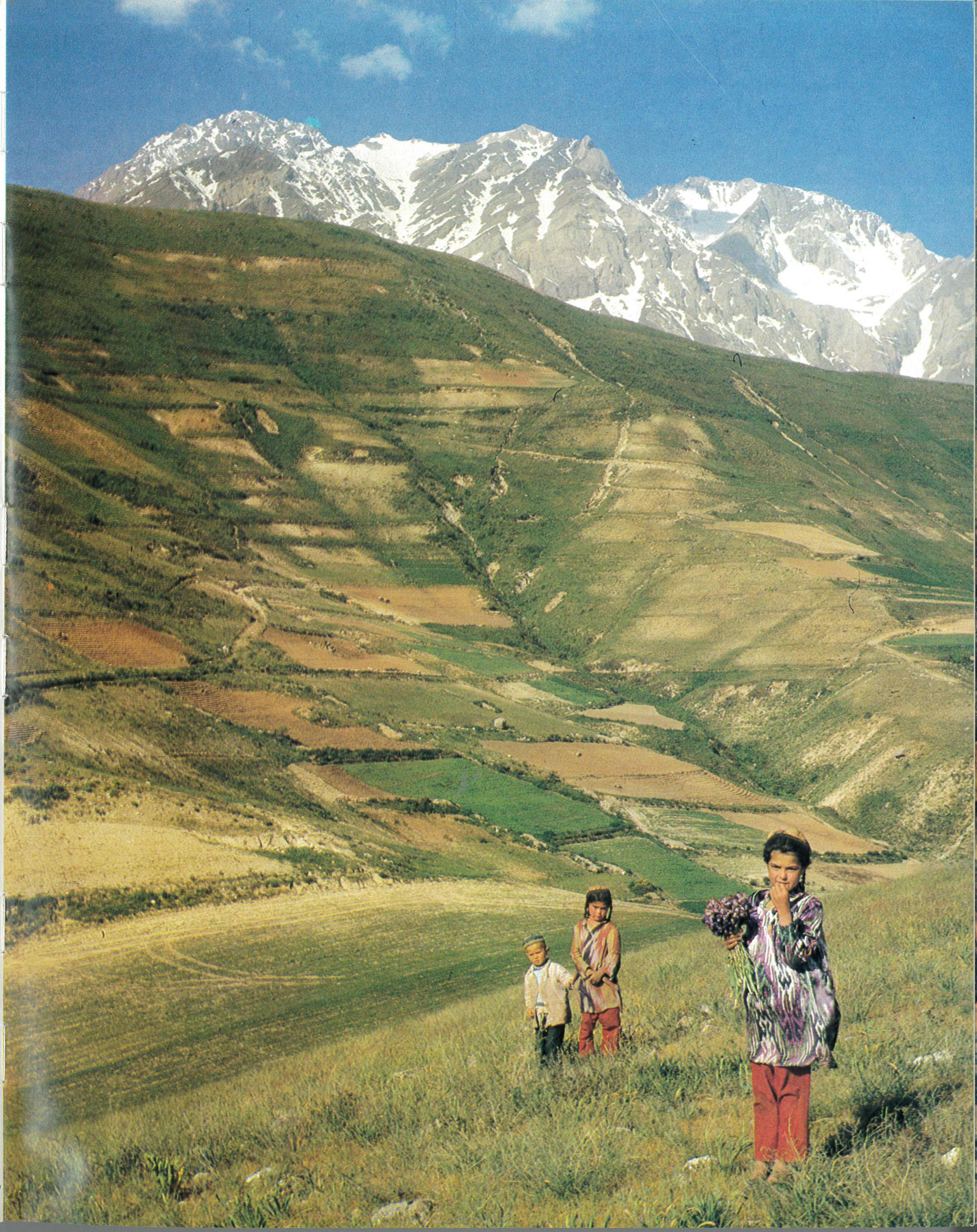
Фаррухи







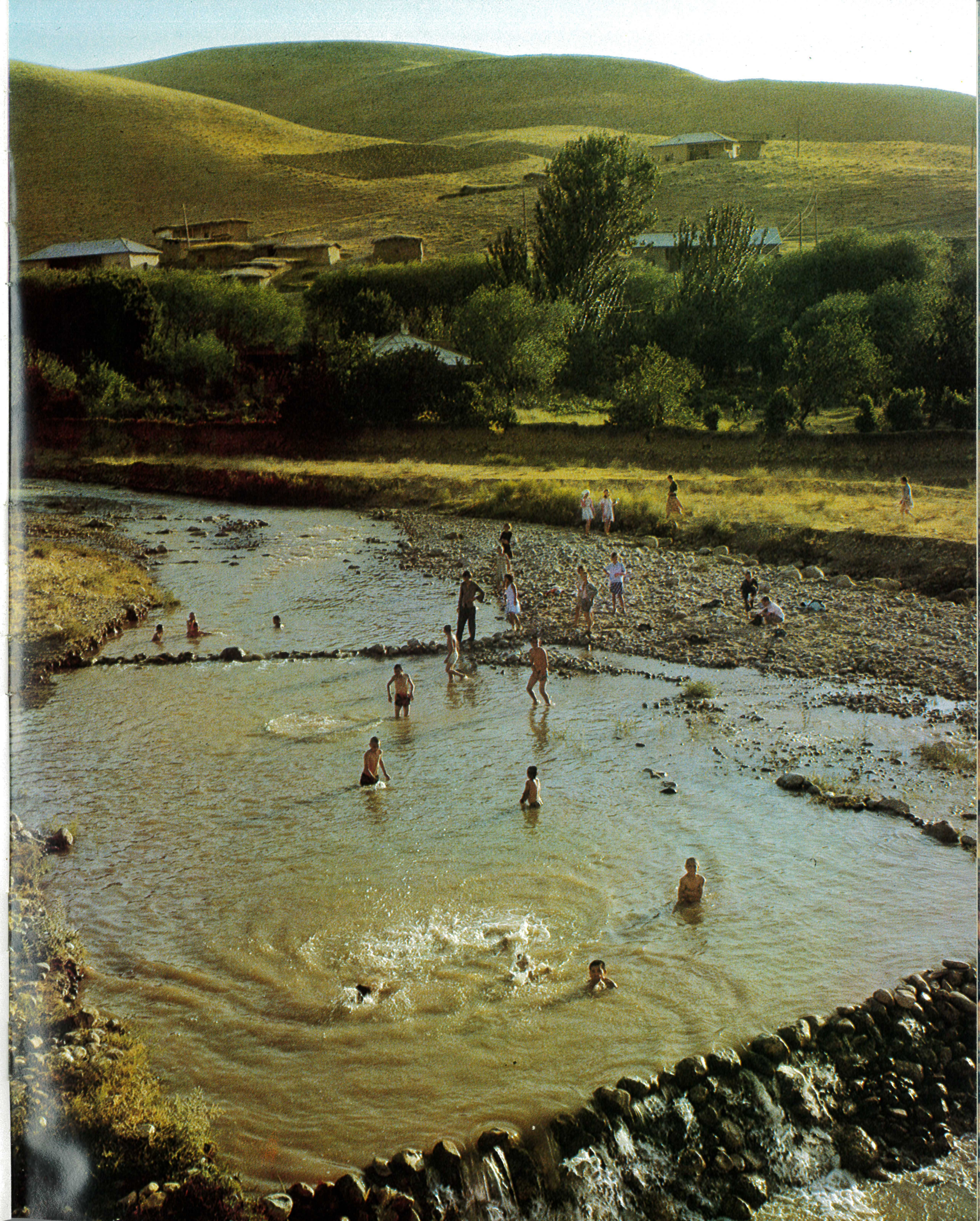


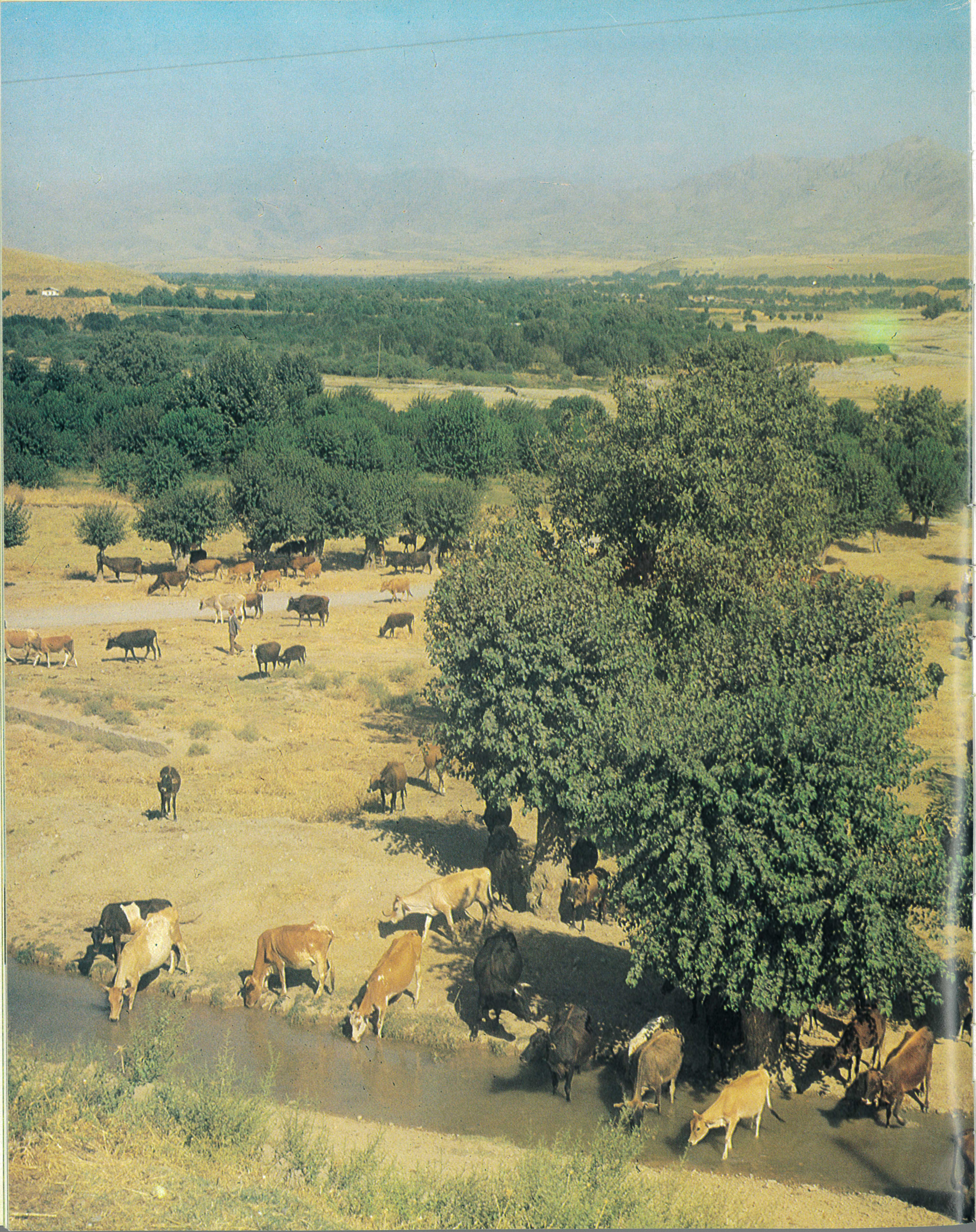


Дети высокогорного кишлака Гелан.

Можно бы не писать о воде, но сама-то вода
Все равно протечет по Карши — по цветущему краю!
И когда вспоминаю о времени прошлом, всегда
Я с грядущим его, я его с настоящим сверяю.

Абдулла Арипов





Скот на водопое. Китабский район, предгорная зона.

Нелегко провести воду на эти микрополя, делянки высоко в горах, но зато какой урожай вызревает здесь!

По адыру — волнистым желто-зеленым холмам, по горным перевалам и долинам, между высокими хребтами Чакчар и Кугитангтау, по-над быстрым Таркапчигаем, где верхом на верном коне, где пешком, опираясь на чабанский посох, кочует он со своими овцами, находя по одному ему только известным приметам кормные места в горах: пырейное разнотравье, заросли дикой люцерны, колючий, но сочный каррак, пышный сарыандыз, известный русским как девясил. А еще выше, подальше от кишлаков, начинаются арчовые леса.

Амирали Ишбаев — известный человек. Когда он уезжает в райцентр, в шумный Дехканабад, или даже совсем далеко — в область, в Карши, собирает его вся семья. Пока отец надевает аккуратно выглаженный парадный черный костюм, а старший сын выводит из гаража отцовский «УАЗ-469», младшие помогают достать из заветного узелка отцовские награды; они спорят, кто из них получит право приколоть ему на грудь звезду Героя Социалистического Труда, два ордена Ленина, «Знак Почета», медали, знак депутата Верховного Совета республики. Возня заканчивается, когда отец устанавливает строгую очередь. А потом с веселым визгом бросаются к машине. С ними и средняя сестра, а старшая, степенная, уже входящая в возраст невест, берет на руки самую маленькую.

Летом вся семья живет с отцом на отгонных пастбищах, осенью жена с детьми спускаются с гор в кишлак — детям надо в школу ходить. Амирали Ишбаев остается со своим помощником.

Нелегкая жизнь у чабана. Круглый год он кружит со своей отарой по горам, по долинам, обвевают его ветры, сушит зной и студит пронизывающий холод, спускающийся с ледников. Чабаны — немногословный народ. Зачем много говорить? — он едет, покачиваясь в седле, верные собаки бегут рядом, изредка крикнет резкое «кей!» отбившейся овце и опять едет, молчит, вроде и не смотрит за отарой, а все видит.

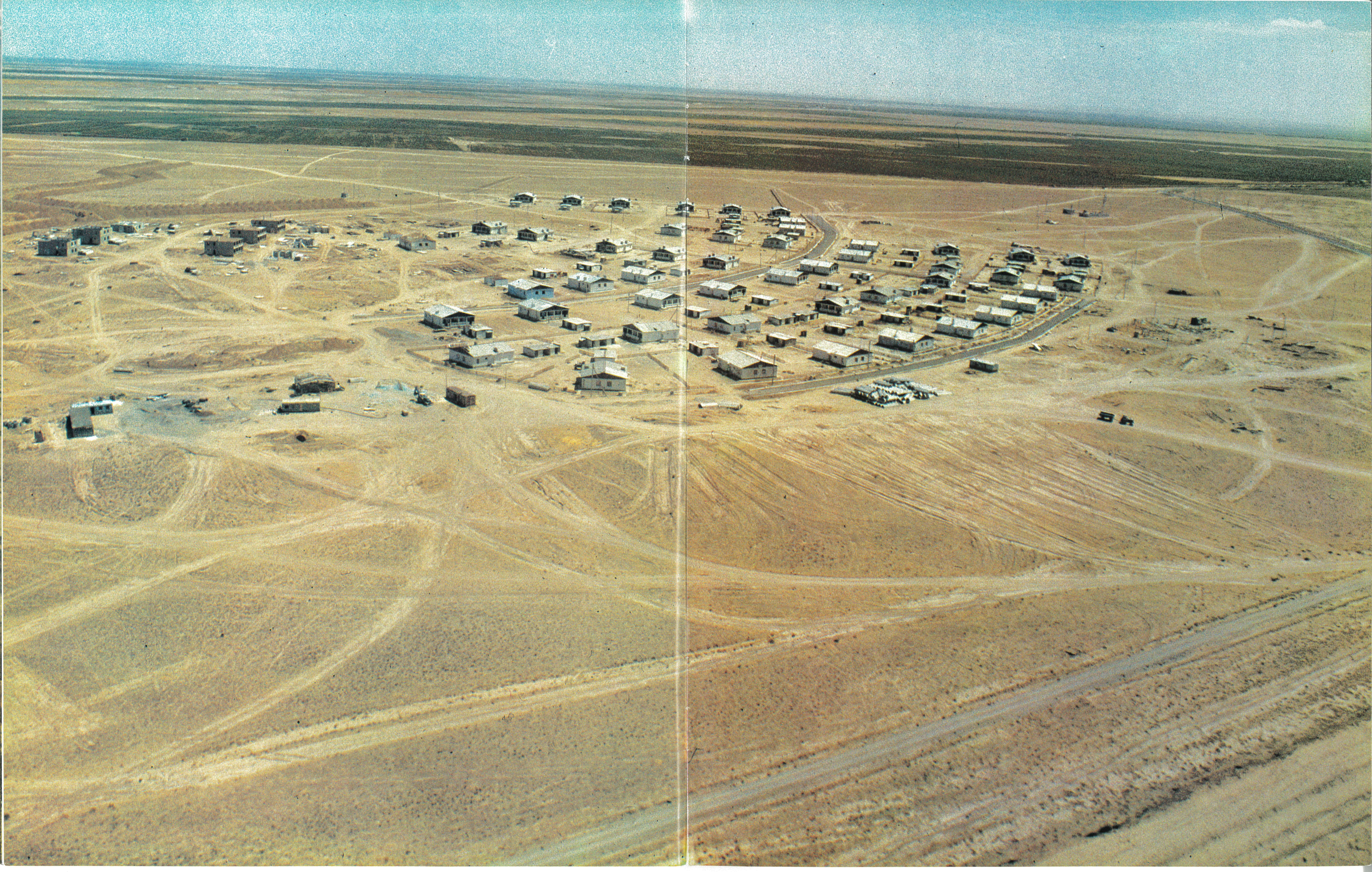
«Не в том искусство чабана, чтобы отару водить, а в том, чтоб отару кормить», — говорил нам Амирали.

Трудное время начинается весной, когда слабеют овцы, когда мало корма в горах, а если выпадет глубокий снег — совсем беда. В феврале у чабана самое страдное время — окот овец. Вот тут-то проверяются и мастерство, и мужество, и расторопность. Идет овца, присядет, и остается на траве (плохо, если на снегу) маленький ягненок, а то и два, три. В отаре хорошего чабана больше всех приплод, у него лучше, чем у других, выживают ягнята, лучше их шерсть и круче завиток.

Издавна Кашкадарьинский край славился своим каракулем. Водят отары чабаны по горам и предгорьям, водят по степи под Гузаром и в степи под Нишаном, доходят и до Талимарджана, где разлилось искусственное море, расцветает оазис.

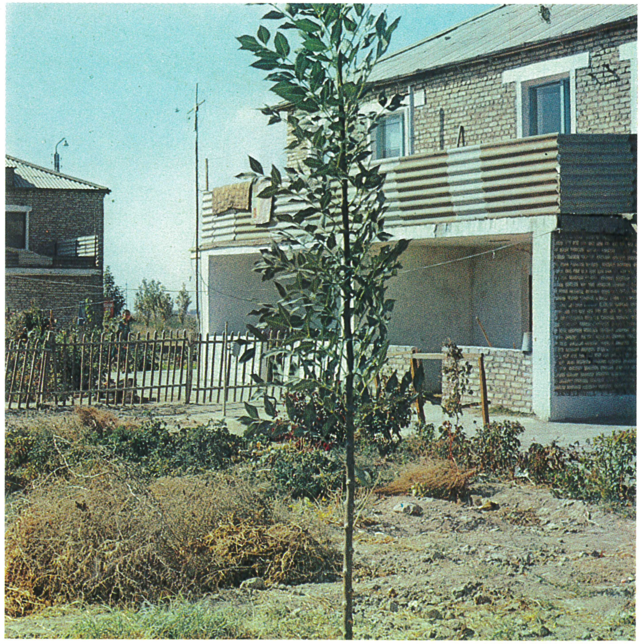
Кашкадарья с давних времен была известна как один из ведущих районов каракулеводства Средней Азии. Каршинский каракуль считается лучшим в мире. Сейчас область дает в год полмиллиона высококачественных каракулевых смушек. Передовые чабаны получают от каждой сотни маток до 250 ягнят и по 4 килограмма шерсти на каждую овцу. Область получает ежегодно по 140—145 ягнят на каждые 100 овцематок.

В нетронутой части бескрайней Каршинской степи водят свои отары знаменитых каракулевых овец чабаны Нишанского, Бахористанского, Мубарекского и других районов. А неподалеку появились и совсем уж диковинные для этих мест домашние животные, целые фермы — кролиководческие, с их исключительной интенсивностью, стали типичной приметой сегодняшнего Узбекистана — их встретишь под Ташкентом и Самаркандом, под Бухарой и под Карши.



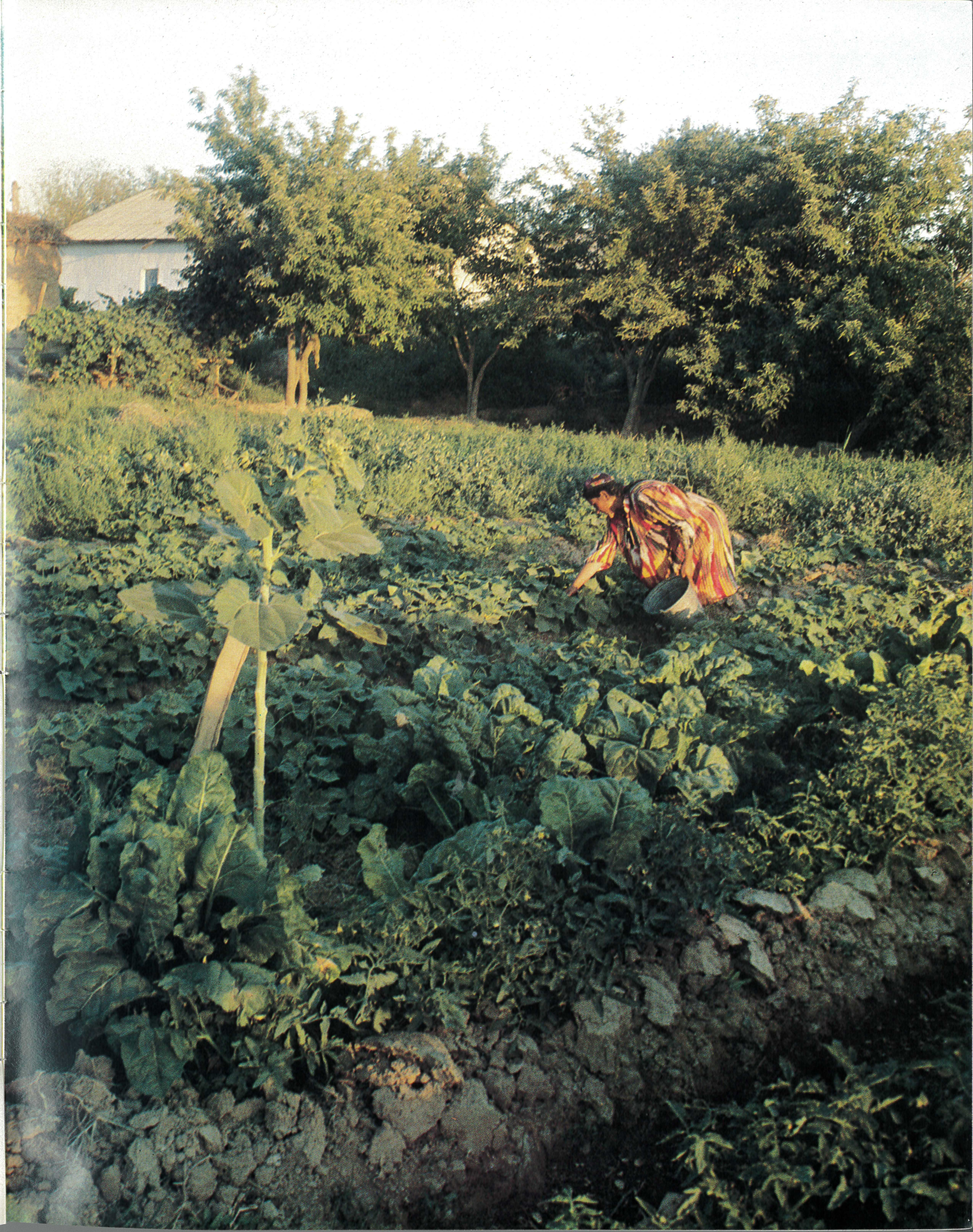
В новом целинном поселке совхоза «Прогресс» мы познакомились с семьей Хасановых. Хозяйка Серина Хасанова поливала огород, а дети помогали ей. Трудовая, рабочая семья, одна из многих. Выделяется разве что тем, что переехала в новый поселок не из дальнего кишлака, а из областного центра. Причиной их переезда не в последнюю очередь стал дом: в городе такого не получить. Коттедж с большой многокомнатной квартирой на двух этажах, с газом, электричеством, ванной; терраса, балкон, сарай, помещения для скота, орошаемый приусадебный участок рядом с домом.

Рахмон Хасанов, глава семьи, рабочий в совхозе, жена его служит в



конторе. У них десять детей, что в этих краях не вызывает удивления. Старший сын Дельмурат окончил техникум, электрик, работает в управлении высоковольтных линий. Живет в Карши, женат. Второй сын Рустам служил в Советской Армии, он тоже окончил техникум. Третий сын Равшан окончил СПТУ, работает машинистом в каршинском локомотивном депо. Старшая дочь Саёра работает в совхозе; трое — Дельшат, Гульнора и Ильхом — учатся в школе; двойня Зухра и Закир — были еще дошкольниками, самая маленькая — трехлетняя Дильфуза. Многодетная семья получает государственное пособие; немалое подспорье — огород, куры, индейки, овцы, корова.

За годы освоения пятьдесят новых целинных совхозов выросли на просторах Каршинской степи. Степь осваивается комплексно — вместе с каналами, лотковой и дренажной сетью, дорогами и фермами,— строятся жилые поселки, детские сады, магазины, клубы и школы. Здесь говорят: новый дом станет родным, когда вырастет посаженное тобой дерево. Целинники начинают обживать новый поселок с первых саженцев, первых черенков винограда. Через несколько лет не узнать поселка — буйная зелень скрывает дома от глаз, на тенистых террасах отдыхают люди. Оазис!



25 лет выращивает и создает новые сорта дынь селекционер Хаким Усманов из совхоза «Пахтаабад». Хотя он совсем не старый еще, постоянная работа на жарком солнце высушила лицо, заострила черты, сединой окрасила бороду. Хаким-ака гордится титулом народного селекционера. Так назван он в большой грамоте, привезенной из Ташкента. Гордится он целой выставкой наград — дипломов, медалей и призов. А больше всего он гордится своими дынями.

Много времени отдает Хаким-ака любимому делу; немало сил уходит и на то, чтобы удачно назвать новый сорт — разве не важно, под каким названием пойдет в жизнь, ляжет дыня на праздничный стол? Вся жизнь его в этих детях солнца. Одни он называет просто, без затей — дыня «Аркони» (веревка) или арбуз «Ок кадак» (белый длинный) или «Кара кадак» (черный длинный). Но есть и другие названия, и они отражают отношение мастера к своему детищу: дыня «Вацарман» (девушка моей мечты), «Амири» (властелин), «Умрбоки» (вечная жизнь) или даже «Карал куба» (кубинский коралл). Будете в Кашкадарье, заезжайте к Хакиму-ака, отведайте по кусочку от дынь разных сортов, не пожалеете. Сейчас в Каршинской степи созданы огромные (тысяча-полторы гектаров) бахчи — простор для селекционеров.

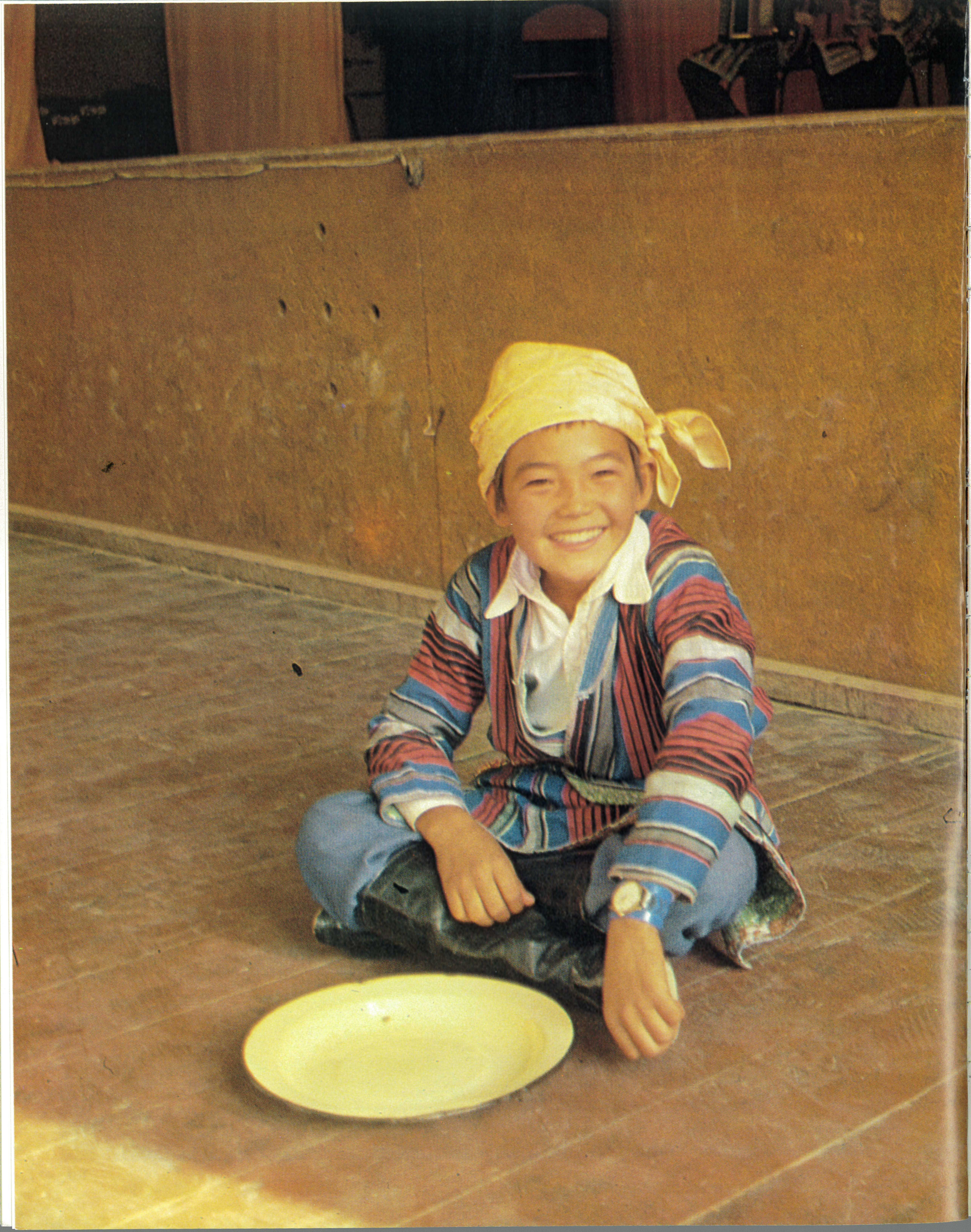
Узбекские ученые (в том числе ученые Кашкадарьи) работают над новыми сортами дынь и арбузов, хлопка и кукурузы. Большой урожай овощей и фруктов собирают раз в год, а в теплицах совхоза «Карши», Каршинского пединститута несколько раз. Долог путь сорта от опытной делянки до больших полей, но с помощью достижений современной науки он становится короче.

В целях выполнения Продовольственной программы СССР в области созданы специализированные массивы по производству бахчевых и овощей на площадях 300, 500, одной тысячи гектаров в Нишанском, Касанском, Талимарджанском, Каршинском, Чиракчинском и других районах; создано уже более 20 садово-виноградарских, овощеводческих совхозов.

Всякий раз, когда первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов приезжает в целинные районы,встречается со старыми знакомыми — первоцелинниками, ветеранами войны и труда.

Главная площадь райцентра Ульяновска — нового целинного района. Прямо за домами начинаются хлопковые поля, сады и виноградники.

Все эти фотографии сделаны в поселке целинного совхоза № 9 им. Чули Бегимкулова. Урок немецкого языка в лингафонном кабинете совхозной школы; урок физкультуры; школьный двор.

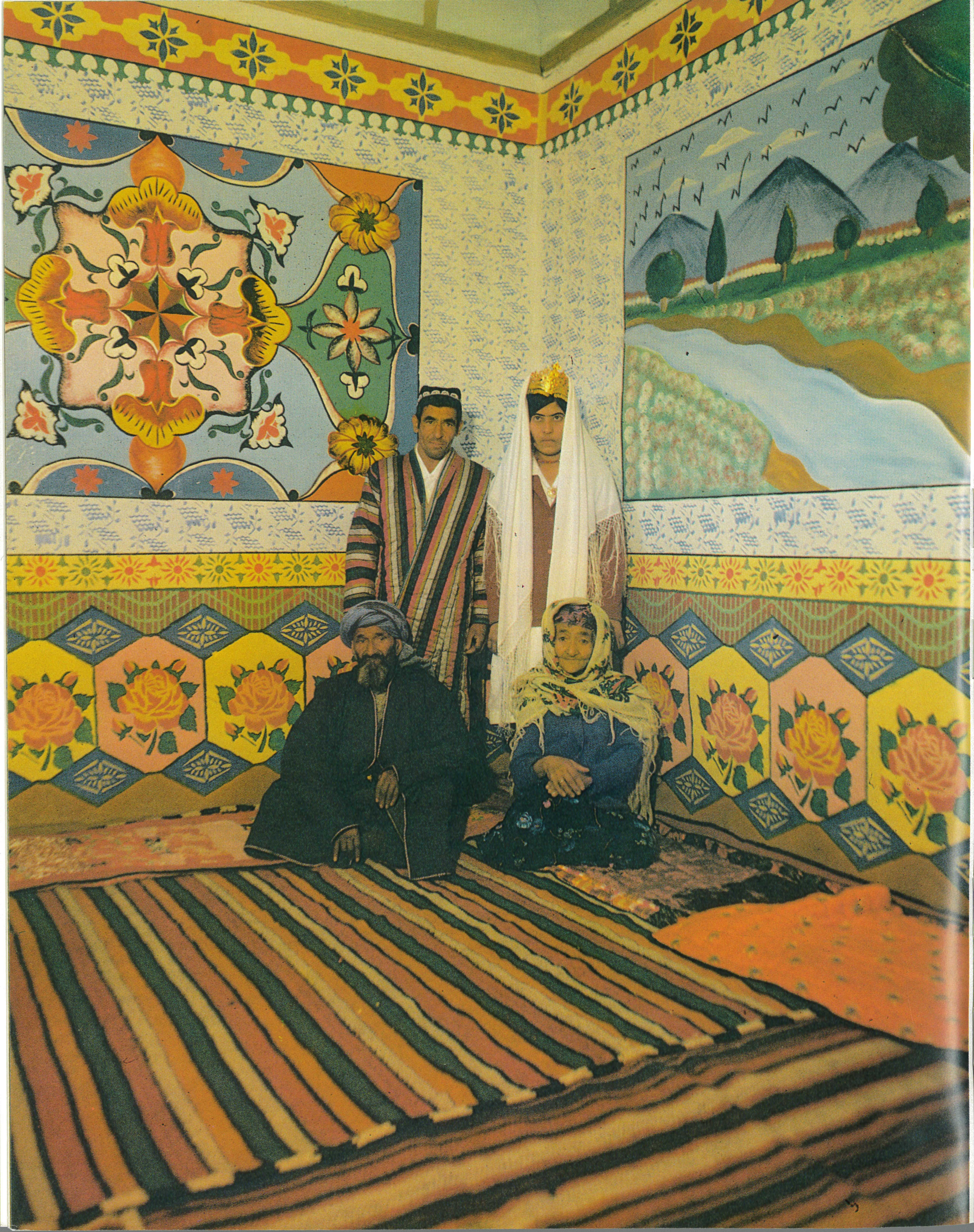


Репетиция ансамбля в совхозном Доме культуры. Шестиклассник Бахтияр Джумаев очень любит танцевать. Мы сфотографировали его, репетирующего сольный народный танец «С пловом». Смотришь на веселое лицо этого мальчишки, на всех детей и вспоминаешь ликующие, полные силы строки одного из зачинателей советской узбекской поэзии Хамида Алимджана, написанные в начале 30-х годов:

О, полнота бытия!
О, начало разбега!
О, хлопкороб, на свое дитя
Надевший рубашку белее снега.

Эта семья хлопкоробов поселилась в совхозе № 9 лет шесть тому назад. Подросли дети, вытянулись деревья, увеличился достаток. Чего бы не отдали раньше степняки за коня? Теперь коня сменил автомобиль.

Одни на машинах уже ездят, другие пока мечтают о них, как эти молодые люди, снятые нами в огромном торговом центре, за один год построенном в Китабе.



Осенью, когда короче становятся дни и все прохладнее ночи, когда на полях убирают последний хлопок, по городам и кишлакам прокатывается волна свадеб.

Мы не этнографы, поэтому нам трудно описать в точных словах то, что мы видели на кашкадарьинских свадьбах. Ведь то, что во всех тонкостях понятно человеку, родившемуся здесь, для пришельца оказывается тайной «за семью печатями»: слова, движения, одежда, жесты, танцы и песни на народной свадьбе у любого народа имеют значение, понятное только посвященному.

Свадьба в Узбекистане, в Кашкадарье, тоже праздник, ни на что не похожий, всем праздникам праздник. Свадебные ритуалы в разных местах области различны, как различны одежды и способы приготовления плова. Правда, сейчас этнографически чистую свадьбу, полностью сохраненный древний ритуал, редко где можно встретить, разве что в далеких горных кишлаках. Как и во всем другом, логика жизни, требования современного быта, независимого положения женщины наложили отпечаток на традиционные строгие обряды, видоизменили их, придали присущие только этому народу и только в это историческое время черты.

Свадьбу мы снимали в Касанском районе. Во Дворце бракосочетания женщина-депутат с лентой цветов флага республики поздравила молодоженов. Кавалькада автомашин, разукрашенных лентами и коврами, пронеслась по райцентру, остановилась у памятника землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Жених с невестой положили цветы к Вечному огню, после чего машины проследовали дальше, свернули на кишлачную улицу, проезжая мимо глиняных дувалов, отворенных ворот, откуда выглядывали соседи, сбавили скорость. У ворот жениха стояла толпа любопытных в соответствии с узбекской пословицей: «Была бы свадьба, а народ будет». Тем временем в отремонтированном, расписанном от пола до потолка доме для молодых все было готово к встрече. Музыканты уже настроили свои инструменты, пальцы сами плясали по тугим дойрам (бубнам), девушки из колхозного ансамбля в ярких платьях высыпали на лужайку перед домом, чтобы встретить молодоженов танцем, встали на крыльце отец и мать жениха. Двор быстро заполнился гостями, грянула музыка. Скоро во всех комнатах и во дворе сидели гости, в больших котлах дымился плов, дети заглядывали в окна.

Жених был в нарядном свадебном халате, из-под которого виднелся новый шерстяной костюм европейского покроя. Невеста в шитой золотом тюбетейке и узорной накидке была одета в белое платье. Ни он, ни она не пили, гости не кричали «горько!» — целомудренные обычаи не предусматривают здесь публичную демонстрацию чувств. Они сидели напряженные, взволнованные значением события, соединившего их судьбы, обилием людей и (конечно!) нашим присутствием с целым чемоданом аппаратуры.

Здесь нам кажется уместным сказать несколько слов об исламских традициях в быту, не претендуя на какие-то обобщения. Сотни лет здесь приучали людей жить уединенно, за глухими стенами, в домах, где окна выходили во двор; не было большего греха, чем вынести сор из избы. Семейные обычаи, семья, установления шариата были одной

из главных твердынь ислама. «На личность женщины коран смотрит почти исключительно с точки зрения ревнивого мужа; правила о разводе, кроме имущественных, также составлены всецело в пользу мужчин»,— писал академик В. В. Бартольд.

Женщины находились практически в полной изоляции от культуры, социальной жизни; ведь в ортодоксальном исламском обществе «мужское» и «женское» были строго разграничены — территория, помещения, занятия, игры, работа, обязанности и права. Рождение дочери считалось чуть ли не несчастьем для родителей, рождение сына — благословением аллаха, большим праздником. Хиджаб (покрывало, шире — затворничество) отделял женщину от мира и знаний. Главнейшей, святой обязанностью жены является воспитание детей, но малообразованная, находящаяся в плену традиций и предрассудков женщина волей-неволей воспитывала своих детей в духе шариатской морали.

Понятно, какое огромное значение для формирования современного уклада жизни, всестороннего развития советских республик Средней Азии имело принятие закона о всеобщем среднем образовании. 8 марта 1927 года вошло в историю Узбекистана: в этот день девяносто тысяч узбечек навсегда сбросили паранджу и сожгли ее на кострах.

Сегодня женщины Кашкадарьи — равноправные, свободные, с чувством собственного достоинства граждане своей страны. Они водят хлопкоуборочные машины и собственные «Жигули»; выступают в театрах и на телеэкранах, во Дворцах культуры и на полевых станах; они учатся в вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента, Самарканда, Бухары, Карши и многих других городов; они лечат людей и разрабатывают архитектурные проекты, летают на линиях Аэрофлота и участвуют в спортивных соревнованиях; заседают в Советах народных депутатов, в судах, руководят предприятиями, совхозами, колхозами, носят ордена Ленина и звезды Героев.

Нынешние молодые — это внуки тех отважных, сбросивших паранджу в первые, самые трудные годы борьбы за освобождение женщины.

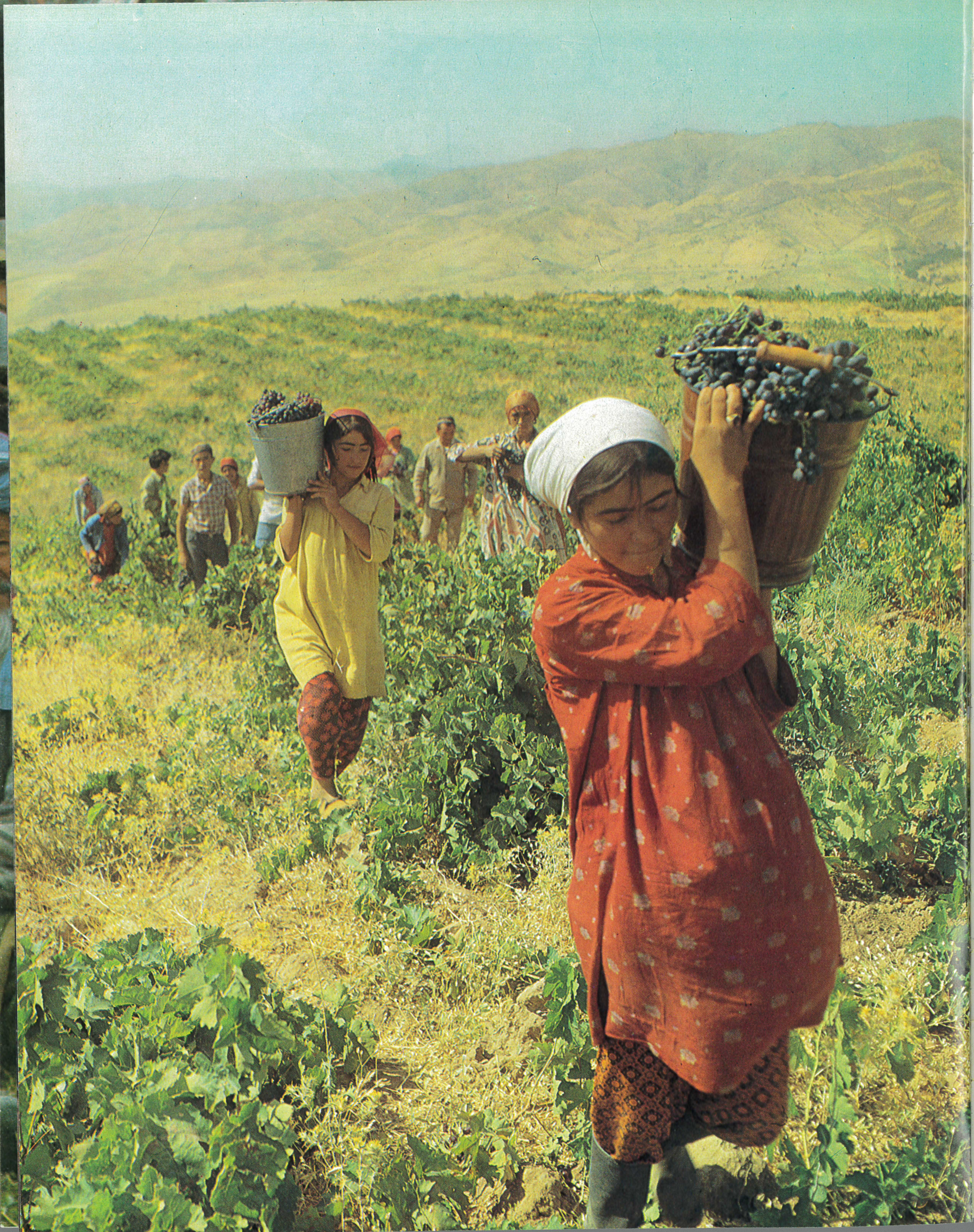
Мы, конечно, не думаем, что эта борьба уже закончилась, что все позади; традиции и заблуждения, освященные многовековым авторитетом, живучи; больше того, они оказываются гибкими, приспосабливаются к новым условиям, учитывают появление новой, свободной женщины. Очень важно, подчеркивали партийные, советские и комсомольские работники, ученые, когда заходил разговор на эту тему, не потерять остроты восприятия, не притупить накал борьбы, не принять протаскивание отживших, реакционных форм под видом «народной национальной культуры», «народного творчества», «формы выражения национального духа».

Мы же, не будучи специалистами в этом сложнейшем и деликатном вопросе, верим в то, что активный, динамичный характер современной жизни, ритм освоения, насущная необходимость в знаниях, в овладении материальной и духовной культурой, строгое, принципиальное соблюдение советских законов с каждым годом будут смывать, уносить отмирающие, безжизненные, потерявшие социальное содержание традиции и обычаи, сохраняя, развивая многообразие, живую прелесть народного самодеятельного творчества, жизни, быта и культуры.

Звон дутара, стон свирели,
бубна мерный перестук,—
что за звуки полетели,
как волнует каждый звук!

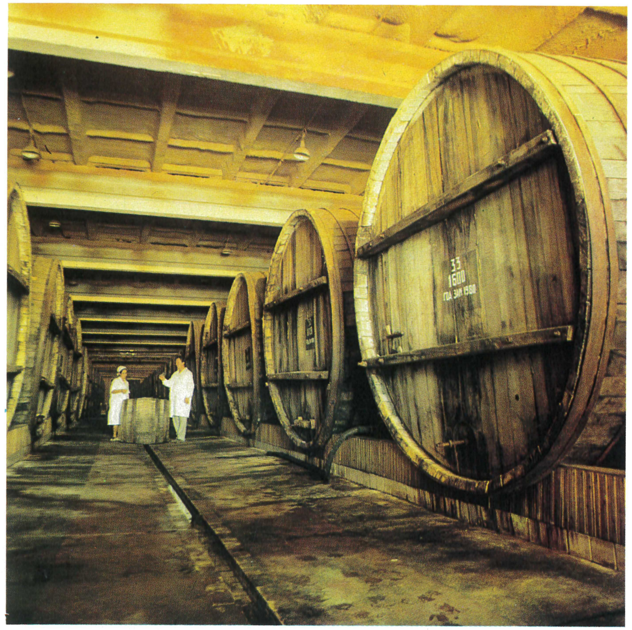
Уйгун

Как эстонский праздник немыслим без хора, грузинский без застольной песни, так узбекский — без туя, без национальной борьбы. На свадьбах и праздниках, юбилеях и днях рождениях, и по многим другим поводам разносится по окрестным кишлакам весть — туй!



Вино у нас домашнее, густое,
В нем слиток солнца плавает в настое.
Есть предложенье, самое простое:
Без лишних слов кувшина дно пустое
В кратчайший срок исследовать, друзья!

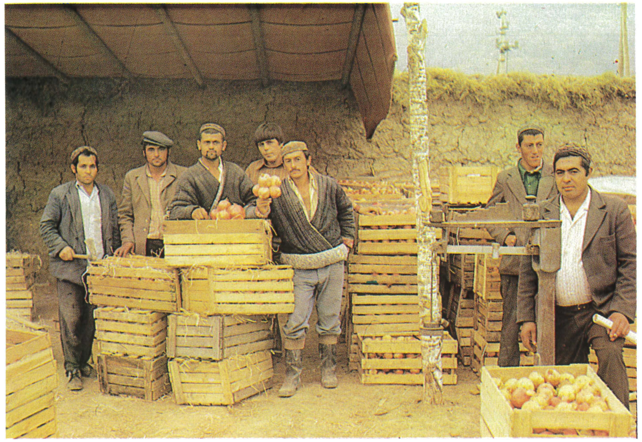
Гафур Гулям



Меня влечет в сады, влечет к природе,
Туда, где от осеннего огня
Уже пылают листья, что походят
На жар, горящий в сердце у меня.

Абдулла Арипов

Не знаем дерева, цветущего красивее, чем гранатовое, усеянное ярко-алыми колокольчиками на фоне темных острых листьев. Красив гранатовый сад весной, как будто какой-то таинственный мушакбоз (человек, устраивающий фейерверки) зажег в листьях тысячи ярчайших, трепещущих на ветру столбиков света. Но еще красивее он осенью, когда ветви согнулись под налитой солнцем тяжестью красных шаров, висящих гроздьями на тонких ветках. Иные плоды, переполненные солнечной силой, сладостью, терпкими зернами, лопаются, раскрываются прямо на ветках. Подходи, вкушай! С ветки на ветку, от дерева к дереву — нет одинаковых плодов. Этот — с зернами цвета



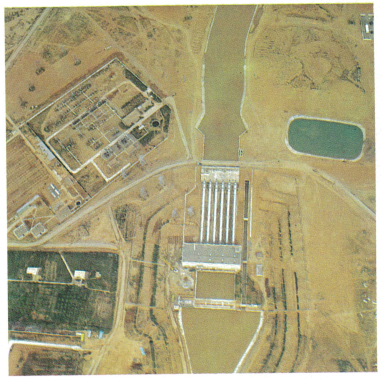
темного рубина; вот гранат цвета гранатового камня, а вот — почти жемчужный, сладкий, как мед, кислый, терпкий. Пчелы висят над садом, будто они создали это чудо природы — гранат (анор).

До сих пор растут по склонам гор, по-над быстрыми реками заросли дикого граната. С незапамятных времен отметил человек гранатовое дерево, может быть, в каменном еще веке сорвал манящий плод и утолил жажду и голод. Гранаты узнаем мы на росписях древнеегипетских усыпальниц. Цветущая ветвь граната, засыпанная при пожаре три тысячи лет назад, дошла до нас, раскопанная археологами в древнеурартском Тейшебаине. Гранатовый сад цветет на страницах восточных миниатюр, восславлен в поэзии Хафиза и Джами, Саади и Навои.

Сегодня в Узбекистане гранатовый Ренессанс. Сотни гектаров новых гранатовых садов видели мы во вчерашней степи, где их никогда не пытались выращивать,— даже под Мубареком, рядом с пустыней Сундукли, с саксауловым редколесьем.

Варганзинские гранаты не залеживаются на базарах, славятся они недаром: необыкновенно крупные, яркие, сочные — всем гранатам гранат.

Сбор гранатов в Варганзе — это священнодействие, хотя вроде бы работа как работа — собирай, укладывай в корзины, в ящики, грузи в машины. Но почему девушки в гранатовом саду кажутся такими прекрасными? Работа как работа, но серебрист смех, звонкоголосы песни и счастливы лица. 15 тысяч гектаров новых садов заложили в Кашкадарье в последние годы и в их числе огромный, тысячегектарный сад имени Авиценны, в честь тысячелетия великого ученого.

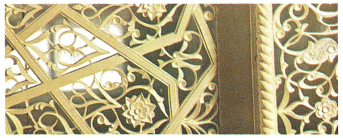


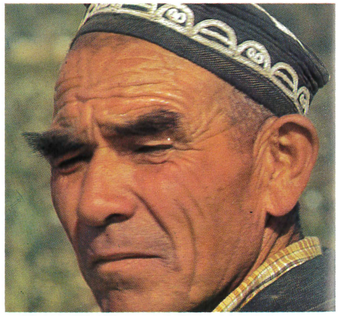
Пришла вода, и всходы зазеленели на полях нового освоения, по первому году еще далеко не такие густые и сильные, какими они будут через несколько лет.
В степи теперь собирают хлопок и виноград, добывают газ и нефть, живут и воспитывают детей, строят новые поселки.

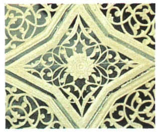
Оазис

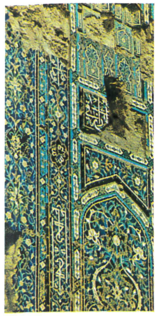
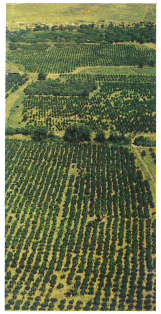
Цвети, не зная осени, мой край,
Цвети, будь вечно молодой летами,
Трудись, борись, расти и побеждай
И дружен будь с собратьями-друзьями.
В чреде веков неколебимо стой,
Как брат в семье народов многоликой,
Вовек да будет светел образ твой,—
Ты — сын Советской Родины великой.
И песней светлой край мой славлю я,
Узбекистан мой, Родина моя!

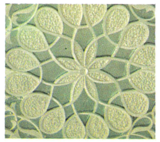
Абдулла Арипов

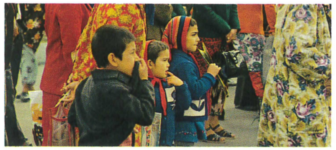










Не только нам, но и местным жителям, выросшим здесь, трудно теперь представить себе во всей реальности, в страшных деталях ту повседневную жизнь, которой жил их народ еще совсем недавно — 65-70 лет назад. Неоценимые исторические свидетельства оставили нам первые советские писатели республик Средней Азии — Садритдин Айни, Гафур Гулям, Абдулла Кахар и другие.

Вот, скажем, Абдулла Кахар в «Сказках о былом» глазами ребенка показал немыслимую, несправедливую и бесправную жизнь, особенно чудовищную оттого, что кажется героям обыденной и само собой разумеющейся. Кузнеца Абдукахара раз за разом изгоняют из махалли (махалля — квартал; однако это не понятие городской топографии, это понятие социальное, единица местного управления, существующая и сейчас, например, махаллинский совет). Изгоняют за то, что он купил велосипед — «шайтан-машину», за то, что не постится, за то, что работает в кузнице, когда другие молятся; за то, что водится с русскими и даже отправляет жену рожать в больницу — «на завод, где делают детей».

Какие приметы быта схвачены потрясенным сознанием ребенка: деспотичная бабка, проклявшая его мать самым страшным из проклятий — сидя на венике; дядя кузнец, избивший до смерти юную дочь Саврисо за то, что она, не отказываясь (такое невозможно представить) выйти замуж за заику-подмастерье, грустит. Мать, родившая и похоронившая девять детей. Отец, в отчаянии после смерти девятого топчущий ногами коран. Нищета, обман, голод, изнуряющий труд, и над всем этим — липкий страх перед власть имущими. Им несть числа. Тут Туракул-перекупщик, как паук, опутывающий своих жертв; невежественный и злобно мстительный учитель Валихон-суфий; алчные юзбаши и мингбаши, всесильные оттого, что они низшие чины бесконечной пирамиды, возвышающейся над народом. А народ? Мужчины и женщины готовы поверить в самые абсурдные небылицы. Искаженное, запутанное, издерганное сознание.

Хорошо бы не забыть нам эти книги, читать и перечитывать. Разумеется, прогресс понятие неоднозначное, сложное. Каждый подросток носится на новеньком велосипеде. «Жигули» и «Нивы» стали если не обыденной, то и никого не удивляющей деталью быта многих чабанов и хлопкоробов, строителей и овощеводов. Не только в домах, но и на пастбищах, где позволяют условия приема, в чабанских юртах стоят не только радиоприемники и магнитофоны, но и телевизоры. Дети рождаются в роддомах, люди лечатся в больницах и даже среди хлопковых полей стоят «полевые поликлиники» (есть здесь и такие).

Но и не это, по нашему убеждению, главное. Главное — чувство достоинства, состояние «полноты бытия», которое ощущает каждый живущий здесь. Полнота бытия людей, работающих с чувством внутренней убежденности в исторической необходимости их дела, их вклада, их поколения.

Мы, не раз исколесившие всю Кашкадарью, этот взбудораженный, динамичный, быстро набирающий темпы край, встречались с тысячами людей — механизаторами, строителями, чабанами, летчиками, геологами, газовиками и нефтяниками, поварами, милиционерами, артистами, поэтами, художниками, шоферами, депутатами, партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими работниками. Все это люди разные, не похожие друг на друга, но схожие в одном — родина для них распахнулась от околицы кишлака до границ Советского Союза. Одни поняли это, пройдя пешком от Москвы до Берлина, другие — отслужив в армии где-нибудь в Белоруссии или на Камчатке, третьи — участвуя в ВДНХ, четвертые — поездив в отпуска по стране, пятые — по путевкам «Спутника» побывав и в Египте, и во Франции, и в Индии, и в Японии.

Бесконечно далеко мы продвинулись вперед за эти несколько десятков лет! Здесь динамично все. Здесь быстро строят, быстро сеют, выращивают хлопок. Здесь быстро растут семьи и население, число

Всесоюзной ударной стройкой назвала партия покорение Каршинской целины. Она стала олицетворением нерушимой дружбы и трудового героизма советского народа. В едином строю тружеников «Каршистроя» представители 53 наций и народностей. Они вершат поистине грандиозные дела: наперекор природе, через барханные пески и предгорья Гиссарского хребта проложены рукотворные реки, действует каскад уникальных станций с самыми сильными на планете вертикальными осевыми гидроагрегатами. Они заставили течь своенравную Амударью в гору, ежегодно отдавая новым полям и садам более 3 миллиардов кубометров живительной влаги.

«Кашкадарьинская правда», 9 декабря 1978 г.

автомобилей и дорог с твердым покрытием, детсадов, больниц и поликлиник, студентов и вузов.

Социальные процессы не очевидны, они растянуты во времени, их нельзя заснять на фотопленку. Конечно, и книжные базары на городских улицах, и сельские школы с лингафонными кабинетами, в которых дети крестьян изучают английский, французский или немецкий языки, говорят о многом, но по ним нельзя представить себе темп, скорость движения. Здесь нам поможет статистика.

Население. По данным переписи 1959 года, население Кашкадарьинской области составляло 508 тысяч человек. В городе Карши было 33 тысячи жителей.

Перепись 1979 года зафиксировала уже 1 миллион 120 тысяч человек населения, в областном центре было 108 тысяч жителей. В степи создавались и росли новые города и районы, такие как Нишанский, Талимарджанский, Мубарекский, Бахористанский, Ульяновский, Усман-Юсуповский. Вот динамика, выраженная в цифрах: по темпам роста доли городского населения Кашкадарьинская область с 50-го места, которое она занимала в 1959 году, вышла на третье место в стране (без учета столичных областей союзных республик).

Образование. В 1959 году в области было 0,8 процента жителей, имеющих высшее образование (предпоследнее место в стране без учета столичных областей республик). В 1979 году высшее образование имели уже 7,4 процента жителей. С этим результатом область переместилась на 12-е место в стране по количеству лиц с высшим образованием на тысячу жителей. А по темпам (темпы как раз и показывают направленность и силу процесса) роста доли лиц с высшим образованием на тысячу жителей Кашкадарьинская область заняла первое место в СССР!

Вот что такое социальная динамика, выраженная языком цифр. В 1980 году в 690 дневных общеобразовательных школах учились 308 тысяч детей. В год среднее образование получают около двадцати двух тысяч юношей и девушек. И девушек — это важно подчеркнуть на Востоке, где еще недавно уделом женщины было затворничество. За пятилетку среднее образование в дневных школах получают больше ста тысяч человек. Еще двадцать тысяч надо прибавить сюда окончивших школу без отрыва от производства.

Современный рабочий, крестьянин немыслим без образования, без сложных профессиональных навыков. В новых райцентрах, поселках создана целая сеть профтехучилищ, дающих вместе с профессией и среднее образование. Численность учащихся в них за пять лет выросла в четыре раза. В вузах области учатся более 6 тысяч студентов, еще 12 тысяч обучаются в техникумах.

Самой характерной чертой всех этих цифр является то, что они быстро стареют — вводятся новые предприятия, школы, техникумы, открываются филиалы вузов.

Карши — древний город, истоки его уходят так далеко, что их трудно представить себе. Курганы — «тепе» на западной окраине города хранят в себе тайны ушедших эпох, память былого величия этого края.

Но древний Карши до революции и после нее был небольшим, пыльным, сонным провинциальным городком, от былой славы которого только и осталось, что бани, мост через реку Кашкадарью, построенный в XVIII в., да мечеть Кок-Гумбаз.

Тридцатые, сороковые и пятидесятые годы не прошли, разумеется, для города бесследно. Построили электростанцию, типографию, ковроткацкую фабрику, хлопкоочистительный и маслозаводы, локомотивное, а затем вагонное депо, кинотеатр, разбили парк. Осенью того года, когда полетел в космос Юрий Гагарин, в городе открылся свой педагогический институт. Нельзя сказать, что город спал или застыл — он менялся, но менялся медленно.

Нынешний, новый Карши не зря называют столицей степи и форпостом освоения. Город принимал первых целинников на своем

На северо-западе Каршинской степи, там, где соприкасаются пески Кызылкумов и Каракумов, вырос город Мубарек. Его название буквально означает «Добро пожаловать». Разноязыкий говор слышен здесь. Вот звучит болгарская речь. В Мубареке работает большой отряд строителей из НРБ... Согласно Комплексной программе экономической интеграции в рамках СЭВ, посланцы братской страны участвуют в развитии производительных сил недавно образованного Мубарекского района.
Район стал не только животноводческо-хлопководческой зоной, но и новым центром большой химии Узбекистана. В конце 1979 года заработала первая, а следом и другие очереди газоперерабатывающего завода.
... Генплан Мубарека составлен ташкентскими архитекторами с учетом особенностей города. Химический комплекс вынесен за его пределы на 12 километров. ... К 1990 году численность населения города достигнет 150 тысяч человек.
Сейчас в центре Мубарека разбивается огромный сад с прекрасным розарием. Розы завозятся из далекой Болгарии.

Ш. Зайнутдинов.
«Известия», 3 августа 1981 г.

скромном вокзале, давал им кров и стол, отправлял в степные районы. На окраинах началась большая стройка — создавалась база для освоения — «Каршистройиндустрия», одновременно возводились бетонные заводы, комбинаты железобетонных изделий, автокомбинаты, сложное хозяйство большой ирригации, домостроительный комбинат.

Город рос, не обращая внимания на самого себя, он был занят степью. Новые кварталы современных домов появились как-то даже и неожиданно: вдруг обрисовалась, стала приобретать зримые очертания огромная площадь имени В. И. Ленина. А с приходом амударьинской воды над городом, над площадями, раскаленными солнцем, затрепетали струи фонтанов, дарующих прохладу молодым матерям с колясками и пенсионерам. В микрорайонах появились бассейны — к восторгу детей и беспокойству родителей. Город, по сути дела, рождался заново, как рождались заново Нижневартовск и Тольятти, Старый Оскол и Навои. Большинство горожан оказались людьми приезжими — из ближних ли кишлаков, из дальних ли краев. Как во всяком молодом городе, здесь не хватает бабушек и дедушек, здесь все молоды — и родители и дети.

Только через десять лет после начала освоения город, переведя дух, оглянулся на себя и стал охорашиваться, приводить себя в соответствие с той новой ролью, которая выпала ему. Здесь все новое, либо только что построенное, либо еще в лесах: и Дом печати, и гостиница, и Дом радио, и театр, и библиотека, и корпуса нового Ирригационного института, и ЦУМ, и торговые центры, и базар, и детская больница, и поликлиника, и магазины, и административные здания, и величественный Мемориал в честь погибших в Великой Отечественной войне.

Кто бы поверил человеку, который лет двадцать назад сказал бы, что в Карши из Москвы будет летать самолет? А сейчас летают и в Москву, и в Ленинград, и в Минеральные Воды, и в Симферополь могучие ТУ-154, строится новый аэровокзал.

Город сегодня поражает щегольской зеленью, многоцветием миллионов роз, что широкими рядами высажены вдоль всех главных городских улиц, фонтанами, удивительной иллюминацией, зажигаемой по выходным дням и в честь праздников.

Первый раз мы попали в Карши ночью. Ехали из Термеза на грузовике, быстро темнело, полная чернота окружала нас. Давно позади остались горы, спуски, подъемы, повороты, мы катили по ровной и прямой дороге, однообразие которой определялось степью. Город мы увидели издалека — сначала праздничную елку, украшенную огнями (потом мы поняли, что это телевышка), потом марево огней. Мы въехали в город, как в сказку, ворвались в пылающий мир из абсолютной темноты — это было непостижимо.

Как новогодние елки, сверкают на каршинских дорогах посты ГАИ. Излишество? Как сказать. Старожилы так объяснили нам эту особенность: «В наших краях, где дороги прямы и монотонны, необходимо дать водителю в темноте какой-то ориентир, взбодрить, пробудить его, чтобы не было беды. В степи ночью далеко видно — и телевышку и посты ГАИ; наша иллюминация ведет водителя от пункта к пункту».

В древних книгах Карши известен как город, в котором легендарный народный вождь Муканна поднял восстание против арабских поработителей, при помощи колдовства из колодца, расположенного в окрестностях этого города, извлек луну, от которой стало светло на расстоянии около четырех фарсангов.

Без колдовства и фокуса ярче луны освещается нынешний Карши электрической энергией. Свет этот издалека виден.

Здесь, должно быть, уместно будет сказать, что мы везде обходились без переводчика. Все, за редким исключением, знают русский язык. Молодые — хорошо, старые по-разному, но объясняются по-русски почти все. Русский язык здесь на деле стал языком межнационального общения. Строители-каршистроевцы, узбеки и грузины, украинцы и белорусы, русские и татары объясняются по-русски, пересыпая, правда, свою речь множеством колоритных узбекских слов.

Свобода совести в Советском Союзе является одним из исторических завоеваний народа. Всем гражданам гарантировано право беспрепятственно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, вести атеистическую пропаганду, разумеется, не допуская оскорбления личности и чувств верующих. В нашей стране имеются четыре духовных управления мусульман. В Ташкенте, Бухаре работают духовные учреждения, которые готовят служителей культа. Беспрепятственно действуют мечети. Религиозные организации имеют и печатные органы, такие, скажем, как журнал «Мусульмане Советского Востока», выходящий на разных языках. Несколько раз переиздавался коран.

Э. Юсупов, академик АН Узбекской ССР.
«Литературная газета», 27 января 1982 г.

В свою очередь, очень многие русские, украинцы, белорусы, армяне, давно живущие в Узбекистане, свободно говорят по-узбекски. Этому никто не умиляется, не удивляется. Это нормально. Наша страна уникальна. Западные советологи как сенсацию сообщают, что, оказывается, «Россия не является гомогенным национальным образованием, а состоит из более чем ста наций». Оставим привычное для них путание СССР и России. Оставим на их совести утверждения о русском «доминировании».

Мы всегда подчеркивали многонациональность нашего государства, Союз Советских Социалистических Республик является основой нашей государственности. Новая историческая общность — советский народ стала фактором сознания каждого человека, стала политической и культурной реальностью. Прежде русские читатели не знали и в большинстве своем не подозревали о величии здания восточной литературы. Да и как было узнать?

Русская культура и литература давно и пристально интересовалась Востоком. Пушкин посвятил немало великих строк восточным мотивам. Но русские литераторы не знали языков Востока; до поры жизнь этих народов была за семью печатями. Только в советские годы появились художественно полноценные, научно точные переводы со староузбекского, таджикского, туркменского языков. Через русские переводы, через признание в масштабах СССР по-новому осветилось и мировое значение литературного наследия.

Каршинская степь — не первая и не последняя великая стройка нашей страны, не первая и не последняя в Узбекистане. Она лишь очередной этап, вслед за Большим Ферганским каналом, вошедшим в легенду, за Голодной степью, за подвигом Ташкента, вставшего из руин, за подвигом маленького поселка газовиков в Кызылкумах — Газли, полностью разрушенного землетрясением, но не прекратившего подачу газа стране, за великолепным, ставшим ныне областным центром городом Навои.

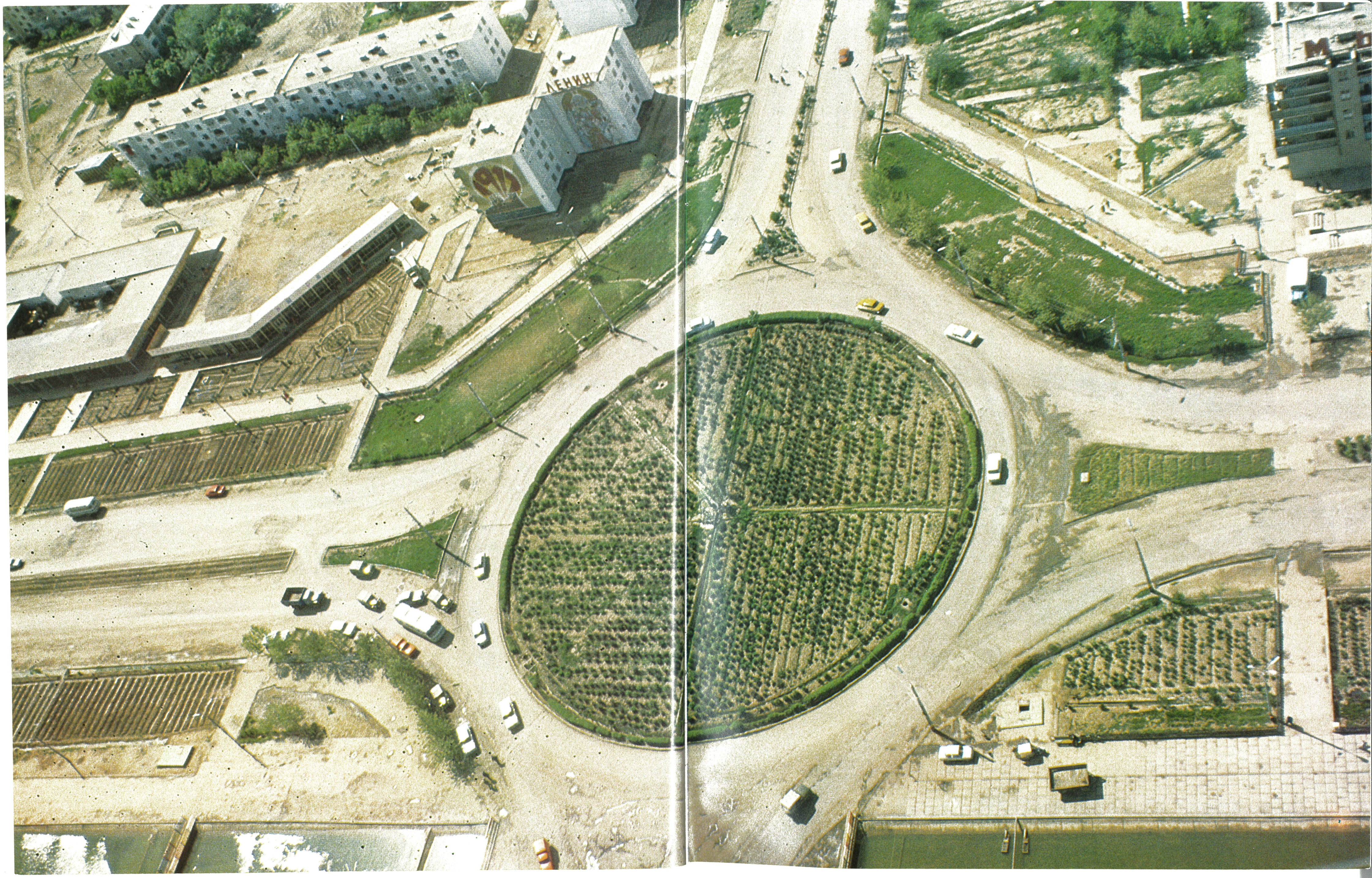
К тому же наш рассказ неполон, мы вели его не от начала каршинской эпопеи и далеко еще до ее конца. Несколько лет, когда мы были свидетелями и участниками событий, происходящих в Кашкадарье, дали нам ощущение динамизма, которым здесь пронизано все, оптимизма, который, как нам представляется, есть одно из важнейших качеств узбекского национального характера, и полноты бытия, которую ощущает всякий человек, попавший в эту полнокровную, бьющую ключом полноценную и кипучую жизнь освоителей Каршинской степи.

Журнал «Вестник воспитания», имея в виду, что в Средней Азии менее 3 процентов населения умеют читать и писать, утверждал в 1906 году, что для ликвидации неграмотности здесь понадобится... 4600 лет. Каким бы в действительности мог оказаться этот срок?
... Но грянул Октябрь... с неграмотностью населения в моей республике — всего населения в возрасте до 45 лет — было покончено за 20 лет.
... Сейчас в республике 35 тысяч научных работников, в том числе более 900 докторов и 14 тысяч кандидатов наук, десятки научно-исследовательских учреждений, 43 высших учебных заведения, которые ведут наряду с подготовкой кадров и заметные научные исследования.

А. Садыков, президент Академии наук Узбекской ССР, Герой Социалистического Труда.
«Известия», 8 января 1982 г.

Я город увидал среди песков,
Друзьями жизни населенный город,
Такой счастливый и зеленый город,
Что даже небо синее немеет,
Увидев свежесть зелени его!

Миртемир


ЛЕНИН

Пойма реки Кашкадарьи. На другом берегу — характерные силуэты тутовых деревьев, сады и виноградники.

Город Карши строится, растет, наступают на степь новые кварталы. В 1960 г. в городе было 45 тысяч человек населения, сейчас на сто тысяч больше.

В Кашкадарьинской области сегодня: более 100 детских садов и яслей, 710 школ, в которых учатся 326 700 ребят, в 15 музыкальных школах 2400 учащихся.

В области имеется 396 киноустановок, 330 из которых в селах. За год кинофильмы смотрят более 10 миллионов зрителей. Имеется 287 клубов и Домов культуры, 895 коллективов художественной самодеятельности, 530 массовых библиотек. Издается 17 газет.

Новые кварталы. Двадцать лет назад Карши был пыльным в основном одноэтажным городком, затерянным в степи. Только освоение Каршинской целины принесло городу второе рождение. Теперь это — многоэтажный, современный город.

В областной партийной организации 31 000 коммунистов и кандидатов в члены партии. Комсомольцы составляют 72,3 процента партийного пополнения. В области более 200 тысяч комсомольцев. В социалистическом соревновании участвуют все труженики, около 20 тысяч передовиков производства удостоены звания ударников коммунистического труда. Около двух тысяч бригад, 250 цехов и участков удостоены звания коллективов коммунистического труда.

Вы можете прийти в пловную, съесть косу аппетитного ароматного плова. А можете прийти с друзьями со своим рисом, мясом, специями, луком и устроить соревнование, чей плов окажется лучше?!

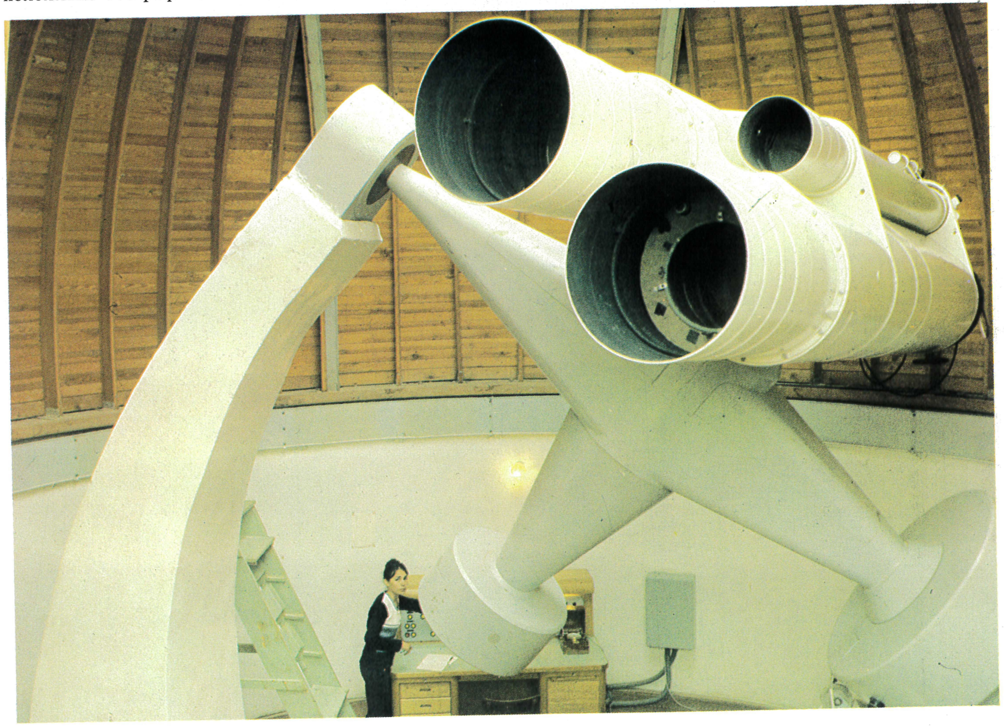
Вы, должно быть, обратили уже внимание на изобилие детских колясок. Наверное, это самый массовый транспорт в Кашкадарье!

Незаметно, исподволь накапливаются приметы нового быта. Когда-то этот дедушка (бобо) был мальчиком (бола). Когда бобо был еще бола, велосипед называли «шайтан-машина».

Любят книгу в Кашкадарье, как везде в нашей стране. Любят своих узбекских писателей, любят своих земляков, поэтов Абдуллу Арипова, Нормурада Нарзуллаева, писателя Джуманияза Джаббарова, любят всякую хорошую книгу. Книжный базар в Карши.

Каршинский педагогический институт носит имя Хамида Алимджана. Кто знает, может быть, в этой аудитории сидит будущий поэт? Ученый? Мыслитель? Великий педагог? Какие-нибудь семьдесят лет назад любого грамотного человека называли здесь в знак глубокого уважения «домулла», что значит учитель. По темпам роста числа людей с высшим образованием Кашкадарьинская область находится на одном из первых мест в стране.

На окраине города Китаба, в старом уютном саду белеют, как горы хлопка, купола. Здесь находится Китабская международная широтная станция имени Улугбека Академии наук Узбекистана. Она входит в мировую сеть широтных станций, которых на нашей планете всего пять: Мидзусава (Япония), Китаб (СССР), Карло Форте (Италия), Гейтерсберг и Юкайа (США). Все они расположены на одной параллели — 39°08′ и входят в международную службу движения полюса. Все они ведут наблюдения по единой программе. Совместная математическая обработка всех наблюдений позволяет определить положение географического полюса Земли. Точное знание координат



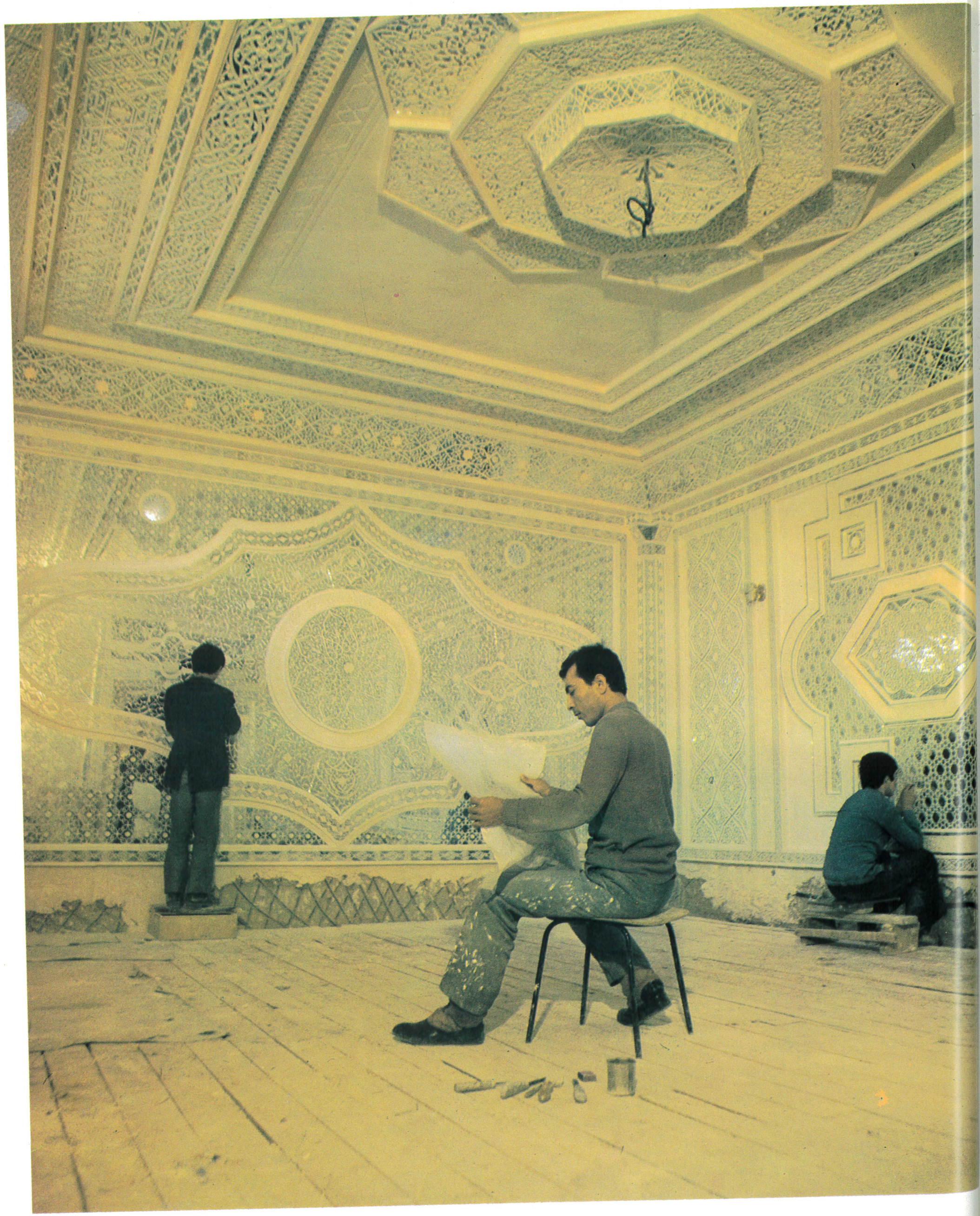
полюса оказалось необходимым в геодезии, астрономии, космонавтике, картографии и топографии — ведь изменение координат полюса вызывает непрерывное изменение координат поверхности Земли.

Станция разместилась в «одном переходе» от Самарканда, родного города Улугбека, от знаменитой на весь мир его обсерватории, в древнем городе, где великий астроном многократно бывал.

Что может быть на этой земле символичнее, чем девушка-астроном? Ее бабушка сбросила паранджу для того, чтобы внучка могла смотреть в небо.

Фотография звездного неба в районе созвездия Персея, сделанная сотрудниками обсерватории.

В Кашкадарьинской области 2477 врачей и 8000 медработников, 155 поликлиник, в том числе 83 на селе, 99 больниц на 12 300 коек, 108 аптек.



Всякий, кто приезжает в Бухару, стремится побывать в бывшей летней резиденции бухарского эмира — дворце Ситораи-Мохи-Хоса. На весь свет славится его Белый зал, украшенный резьбой по ганчу знаменитым Мастером — Усто Ширин Мурадовым. Изящная, прихотливая вязь, непостижимый переход линии в линию, орнамента в орнамент, отраженные в зеркале. Кажется, нет предела фантазии художника и необыкновенной легкости, с которой режет он свои воздушные импровизации на зеркальной плоскости стены.

Нам повезло. Мы видели своими глазами, как создается произведение искусства резьбы по ганчу, причем мы имели возможность наблюдать работу художников-ганчистов во времени с самого начала до самого конца. Так случилось, что пока мы работали над книгой и каждые два-три месяца бывали в Карши, группа молодых художников приступила к уникальной работе — им предстояло покрыть сплошной резьбой по ганчу стены двух больших залов для торжественных церемоний. Бригаду совсем юных ганчистов возглавляли два друга, два молодых художника — Зияутдин Юсупов и Умарджан Тахиров, по эскизам которых и предстояло выполнить всю работу, требующую невероятного трудолюбия, терпения и мастерства. Каждый взял по залу. Зияутдин и Умарджан одногодки, оба родились в 1950 году. Жили по соседству, вместе учились в школе, а во Дворце пионеров занимались в кружке резьбы по ганчу. Руководил кружком усто Махмуд Усманов, известный в республике художник, много хороших работ на его счету. Вместе окончили школу, а дальше пути было разошлись: Умарджан поступил на дневное отделение Политехнического института на архитектурный факультет, а Зияутдин — на вечернее отделение. К тому времени усто Махмуд собирал бригаду, и Зияутдин пошел работать к нему.

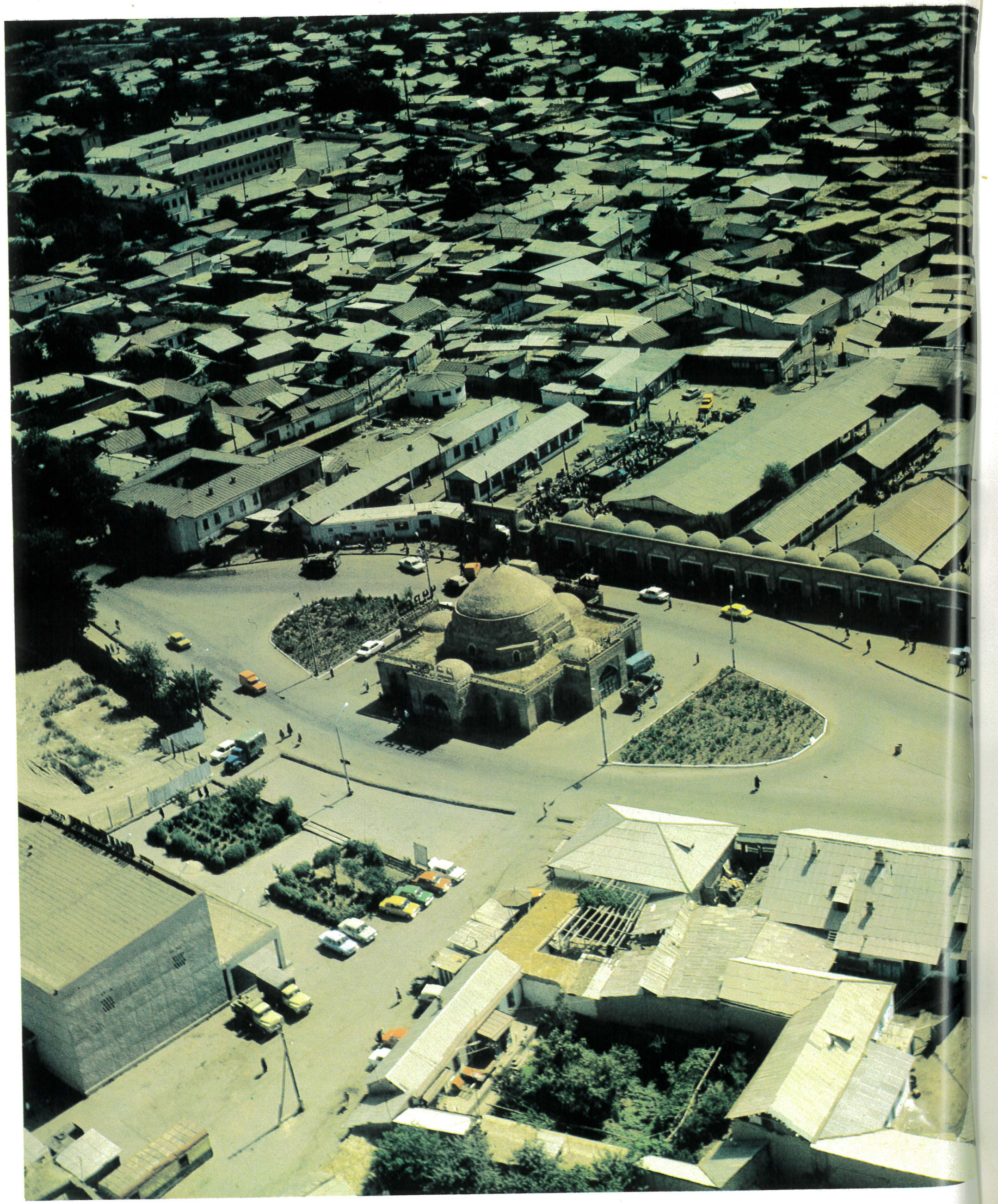
С 1974 года друзья работают вместе — вместе ищут, проверяют замыслы, вместе создают. Вместе их в Союз художников принимали.

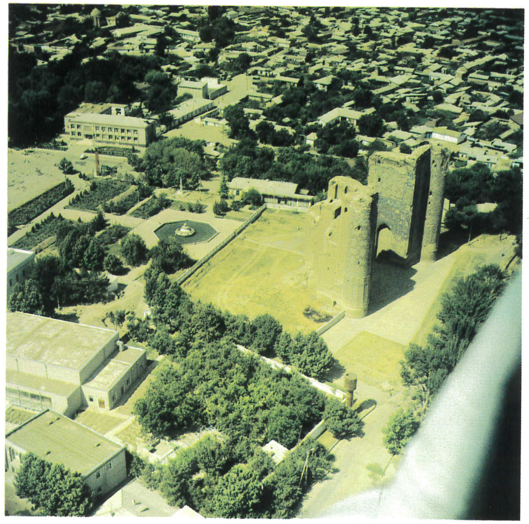
Умарджан: «Что такое ганч? Ганч — это тот же гипс или алебастр, только очень качественный, тончайшего помола. Наносится слой на стену, на него рисунок, а дальше все просто — бери скальпель и начинай вырезать. Работа эта не терпит торопливости, резкости, требует твердой руки и спокойного дыхания, линия должна идти плавная, сама должна руку вести — иначе сорвешь, гармонии не будет. Хорошие резчики по ганчу были и раньше — спору нет, но теперь требования другие, теперь труднее работать, усложнились задачи. Раньше резьба, как правило, в одной плоскости была — мы объемной резьбы добиваемся. По потолку зеркальных работ (т.е. ганч по зеркалу) почти не было, мы практически новую традицию открываем».

В бригаде усто Юсупова и усто Тахирова (оба они заслуженно получили право на этот почетный титул) работают совсем молодые ребята, некоторые только школу кончают, а уже режут. Иные приходили — инструмента в руках не держали — научились. Особая атмосфера в молодежной артели. Вместе работают, подменяют друг друга, когда устают, затекают руки и немеют пальцы. Подбодрят, пошутят. Здесь же рядом дежурный готовит в вагончике плов (умение варить плов так же необходимо, как умение держать инструмент).

Мы приехали в последний раз, пришли в знакомый зал и ахнули — тончайшей белоснежной резьбой были покрыты все стены, притолоки, карнизы, потолок. Вязь орнамента — то энергичная, закрученная, то нежная, затихшая, казалось, в неразрешимом лабиринте, раскручивалась по сложному и гармоничному закону, исчезала и преображалась на другой стене, в другом мотиве. Ажурная, невесомая сеть была наброшена на зеркальные стены и потолок, и в этом многозеркалье, в его бесчисленных отражениях и превращениях, белые линии будто звучали, сбегались и разбегались в неслышимую, но явственную музыку.

Безупречный вкус, твердые руки, с детства привыкшие к инструментам, прямой характер и терпение, внутренний слух, настроенный на тонкую волну народной традиции, и художественная смелость, позволяющая вносить свое в устоявшиеся веками каноны — вот что нужно для резьбы по ганчу. А еще нужен коллектив, где все готовы заменить друг друга и понимают — с полувзгляда.

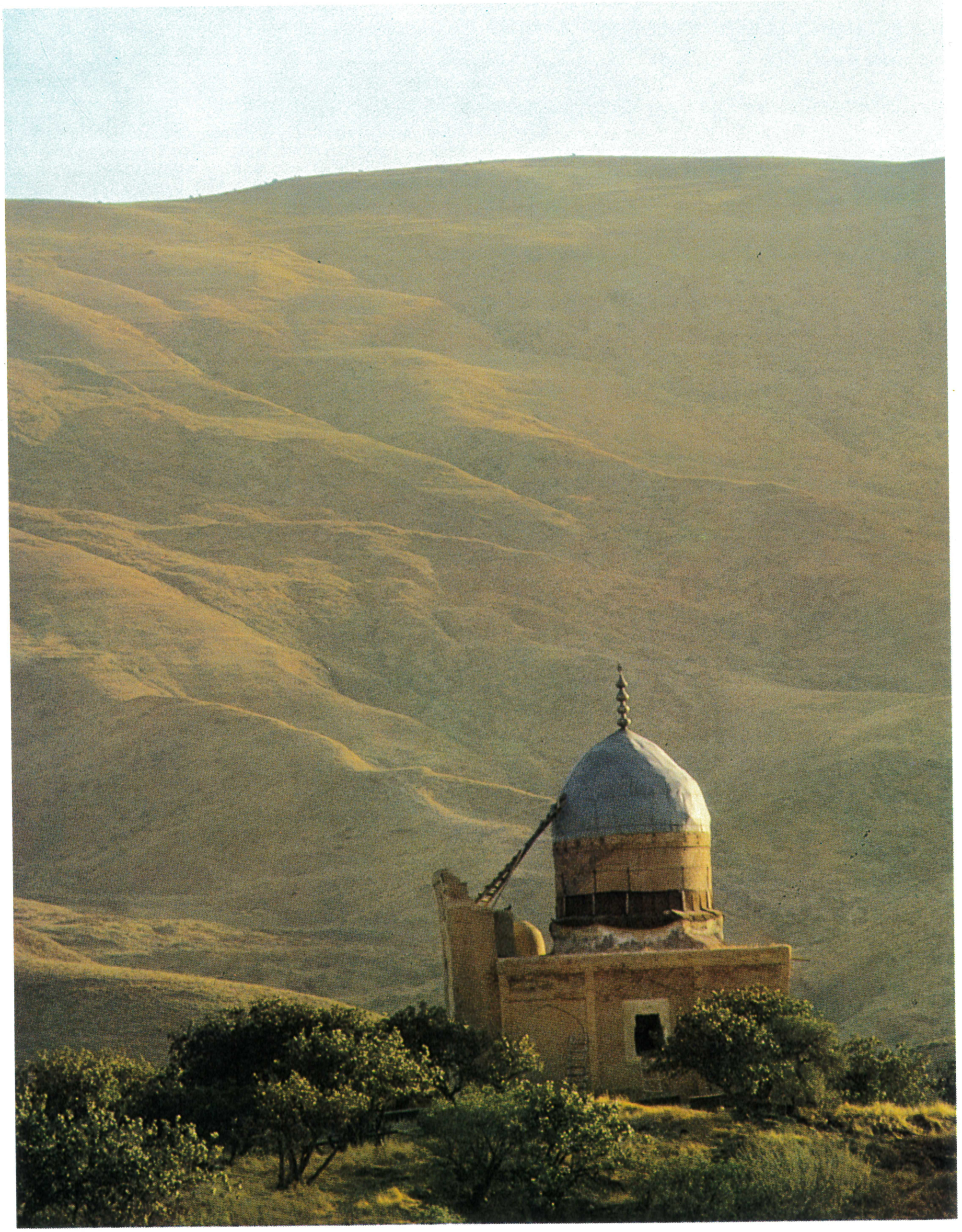


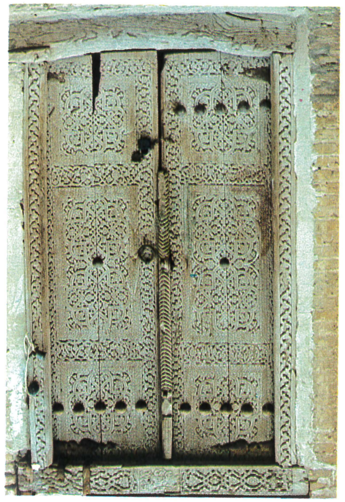


В центре кадра, на базарной площади Шахрисабза, древний крытый рынок, построенный в XVI веке,— Чорсу. В нем и сейчас идет торговля.

От дворца Ак-сарая, когда-то восхищавшего своим величием современников и поражавшего потомков, остались только два пилона входного портала, высящиеся над городом.

«Кеш — из городов Мавераннахра. Благодаря обилию зелени и ослепляющих глаз цветов ныне известен под названием Шахрисабза. Считают его одним из красивейших мест мира, с весьма хорошим и привлекательным климатом. Поля и просторы его очень красивы и желанны... Весной блеск и обилие зелени на его склонах доходят до такой степени, будто постелили здесь небесный ковер. Так анемон и прочие цветы растут на крышах домов и на стенах»,— писал Махмуд ибн Вали, автор знаменитого географического описания «Море тайн» (XVII век).
Теперь это второй город после Карши, центр большого промышленного и сельскохозяйственного района, дающего больше всех в области хлопка и шелка. По фруктам и винограду с ним может сравниться только вечный сосед-конкурент Китаб. Многосторонности этого малого города позавидуют иные большие города. Шахрисабзцы гордятся своими винами и молочными продуктами, консервами и шелками, коврами и тюбетейками, которые выпускает знаменитая фабрика «Худжум». Есть здесь техникумы и профтехучилища, музыкальная школа и аэропорт. Когда-то Шахрисабз был в силу своей патриархальности твердыней отживших традиций. Но и здесь же в начале двадцатых годов XX века вспыхнуло движение женщин за свое освобождение: они сжигали на площади перед Ак-сараем паранджи, объединялись для свободного труда. Памятью о тех днях стоят сейчас недалеко от руин Доруссиадата современные корпуса художественно-ковровой фабрики «Худжум», ведущей свою историю от тех первых женских артелей-коммун.
Бережно хранит город свое особенное, неповторимое. Сносят ветхое, чтобы раскрыть, дать зазвучать древней архитектуре — монументальности комплекса Ак-сарай. Реставрируются знаменитые, внесенные во все архитектурные энциклопедии мира соборы и мечети, по улицам толпами ходят, удивляя детей и удивляясь сами, зарубежные гости (в городе открылась прекрасная гостиница «Интурист»), подумывают здесь о своем музее и о своем театре.
Сотни удивительных памятников древней культуры разбросаны по просторам Кашкадарьинской области, запрятаны высоко в горах, в глубоких ущельях, в укромных степных оазисах или за высокими глиняными заборами старых городских кварталов. Порой нужно большое желание, наблюдательность и опыт, чтобы разглядеть эти осколки древней культуры, свидетельства таланта и вкуса народа, создавшего свои «поэмы» в камне, в дереве или в простой глине.





В старых шахрисабзских домах еще можно встретить резные двери из тутового дерева.

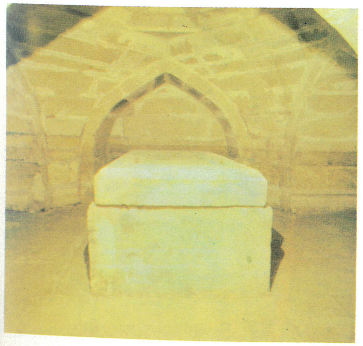
Мавзолей Лянгар-ата в горном кишлаке Катта-Лянгар. Искусствоведы относят его к XVI веку. Снаружи — изъеденный временем кирпич, внутри — роскошные сталактитовые своды, необыкновенной красоты двухслойная резьба по цветному ганчу.

Некрополь в Касби. Древнее мраморное надгробие с арабской надписью.

Комплекс Султан Мир-Хайдар в Касби, Каршинская степь. Айван летней мечети (айван — крытый навес).

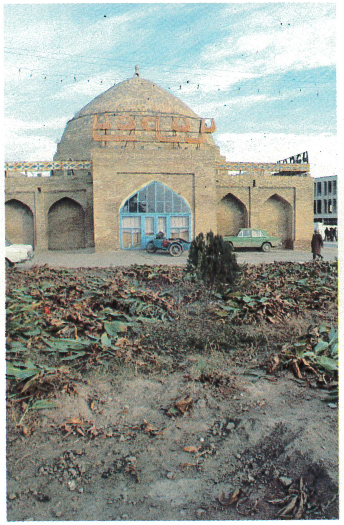
Доруссиадат в Шахрисабзе.
Айван мечети Хазрет Имам.

Мавзолей Джехангира.

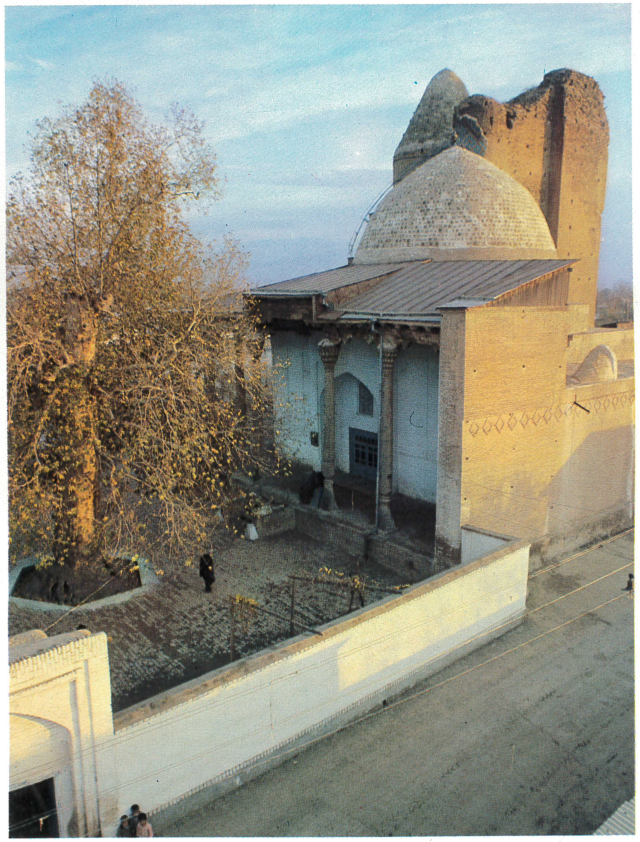


Склеп Тимура.

Доруссиадат. Вход в мавзолей Джехангира.



Торговый купол Чорсу стоял на перекрестке четырех шахрисабзских дорог, ведущих с севера на юг и с востока на запад, построен, как полагают, в конце XVI века. Через четыре проезда (дарваза) входили, въезжали люди. А в нишах, снаружи по фасадам, и внутри купола шла бойкая торговля.



Древней чинаре во дворе мечети Хазрет Имам не меньше пятисот лет. Летом прохладно под ее раскидистой кроной.

Реставрируется в Шахрисабзе мечеть Кок-Гумбаз, построенная еще Улугбеком.

Шахрисабз еще ждет своих исследователей. Многое прояснится, когда начнется планомерное изучение археологии и истории города. Конечно же, Шахрисабзу, городу мирового культурного значения, необходим свой музей, в котором постепенно собирались бы уникальные коллекции шахрисабзской старины. Она уходит, исчезает.

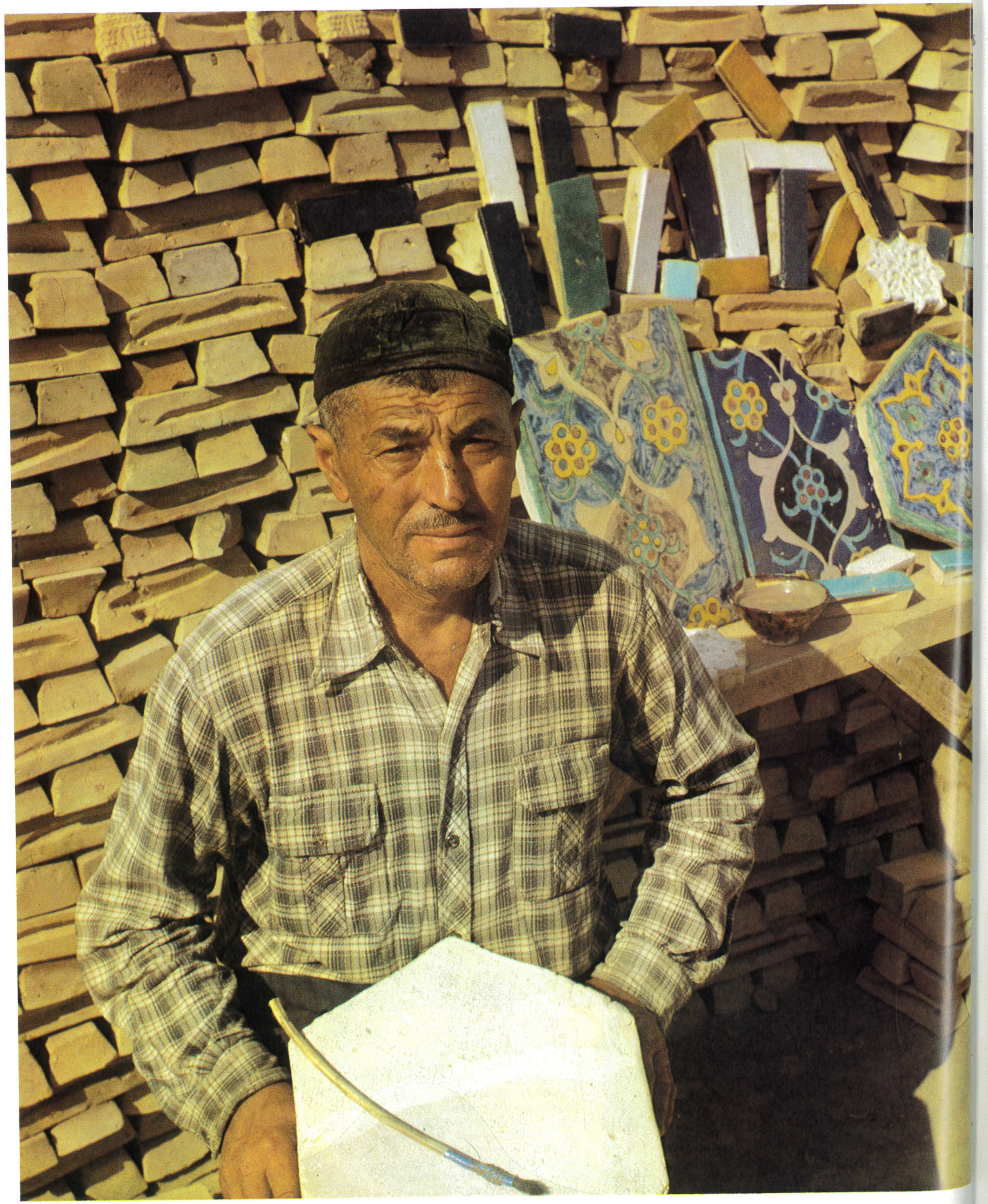
Доруссиадат (переводится как «вместилище власти») — построенная Тимуром грандиозная усыпальница, предназначавшаяся для него самого и его близких.

Судьба распорядилась по-иному: в 1376 году внезапно умер любимый сын и наследник Тимура — Джехангир. Для него был срочно построен мавзолей в Шахрисабзе, который стал частью комплекса Доруссиадата.

Мало что осталось от блеска былого могущества. Уже в XVI веке от всего комплекса остался только мавзолей Джехангира, про которого, впрочем, все давно забыли. Надгробию поклонялись как святыне ислама. Усыпальница называлась Хазрет Имам.

Только в советское время нашли, расчистили и объяснили происхождение древних памятников.

В прежние времена реставрация памятников, как наука, не была известна на Востоке. Сменялись правители, и дворцы, которыми гордились предшественники, в лучшем случае забрасывали, разбирали на кирпич, в худшем — уничтожали. Сейчас дворцы и храмы в лесах — типичнейшая примета Узбекистана.



Огромен размах реставрационных работ в Узбекистане: в Самарканде восстанавливают гигантскую мечеть Биби-Ханым, в Бухаре — сразу десятки дворцов и храмов, в строительных лесах памятники Карши и Шахрисабза.

Реставрация сегодня — целая отрасль, вобравшая в себя достижения многих наук. В основе ее стоический, занявший многие десятилетия и продолжающийся поныне труд историков, археологов, архитекторов, искусствоведов, обмеривших, изучивших, начертивших, сфотографировавших, зарисовавших памятники, фрагменты, орнаменты, детали в те времена, когда не было возможности ни восстановить, ни сохранить их.

Строительные леса вокруг древних памятников, сияние возрожденных куполов — лишь небольшая, видимая часть гигантской работы по изучению, сохранению и восстановлению культурного наследия.

В последние годы набирает силу общественное движение за охрану и сохранение памятников, местные Советы выделяют на эти цели средства, материалы, людей. Немало делают и добровольцы, которые дежурят на охране памятников, сопровождают экскурсии, следят, чтобы туристы не «разнесли по кусочкам» древние храмы. Они участвуют во вспомогательных работах, сносе малоценных зданий, что позволяет выделить памятники, ведут поиск и регистрацию новых, не внесенных в «Свод памятников». Наконец, что немаловажно, помогают реставраторам-профессионалам, выступают в роли подмастерьев, такелажников — ведь при восстановлении большого комплекса работа есть для всех.

Такое движение все шире разворачивается в Шахрисабзе. Приходят школьники, молодежь. Они помогают реставраторам, археологам, и сами в процессе общения узнают столько нового о родном городе, что по-другому начинают смотреть на казавшиеся еще вчера уродливыми руины. Постепенно создается «поле культуры», атмосфера, в которой невозможно осквернить памятник, нацарапать на стене свое имя, отковырнуть камешек или разбить окно.

Узбекистан в целом и Кашкадарью в частности не зря называют музеем под открытым небом — так много первоклассных памятников культуры разных эпох сохранилось здесь. И будет сохранено для поколений, следующих за нами.

Полным ходом идет реставрация соборной мечети Кок-Гумбаз, построенной еще Улугбеком. Уже восстановлен голубой купол, давший название мечети, издалека видный на фоне гор. Знание, неимоверное терпение и талант мастеров из «Узбекреставрации» сделали это.

Кажется, они умеют все: владеть экскаватором и бульдозером, класть бетон и варить металл, но кроме этих, всем привычных знаний они умеют возводить купола, резать деревянные колонны и двери, облицовывать стены мозаикой и майоликой, выкладывая при этом сложнейший древний орнамент.

Успех дела зависит от того, сумеют ли нынешние мастера разгадать секреты предков? Могут ли изготовить кашин (глазурованные изразцы для мозаики) с такой же глубокой синевой, как древние, могут ли создать мозаичные панно, которые сияли бы не тусклее века?

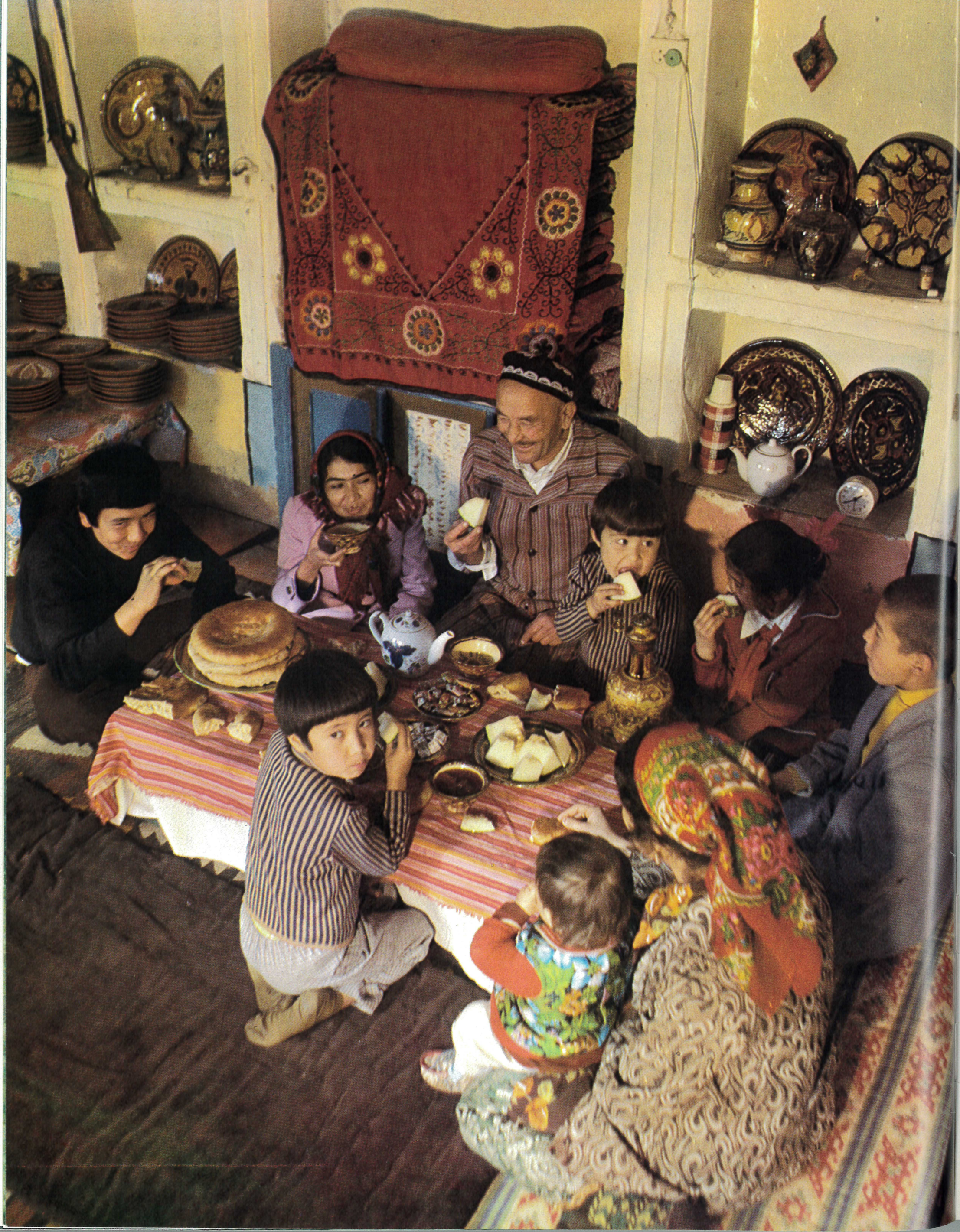
Все это — в руках мастера керамического цеха усто Абдуллы Файзиева, коренного шахрисабзца и потомственного керамиста. Месяцами сидит он над старыми книгами, бродит по окрестностям, подбирая природные красители, минералы и глины, колдуя, компонуя, растирая, добавляя сурик и мышьяк, кобальт и киноварь, перетирает, смешивает, обжигает, выставляет на солнце и, сравнивая с яркостью древних красок, качает головой — нет, не то!

И все-таки находит — чтобы убедиться в этом, достаточно поглядеть на сверкающий на солнце купол мавзолея Шамседдина Куляля. Успехов вам, Мастера!

Секрет изготовленья краски
Давно утерян и забыт...
Усердья химиков напрасны
Над колдовскою синью плит.

В погожий день она печальна,
В ненастный — краска весела.
Она, как будто берег дальний,
Легко и плавно пролегла...

Р. Фархади



Курганами, как оспинами, испещрено лицо Каршинской степи; в них — следы древних городов, прежних цивилизаций. Подойдешь поближе, поднимешься на оглаженный ветрами и дождями склон и увидишь черепки — будто дождь прошел из черепков. С незапамятных времен лежат они здесь, иные — тысячи лет: обломки тарелок, из которых ели бактрийцы, ручки кувшинов, с которыми ходили за водой женщины Мавераннахра.

Приручив глину, человек сделал одно из величайших своих открытий, сравнимое разве что с открытием огня. Из глины — керамика, кирпичи и черепица, фарфор и фаянс, майолика и мозаика, скульптура и посуда. Целый мир, новая среда, созданная человеческими руками из податливого природного материала.

В Средней Азии глины было в достатке,— может быть, поэтому так расцвело здесь гончарное искусство, такими могучими стали махалли (кварталы) гончаров, их цехи, их братство. Кишлаки и города славились мастерами, гордились ими; гончарные ряды на любом базаре — одни из самых посещаемых, бойко идет здесь торговля.

Наивные, смешные лошади Хаимро Рахимовой, бурное многоцветие ваз китабца Уста Абдуллаева, строгая монохромность и чеканность форм древнейших касбийских кувшинов; голубизна блюд и кос из Касана; все оттенки коричневого в керамике Шахрисабза,— в каждой местности свой цвет, свой колорит, определяемый местными красителями, составом глин, режимом термической обработки.

Совсем рядом с мавзолеем Шамседдина Куляля в старом Шахрисабзе есть улица гончаров — Куляльлык (куляль по-узбекски «гончар»). На этой улице живет известный всему Узбекистану художник, гончар усто Ахат Музафаров. Испокон веков селились гончары на этой улице.

Ахата учил ремеслу Рустам-бобо—дед, очень знаменитый гончар. Он прожил 80 лет и передал маленькому внуку все тайны мастерства, которым его научил прадед Ахата усто Назар-бобо. Отец тоже был гончаром, но он умер, когда мальчику было 10 лет. С детства начал Ахат многотрудную жизнь гончара. Сейчас он — член Союза художников СССР. Его работы украшают музеи, их репродуцируют в альбомах, посвященных искусству Узбекистана, к нему приезжают гости со всей страны. Древний дом прадеда взят под охрану государства, как редчайший сохранившийся образец гражданской архитектуры начала прошлого века.

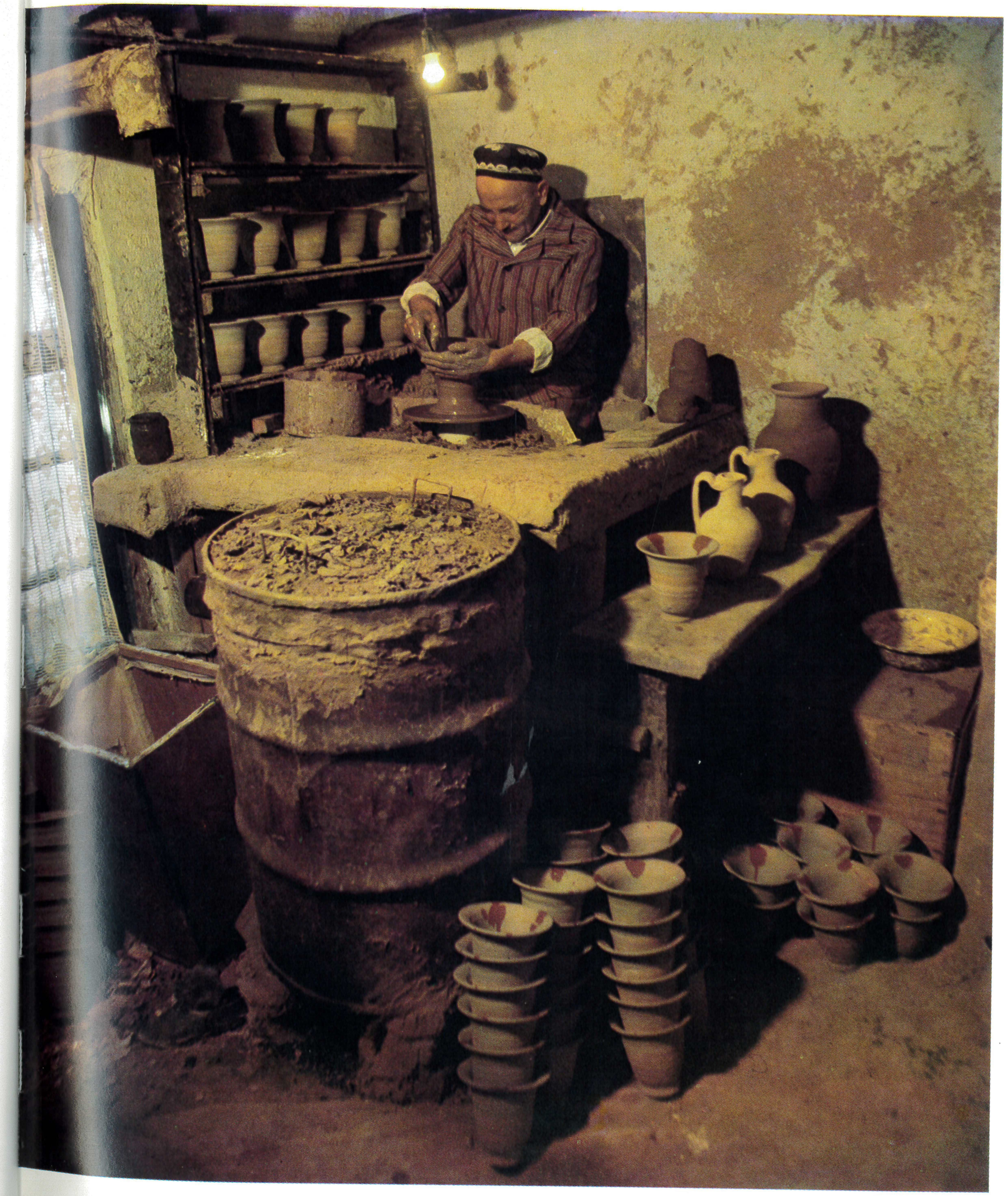
Сколько тонн глины прошло через его руки! Скольким пиалам придал он изящную форму! В скольких домах хранятся, как драгоценность, его блюда, косы и кувшины!

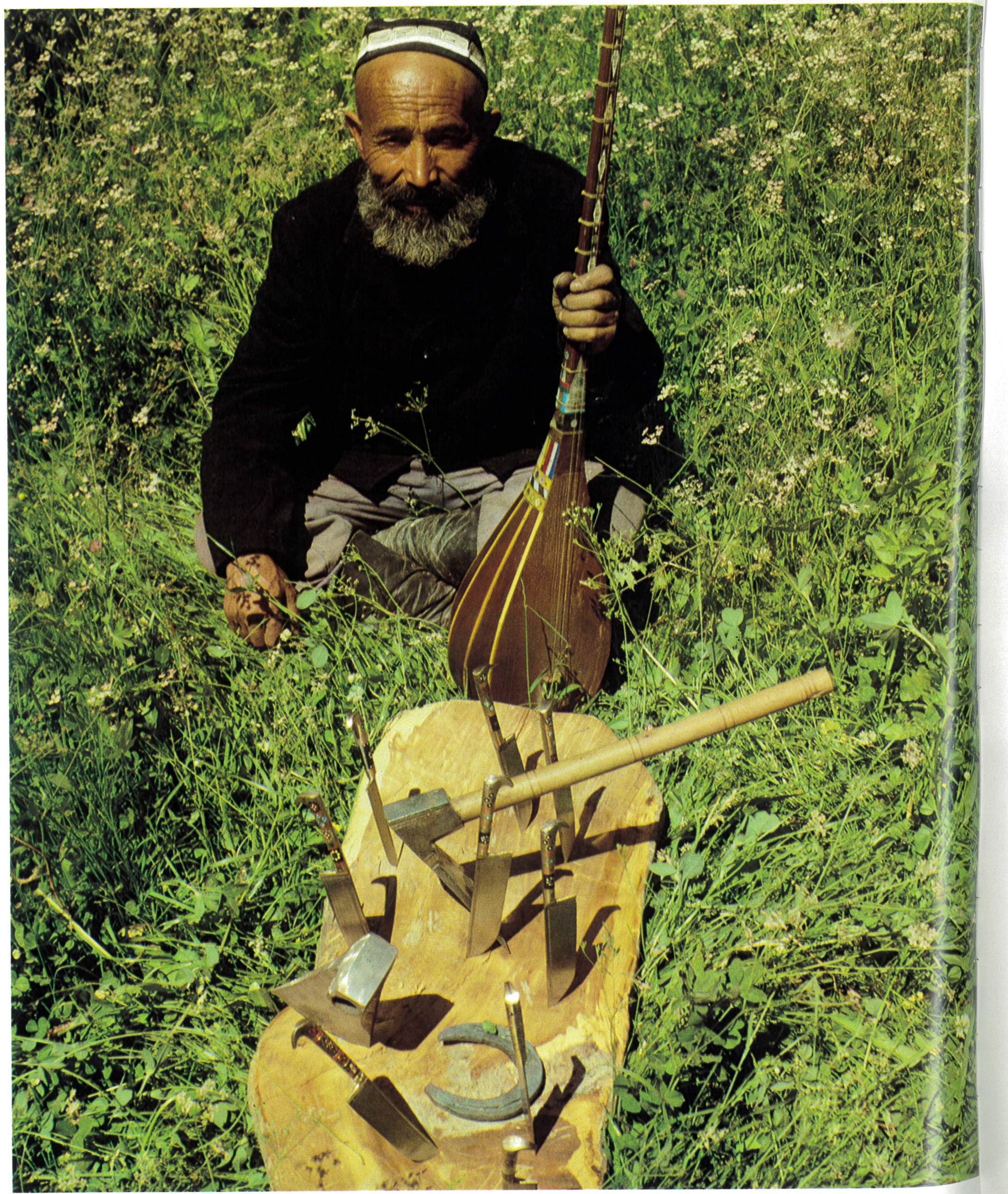
Любит делать он заказные выставочные работы, готовится к ним, как к празднику. Но не меньше любит Ахат делать то, что делает каждый куляль с незапамятных времен — тандыры, большие и маленькие. Он строит их, как дети строят дома из песка, эти маленькие печи, без которых нет ни лепешек, ни самсы,— нет Шахрисабза. Свое мастерство усто Ахату есть кому передать. Семья у него большая и дружная.

Взял он кистью тростниковой у тюльпана черноту—
Подсурьмить глаза живые чаши светлой, как вода.
Если мастер несравненный начинает рисовать,
Пальцы прочих живописцев каменеют от стыда.

Славен мастер хитроумный! Мудрой, любящей руке
Глина серая годится для цветка и для плода.

Саидо Насафи



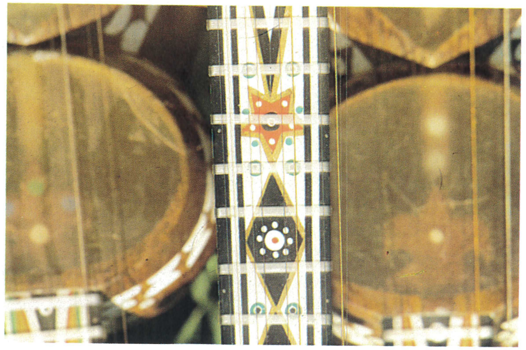


Километрах в 50 от Шахрисабза, высоко в горах, под самыми ледниками раскинулся кишлак Гелан.

О девушках Гелана гласит предание, что они ведут происхождение от небесных ангелов, и тот, кто видел их, не усомнится в правдивости этих слов.

Воды здесь прозрачны и чисты, они текут в арыках, низвергаются водопадами, струятся в долбленых желобах по всему селению.

Старики здесь по-старинному степенны, девушки смешливы, мальчишки любопытны, мужчины мужественны, трудолюбивы и талантливы. О любви к земле здешних людей вам расскажут легенды. Вам покажут сад Писто-мазар в глубоком ущелье Туркулюк-сай, посаженный стариком Мулло Юсуфом. Долгие годы, запруживая ручьи, собирал он тонкий слой лёсса, ила, в корзинах возил в ущелье — готовил почву. Басмачи хотели сделать кишлак своей базой, а мужчин забрать в банду. Кишлак отвернулся от них. «Мы мирные люди и никогда не унизимся до того, чтобы убивать братьев». Тогда басмачи сожгли Гелан. Нынешний председатель колхоза Шоназар Хакназаров помнит, как убили его отца.



Ах, оставь свои струны, довольно,
не пронзай мою грудь, музыкант.
Если было и вправду так плохо,
как твердит этой музыки плач,
значит, мир нам — не люлька, а плаха,
и природа — не мать, а палач!..
Как рыдает напев!
Как стремится прозвучать
чей-то горестный век!
... Если музыка так им томится,
как же прожил его человек!

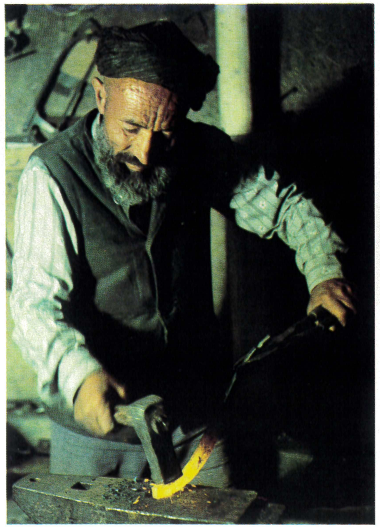
Абдулла Арипов

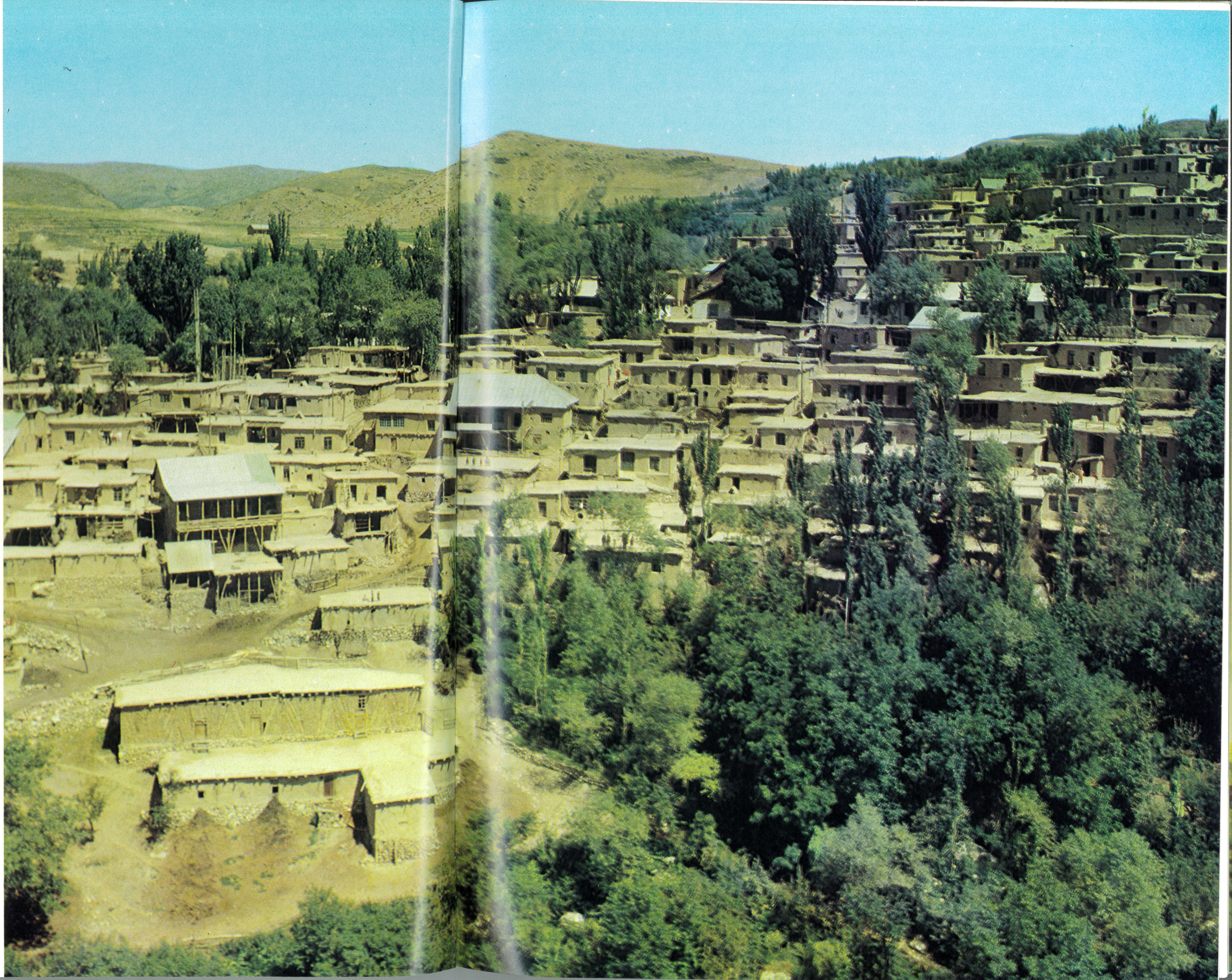
С древних времен славился Гелан своими мастерами. Это был кишлак кузнецов, оружейников — геланские ножи и сабли высоко ценились на востоке,— резчиков по дереву и музыкальных мастеров.

Мастерство это не умерло и поныне, оно впиталось в плоть и кровь, передается детям, хотя давно уже исчезла «экономическая необходимость» и цеховая организация жизни, когда сын мог получить только профессию отца.

Прекрасны музыкальные инструменты, которые делают, соревнуясь, учителя геланской школы Наби Чоршанбиев — преподаватель физкультуры и Зурибой Мутаиллаев — филолог...

А кузнец усто Абду-али Расулов весь Гелан снабжает кетменями и подковами, скобами и задвижками, топорами и знаменитыми геланскими ножами с инкрустацией. Кто он? Кузнец? Да, каждый день в маленькой кузнице он раздувает меха, как делали его предки. Ему помогают внуки. Он вынимает из огня малиновую сталь и легонькими постукиваниями начинает ее превращения. Кузнец? Конечно. И он гордится званием кузнеца. А как же тогда его дутары? Они сияют инкрустацией, руки музыканта так и тянутся к ним. Он берет свой инструмент, перебирает струны, и рождается мелодия — протяжная, томительная, веселая, тревожащая и прекрасная...





Никакой восточный базар не обойдется без ковров, сюзане и тюбетеек — ярких, нарядных, сияющих. Каждая невеста мечтает подарить своему суженому тюбетейку собственной работы, чтобы та ему понравилась, как никакая другая. «Хочешь найти хорошую невесту — ступай в тюбетеечный ряд»,— шутят в Шахрисабзе.

В каждой местности свои тюбетейки. Свои они и в Кашкадарье. Мужчины носят одни, юноши — другие, девушки — третьи. А ведь есть еще тюбетейки свадебные, праздничные, подарочные.

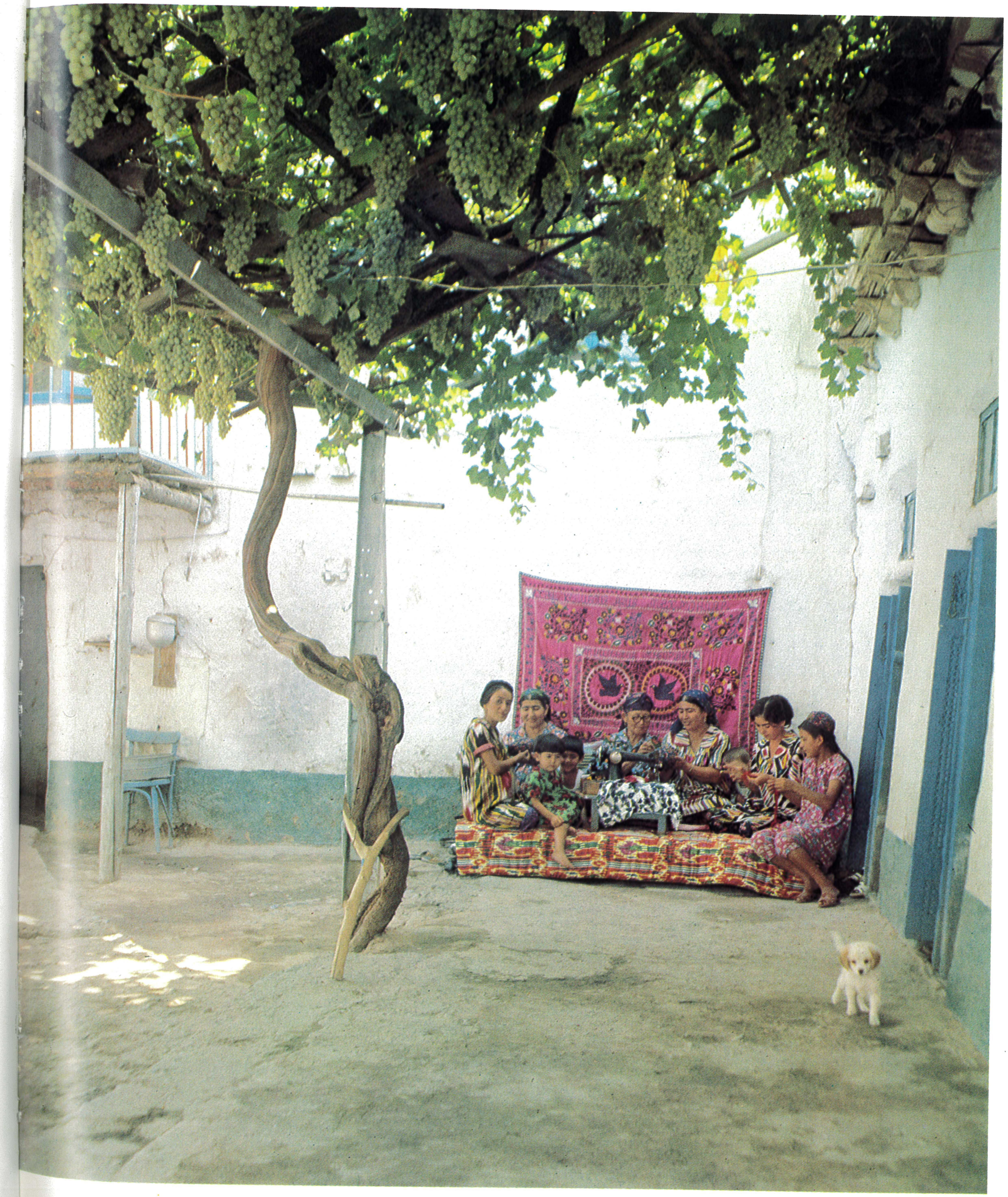
В 1927 году по всей Средней Азии партия бросила клич — «Худжум» (наступление). Началась не знавшая прецедентов кампания по освобождению женщин. Тысячи женщин сбрасывали паранджу — ненавистные покрывала пылали на кострах в центре Шахрисабза под злое ворчание стариков, отказывались от «священного» затворничества, выходили на улицы, вступали в комсомол, организовывались в артели. Весной 1928 года сорок женщин объединились в артель «Худжум». Они занялись тем, что умели делать — шили, вышивали тюбетейки, жилеты, сюзане. Каждая принесла свои нитки, свои иголки, свое шитье. Комсомол подарил им швейную машинку «Зингер». Ласками и угрозами, истязаниями и посулами женщин не пускали в «Худжум». Мастериц называли «неверными». Их троекратно проклинали мужья, а это значило позор развода. Соглядатаи приходили посмотреть, чем они занимаются. А они были заняты своим обычным делом — работали. Немногие грамотные по очереди читали вслух, учили других. Через какое-то время делом чести стало попасть в «Худжум».

В 1936 году директором артели стала девятнадцатилетняя Муханисо Курбанова и проработала в этой должности тридцать семь лет. При ней кустарная артель стала крупным современным предприятием. Сотни девушек выдала она замуж. А скольких отправила учиться? Не сосчитать. Мастерицы «Худжума» и сейчас не порвали со старой традицией — многодетные матери, женщины, имеющие маленьких детей, работают дома. Но они — равноправные члены коллектива, их не забывают, навещают, они получают зарплату, выполняют план.

Начинали с тюбетеек, а сегодня «Худжум» славится на всю страну своими коврами — паласами ручной работы, впитавшими в себя, кажется, все краски узбекской земли — и яркость солнечного неба, и прозрачность ручья, и алый цвет весенней степи, и многоцветие горных лугов.

Раскрывается для взора
тюбетейки яркий круг.
В сложной прелести узора —
труд и прелесть нежных рук.
Словно луг
воскрес волшебный —
позабытых весен цвет,
словно кто-нибудь вошедший
внес и пролил пестрый свет...

Эркин Самандаров



Каршинская степь, Гиссарские горы — предвестники Памира. Сколько смешалось, наслоилось здесь языков, обычаев, вер, культур — на стыке племен, народов, государств, сменявших друг друга царств. Следы эллинов, греко-бактрийского царства, скифов и сарматов, Согда, Кушанского царства и Парфии, державы Ахеменидов, индийцев, монголов и арабов, таджикских, узбекских, туркменских племен сохранились не только в раскопках, на городищах. Нет-нет да и проскользнут они в языке, в старинном обряде, в одежде, в народном искусстве: в форме кувшина, в глиняной игрушке, в женском украшении, в мотиве ковра...

Корни ковроделия уходят в такую же тьму тысячелетий, как и начало гончарного дела. Мужчины пасли и охраняли отары, женщины ткали ковры. Ткацкие станки изображены еще на стенах древнеегипетских усыпальниц, остатки ковров находили в раскопках городов Ассирии и Персии, Вавилона и Греции. Искусство ковроделия знали скифы и сарматы. В знаменитом Пазынлыкском кургане на горном Алтае найдены хорошо сохранившиеся ковры, которым по меньшей мере две с половиной тысячи лет.

Ковры защищали от сырости и зноя, они сопровождали в дальних переходах, ими покрывали коней и верблюдов, шили дорожные сумы и мешки-худжумы. Когда в VII веке пришли арабы-завоеватели и после ожесточенного сопротивления насадили ислам, они использовали укоренившуюся в народе культуру ковра: коврами стали украшать полы, стены мечетей, медресе. В чистый орнамент вплели изречения из корана — ковер начал нести функции «наглядной агитации».

Народная традиция, впрочем, сопротивлялась этому. В каждом кишлаке, в каждом роду женщины из поколения в поколение ткали свои ковры, используя геометрические родовые знаки — «гёли».

В социальном смысле широкое развитие среднеазиатского ковроделия в прошлом объяснялось образом жизни женщин, их постоянным затворничеством. Современная женщина — свободная, наравне с мужчиной участвующая в коллективном труде, уже просто не имеет времени для кропотливейшего ручного труда ковровщицы (за год хорошая ковровщица вырабатывает 10—15 квадратных метров ковра ручной работы).

Национальные традиции ковроделия, однако, не исчезли — они сохранились на современных ковровых фабриках, где ткут как машинные, так и ковры ручной работы, но бригадным, коллективным способом. Узоры ковров шахрисабзской фабрики «Худжум», которая славится своими безворсовыми коврами — паласами, разрабатываются теперь опытными мастерами-художниками на основе народных традиций, принимаются художественными советами. Сохранилось кое-где по кишлакам и старинное искусство ковров ручной работы. Правда, ткут их сейчас, как правило, пенсионерки, многодетные женщины-домохозяйки.

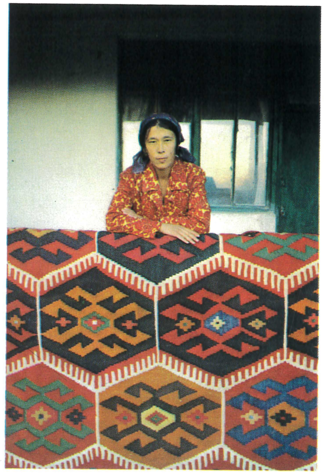
Впрочем, нет правил без исключений. В кишлаке Камаши, в центре которого белеет купол сардобы, ковроткачеством занимались мужчины. Не знаем, право, что привело к возникновению столь необычной традиции в краю чабанов и дехкан; чудится нам в этом отголосок страшных времен Чингисхана или Тимура, когда уничтожались не то что города и села — целые племена и народы. Мужчин, в том числе и мальчиков безжалостно вырезали, оставшихся в живых калечили, под страхом смерти запрещали обучаться мужскому делу: не допускали к лошадям, клинку, луку и стрелам... Может быть, с тех горьких времен идет в кишлаке Камаши редкая для Востока традиция мужского ковроделия? Особенность кишлака была бы забыта, растворилась бы без остатка, если не характерное для сегодняшнего Узбекистана пристальное внимание к народным ремеслам и искусствам. Нашлись энтузиасты, разыскали стариков, еще помнивших кропотливое ковровое дело; собрали мальчиков-подростков, организовали школу ковроделия, где обучают древнему мастерству.

Ткачихи имя на ковре найду,
читая разноцветные штрихи.
Я растопил в чернильнице звезду,
Чтоб написать лучистые стихи.

Гафур Гулям

Камашинские ковры идут в художественные салоны (они не залеживаются там), лучшие — в музеи и на выставки. Не иссяк родник.

Славятся среди знатоков ковры кашкадарьинских арабов. Этнографическая группа арабов давно живет в области, в основном в Каршинском, Касанском и Усман-Юсуповском районах. Одни из них считают, что их предки переселились «откуда-то с юга», вероятно из Балха, в начале XVIII века. Предки других были приведены в Среднюю Азию Тимуром во время его походов в арабские страны. В 1968 году 354 хозяйства отнесли себя к арабам. В кишлаке Джейнау арабы сохранили арабский язык и традиции, хотя прекрасно владеют узбекским и

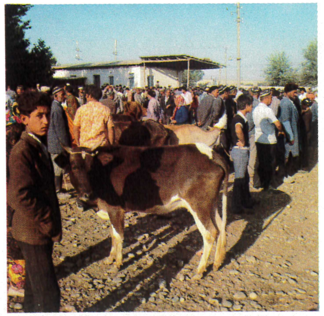


По кишлакам и поселкам сохранилось еще древнее искусство домашнего ручного ковроделия; узоры и орнаменты здешних ковров уходят в седую древность.

многие, а молодежь вся — русским. Здесь, как и везде, идет интенсивный процесс слияния с узбекским населением, но народные традиции в искусстве, ритуалах (свадьбах, похоронах), одежде сохраняются.

Здесь-то и выделывают ковры, которые в специальной ковроведческой литературе относят к совершенно особому классу — «ковры арабов Кашкадарьи», с крупным геометрическим рисунком, расположенным в квадратах, яркие, нарядные.

В одном из новых целинных поселков нам удалось заснять исчезающее уже изготовление ручного ковра на горизонтальном, очень редком ткацком станке. Мы видели, как заправляет мастерица станок, как ловко наматывает крепкие нити основы, как нарезает «ремизки», как, ловко орудуя крючком и колотушкой, ряд за рядом плетет разноцветные нити, пока создающие лишь пеструю строчку, но из множества которых родится стройный и строгий узор, гармония линий и цвета. Мастерица работала без эскизов, без шаблонов, по памяти, по наитию, казалось, что руки ее сами плели видимую лишь ей одной композицию; руки ее двигались то неторопливо, то быстро и плавно, казалось, что мастерица играет на туго натянутых нитях-струнах основы какую-то заветную, слышимую только ей мелодию.



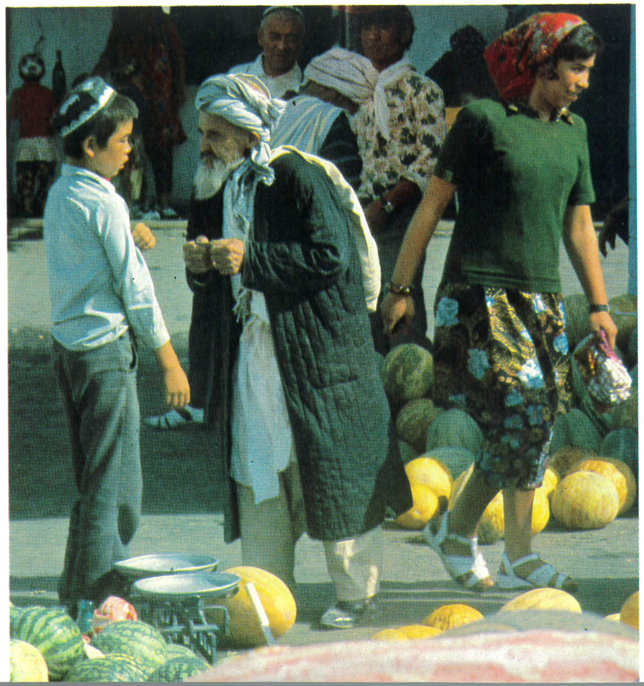
Скотный базар в Карши — самый серьезный базар. Корову купить — не лепешку, здесь много думать надо.

Базар! Здесь порой завязываются знакомства, которые кончаются свадьбами.

Базар! Какие краски, какие запахи, шум, гам, внешний хаос, но стоит присмотреться — и увидишь, что все здесь подчинено давно установленному ритуалу, все на своем месте...

В любом городе и кишлаке базар — центр жизни, место общения. На базар идут, чтобы купить и продать — конечно. Но на базар надевают новый костюм или платье, новую тюбетейку и часы, чтобы показаться народу; на базар едут на новом мотоцикле и всей семьей в новеньких «Жигулях». Старики приходят сюда в новых и чистых чалмах и халатах, в новых калошах и сапогах, молодежь — в джинсах и майках.

Здесь встретишь начальника стройки и важного, в соломенной шляпе, пожилого раиса; жестянщика и кузнеца, чабана и хлопкороба, степняка и горца; покупают, продают, спорят, смеются, шутят, встречаются и обмениваются мнениями, узнают новости. Парни ходят по тюбетеечным рядам, всматриваются в продукцию девушек-мастериц, какая искуснее, милее, прилежнее. Вот ряд дутарщиков, а здесь шум стоит, танцуют люди — пробуют, звонки ли бубны. На старом базаре целая площадь устлана многоцветьем ковров домашней выделки, добротных, традиционных, сделанных по канонам вековой давности, — подходи, торгуйся: бери!



Здесь спорят и считают, покупают и продают, приглядываются, присматриваются, пробуют, нахваливают и ругают, сомневаются и убеждают.

Всем дарам земли здесь находится место, всякому человеку нескучно тут.

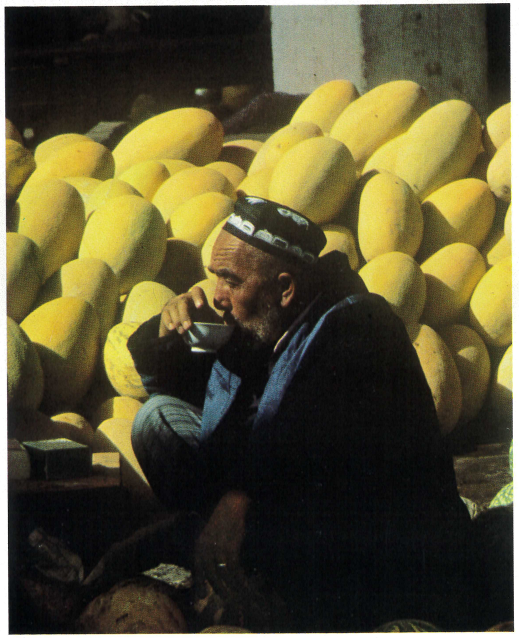
Вином и мясом пахнет синий воздух.
Стол — как земля, а вы вокруг —
как звезды!
Вот наш инжир, вот винограда грозди!
Лепешки теплые, пока не поздно,
Я по куску вам отломлю, друзья!

Гафур Гулям

Есть во всяком восточном городе базар, а в Карши их даже несколько — старый, новый и скотный, где продают овец и коз, крупный рогатый скот и птицу. Вот где страсти, где напряжение, где шутки и смех — на каждого покупателя сто советчиков. Кого слушать? А всего интереснее осенняя ярмарка, которая бывает обычно в сентябре — октябре. Вот где изобилие всего, где гомон и веселье!

Каждый район стремится не ударить в грязь лицом, лучшие товары вывозят на ярмарку колхозы и совхозы, кооператоры, различные торгующие организации.

Вот сидят варганзинцы со своими, даже здесь заметными среди прочих, гранатами, а этот виноград явно из Паландары. Нишанские дыни и китабский кишмиш, орехи, урюк, соленые косточки к чаю. Вот ряд лепешек — их несут завернутыми в дастарханы в корзинах на



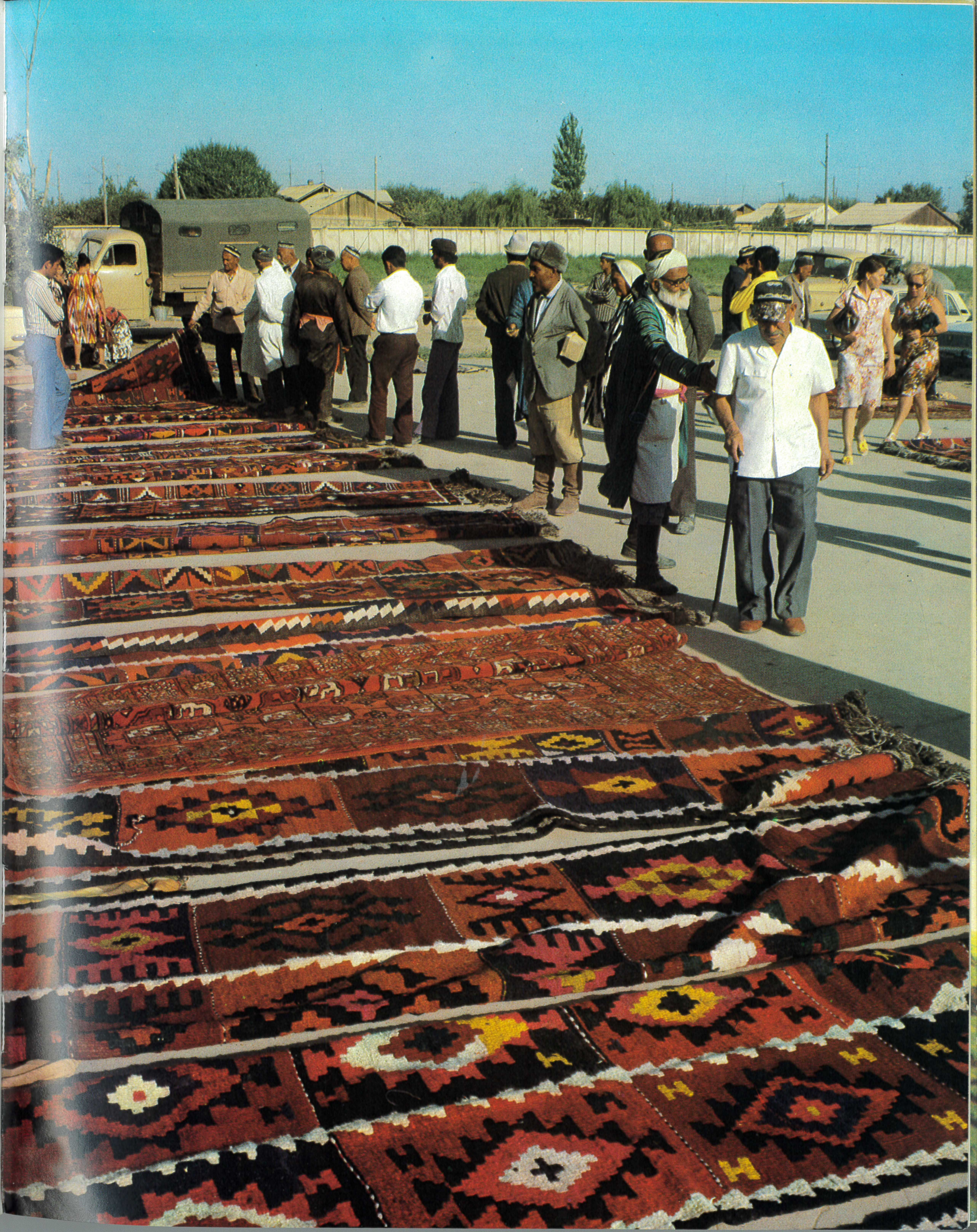
головах, привозят дети на велосипедах, тележках свежий, ароматный, домашний хлеб. Конечно, прекрасный хлеб продается и в магазине, но если вы принимаете гостей или летите в гости, скажем, в Москву, а своего тандыра нет у вас, куда вы пойдете? Конечно, на базар.

Мясные ряды, овощные и фруктовые — укроп и петрушка, кинза и чеснок, редиска, огурцы, помидоры, патиссоны; перец всех видов и оттенков, горький и жгучий. Вот пряности всех разновидностей — от барбариса до кореандра, вот тмин, конопля, зра. Россыпи риса всех видов и оттенков, морковь, репа, редька, редис. Соленья, варенья, сушеные дыни и моченые арбузы.

А по периметру базара и за забором — чайхана, самсохона, опять чайхана, пловная; сидят почтенные люди, пьют чай, обсуждают виды на урожай, рыночную конъюнктуру. Весь город, кажется, здесь. Восточный базар — это не московский рынок!

Все, что видели мы в разных городах и кишлаках, степных и горных,— кувшины и тарелки, хумы и косы, тюбетейки и ковры, табакерки-каскаду и халаты-чапаны, пояса и дастарханы, можно встретить на базаре. Народное искусство неотделимо от базарного шума, от наивной и веселой карнавальности.

Здесь никто не спешит. Зачем спешить? Можно поговорить, прицениться, потягивая из пиалы благоуханный зеленый чай.



Разве можно представить себе восточный базар без чая, без горячей шурпы, без самсы, без плова?

Что такое настоящий плов, рассказал нам и показал, как он готовится, повар 5-го разряда из каршинского ресторана «Узбекистан» Кулдаш Мурадов.

«Плов — это искусство, дорогие друзья,— приговаривал он, а руки его быстро-быстро работали: резали лук тонкими кольцами, помидоры, мясо, тесали мелкой соломкой морковь.— Пловом любого больного вылечить можно, да, да. Еще Абу Али ибн-Сина пловом бухарского принца вылечил. Не верите — в книге прочитайте. Так и называется «Узбекский плов». А вообще-то, что такое плов, вы знаете? Вот и не знаете. Плов по-узбекски ПАЛОВ ош — почему так называется? По первым буквам всех составляющих, в одном названии — уже рецепт! «П» — пиез — лук; «А» — аез — морковь; «Л» — лахм — мясо (какой плов без мяса); «О» — олио — жир; «В» — вет — соль; «О» — об — вода и, конечно, «Ш» — шалы — рис. Свари все это в казане — вот тебе и плов. Каждый мужчина должен уметь хороший плов приготовить. В Ташкенте, Ферганской долине плов дома готовят в основном мужчины, а в компании — только мужчины! В каждой из букв свои сложности, тонкости и секреты. Вот возьмем «О» — олио — жир. И баранье сало, и топленое масло, и хлопковое, и льняное идет, а если в смеси — еще лучше; конопляное, например, с конским салом или хлопковое с птичьим жиром; самое лучшее, когда три-четыре вида жира вместе. Говорят, узбекская кухня однообразная. Как это, когда только плова сто видов есть.

Но я покажу, как готовят плов по-кашкадарьински. Это свадебный плов, свадьба у нас сегодня — только в Кашкадарье такой плов поешь! Будешь записывать? Пиши... Как считать будешь? Считай на одну порцию, не ошибешься потом. Сначала, как видишь, огонь под казаном разведем, жир греть будем. Мясо, как на шашлык, кусочками нарежем, с луком смешаем, солью посыплем, черным молотым перцем сдобрим, зрой. Тем временем жир в котле перекалим, чтоб белый дымок пошел, и мясо с луком — в казан! Пусть жарится! Морковь соломкой нарежем и туда же бросим. Огонь уменьшим, пусть томится, пока морковь не размякнет совсем. Тем временем рис перебираем, в трех водах промываем, специями заправляем и в казан бросаем».

Он танцевал вокруг огромного казана, руки его сновали, а движения были плавными и важными — он священнодействовал!

«Огонь прибавляем,— он подбросил в печурку дощечек и пламя запылало,— воду добавляем, от воды много зависит, и пусть теперь испаряется, а мы будем рис перекладывать. Как рис сварился — почувствовать этот момент и есть искусство. Собираем плов горкой к середине казана, полотном закроем минут на двадцать. Вот и все — подходи, угощайся! Да, запиши. На одну порцию: риса — 200 граммов, мяса — 200 граммов, жира — 50 граммов, моркови — 200 граммов, лука — 30 граммов (можно больше), а соль и специи — по вдохновению. Угощайтесь на здоровье!»

Бурлит, дымит, благоухает варево в котлах — готовится плов!

В старом кишлаке Никус, недалеко от Карши, от съеденных ветрами гор Кунгур-тау, живет старый дехканин (дехкан-бобо) Ариф Убайдуллаев. Он стар, и дом его стар, и деревья у ворот тоже уже очень старые. Но во дворе построил он новый дом для сына, и поэтому двор всегда шумен и многолюден. Много детей у старого Арифа, повезло ему с детьми. Жаль только — жена не может поглядеть на них, какими выросли, какими стали,— давно ушла она в мир иной. Арифу Убайдуллаеву 76-й год, возраст почтенный. Старика любят и уважают в кишлаке; некоторые помнят его молодым, помнят, как бедняк-крестьянин участвовал в установлении Советской власти, как был председателем колхоза.

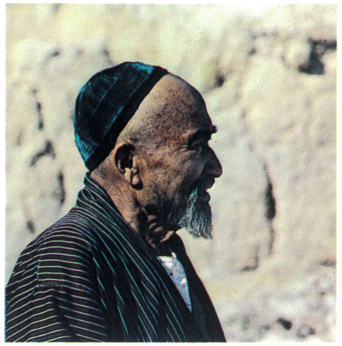
Много детей у Арифа, а внуков еще больше. У старшей дочери Ирисой девять детей, дома хозяйство ведет, детей воспитывает. Сын Арипов Халил раис — председатель колхоза, с отцом рядом живет, помогает, никому не откажет, справедливый человек. Хорошо знают и второго сына — Мели Арипова, человека скромного, стеснительного даже, молчаливого и деликатного, доцента кафедры научного коммунизма Каршинского пединститута, кандидата философских наук. К Мели приходят поговорить друзья, товарищи, односельчане, даже старики. Следующий сын — Раззак. Тот по сельскохозяйственной науке пошел, в Самарканде живет, доцент сельхозинститута. Следующий сын Абдулла мальчиком был тихим, ласковым. Далеко в Ташкенте живет, приезжает редко. Книжки пишет, стихи — вот они все,— старик достал пачку читанных-перечитанных книг и с гордостью сказал: «Поэт он у нас».

Мы были в целинном совхозе имени Чули Бегимкулова на встрече Абдуллы Арипова с молодыми хлопкоробами. Они пришли в зал с поля, запыленные, в старых халатах, девушки, обвязанные по самые глаза платками. Как они слушали любимого поэта, как аплодировали, как просили прочесть еще! Лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана, переведший на родной язык «Божественную комедию» Данте, автор многих поэтических сборников, вышедших в Москве, один из лучших современных узбекских поэтов, Абдулла Арипов своими стихами во многом открыл для нас мир Каршинской степи. Ему мы обязаны и названием нашей книги.

Есть у старого Арифа еще три дочери — Зульфия, Бибисора и Ойсара. Зульфия работает в совхозе имени Ленина, детским садом заведует, у нее шесть детей, муж — табельщик. Бибисора врачом стала, кандидатом наук, работает в Самарканде, заведует отделением в больнице, трое детей у нее, муж тоже врач. Ойсаре чуть за тридцать; она учительница, биолог, работает в той же школе, в которой училась девочкой. Муж преподает в политехникуме. Пять детей у них. Сколько всего внуков у Арифа? Подсчитаем сейчас. У Ирисой девять. У Халила тоже девять? У Раззака четыре. У Абдуллы четыре... Старик загибает пальцы, смеется — больше пятидесяти внуков, а правнуков всего пять!

В тяжелые годы войны взял Ариф-ака еще двух детей. Где девять растут, там и одиннадцать проживут! Раз поехал на базар, мальчишка ему попался беспризорный, оборванный, голодный. Не шел он у него из головы всю неделю. Второй раз поехал на базар — опять этот мальчишка. Где двенадцать (раньше еще взял он в дом сироту), там и тринадцать проживут! Взял он его к себе, усыновил, вырос мальчик, Курбанов Абдураим его зовут. Вырос парень, женили его — до женитьбы с отцом жил.

Мы сидели в гостях в шумном, многодетном доме старика. Он говорил негромко, медленно и гордо рассказывал о своих детях. Он, крестьянин, сын крестьянина, смело смотрел в лицо жизни своими слабыми глазами — ему нечего бояться. Он жил честно, работал на земле — растил хлопок, сажал деревья и дал жизнь целому роду — большой, талантливой, многогранной и трудолюбивой семье. И в них при жизни получил бессмертие.

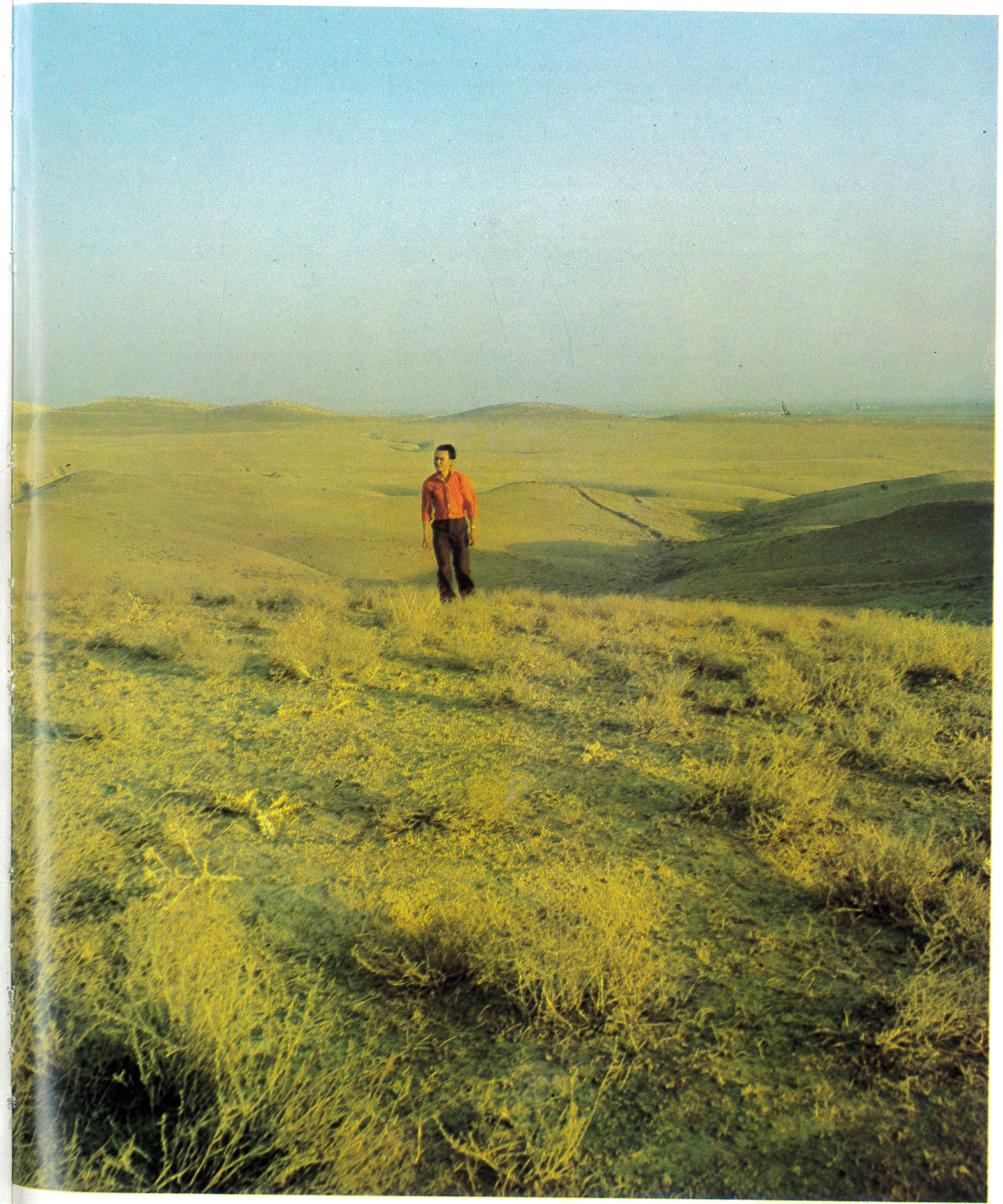


Ариф Убайдуллаев, отец

Абдулла Арипов, поэт

Кусочек мглы,
Тропа за косогором,
Бескрайность неба голубеет густо,
Забыв заботы все
И все раздоры,
О если б смог навек к тебе вернуться...

Абдулла Арипов



Раззак Арипов, ученый.

Бибисора Арипова, врач.

Халил Арипов, председатель колхоза имени Ворошилова.

ПЕСНЬ О КАРШИ

Отцу посвящаю

Я родился и вырос в объятиях этих степей,
Где в старинных прудах вековая печаль затонула.
Но отправился рано на поиски доли своей,
И надолго меня суета городов затянула.

Что искал, находил, чтобы то, что нашел, потерять;
Над водой Сырдарьи я простаивал целыми днями
И пытался, безумный, стихи обо всем сочинять,
Вдохновленный на это царями весны — соловьями.

Здесь я жизнь познавал, приобрел и врагов, и друзей,
Схоронил стариков, что ума мне прибавить старались,
Повстречался на счастье я с первой любовью своей,
Чтобы горе изведать, когда мы навеки расстались.

И сегодня стою пред тобою, о край мой родной,
Словно конь молодой, что, набегавшись, в стойло вернулся.
Как же мне описать этот мир необычный, степной
И народ мой, который под тяжестью зол не согнулся.

Степь моя, кто, скажи, благодатной тебя назовет
В дни палящей жары посреди беспощадного лета?
Если даже весна вдохновенье поэту пошлет,
Летний зной отобьет настроенье писать у поэта.

Мели Арипов, декан Каршинского педагогического института.

Степь моя — этот мир, где одни лишь пески да пески,
Красно-серые пустоши, полные тайной угрозы,
Обиталища ветра, приюты гнетущей тоски,—
Нет поэзии в этом, пожалуй, что нету и прозы.

Но степная весна так прекрасна и сердцу мила,
Как лицо материнское после тяжелой разлуки.
Степь весной от цветов даже ночью бывает светла,
Хоть и помнят цветы о песчаной безжалостной вьюге.

Как ягненок, дрожит молодая трава на ветру,
Тень от тучки по ней пронесется легко и крылато,
Но стремительный ливень прервет ненадолго игру,
Чтобы степь напоить, освежить травяным ароматом.

Перед летней жарой оробев, затаится весна,—
Так таится газель, своевременно чуя опасность.
До свиданья, весна! Степь еще хороша, зелена,
Но уже выявляются в ней пустота и безгласность.

А минует весна — и в шафраново-желтых степях
Заколышутся смерчи, и зелень травы из просвета
В пыльной туче мелькнет, как улыбка на милых устах
Перед долгой разлукой,— вот так начинается лето.

На горячий песок, что едва не дымит под ногой,
Сверху льется лавина палящего воздуха,— встреча
Двух стихий пострашнее огня, и текут они долгой рекой
Через полдень — к прохладе, которой означится вечер.

Ничего нет прекрасней спокойных степных вечеров:
Горизонт отодвинут и чист, разгораются ясно
Разноцветные звезды — и свет отдаленных миров
Разольется над степью, с земным уживаясь согласно.

Больше жизни люблю эти звездные ночи — они
Привлекали всегда красотою и вечною тайной.
Иногда торопил я неспешные летние дни,
Чтобы, глядя на звезды, беседовать с далью бескрайней.

Сколько в мире людей, столько взглядов на звезды. Порой
Люди так далеки друг от друга, как в небе планеты,—
Наблюдение звезд почитают бесплодной игрой
И с презреньем бегут от влюбленного в звезды поэта.

Можно все пережить, если ты к испытаньям готов,
Если радость тебя посещает в беде не случайно.
Так и здесь: отрешившись душою от звезд и цветов,
Невозможно бороться с пустынею краснопесчаной.

Абдулла Арипов

(отрывок из поэмы)

Храни долину, которой украшен
старый Восток,
храни чистоту этих пашен,
чтоб ни один листок,
чтоб даже пылинка не села,
чтоб даже песчинка не смела
на эту землю упасть, всецело
в будущее устремленную,
зеленую-зеленую!

Хамид Алимджан

Мы работали над этой книгой три года. Мы приезжали в Каршинскую степь в январе, когда нет-нет да и падет на землю непривычный здесь недолгий снег; приезжали в марте, когда начинаются посевные работы; в апреле, когда вся степь горит ковром цветущих, увы, недолго маков; в мае, когда цветут гранатовые сады; в июне, когда уже начинают убирать хлеб и когда цветут бескрайние хлопковые поля; в июле и августе, в пору саратана, когда к тому же дует гарм-сель, знойный, сухой и мелкий песок забирается повсюду; в сентябре и октябре, когда идет хлопковая страда, когда она затем стихает; в ноябре и декабре, когда подсчитывают урожай, подводят итоги, празднуют свадьбы и сдают новые строительные объекты...

Для нас сами названия здешних гор и рек, городов и кишлаков исполнены самого глубокого очарования; они мерцают, как драгоценности сквозь патину времени... Амударья, Кашкадарья и Аксударья, воспетые легендарными поэтами Навои и Фирдоуси, описанные Ибн-Вали Кеш и Несеф, известные теперь как Карши и Шахрисабз.

Отчего так сжимается сердце здесь, на чужой земле? Ведь наши корни прорастали на другой почве — на суглинках в лесном краю!

Отчего же всегда скелеты городов, останки прежних веков вызывают у человека грусть и высокий настрой души?

Не от того ли, что в глубинах человеческой души, не изведанных еще биологами, таится извечная тоска по бессмертию, по вселенскому братству всех народов и племен.

В космосе летают корабли, из них люди глядят на Землю — маленький, голубой, мерцающий в черноте космоса шар, видят ее в сиюминутном изменении, в завихрении облаков, течений, циклонов и тайфунов. Видны оттуда дороги, города и даже корабли в океанах, поля и косяки рыбы. Но опытный взгляд замечает совсем другое: следы далеких цивилизаций, русла каналов, пробитых кетменями сотни, тысячи лет назад, границы прежних оазисов.

Самые древние законы, записанные в памяти человечества,— законы о земле. Одним из первых декретов Советской власти был тоже «Декрет о земле». А ленинский декрет о воде открыл новую эпоху в истории республик Средней Азии, народов, населяющих эти плодородные нетронутые земли, считавшиеся бесплодными.

* * *

Мы никогда не смогли бы выполнить наш замысел, если бы не помощь всей Кашкадарьи. Мы благодарим за содействие и помощь Кашкадарьинский обком Компартии Узбекистана, территориальное управление «Каршистрой», работников Каршинской авиаэскадрильи, городские и районные комитеты партии.

Мы выражаем особую признательность и глубокую благодарность за ценные советы и практическую помощь тт. Р. Г. Гаипову, М. Х. Худайкулову, З. А. Бегимкулову, Э. Т. Турсунову, К. П. Митрюшкину.

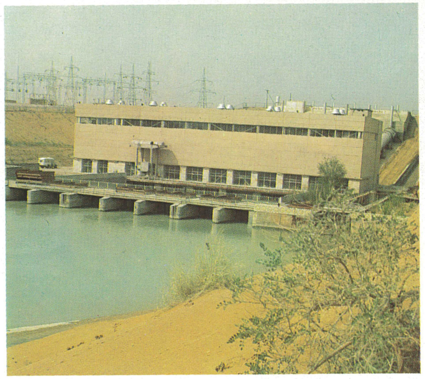
На первоначальном этапе идея книги обсуждалась нами с О. М. Попцовым, И. А. Зайнутдиновым, А. Ю. Ретеюмом, чьи советы очень помогли нам.

Благодарим пилотов вертолетов А. Пушкина и Л. Золотова, а также других летчиков.

Не имея возможности персонально назвать здесь всех работавших с нами, выражаем им нашу глубокую благодарность.

Мы пользовались советскими фотоаппаратами «Салют» и «Салют-С» с призматическими видоискателями и набором сменной оптики, а также узкопленочными камерами «Зенит-фотоснайпер», «Практика-Л» и «Практика-ТТЛ» со сменными объективами предприятий «Карл Цейс Йена», экспонометрами «Вестон-мастер-5». Фотопленка «Кодак-эктахром» чувствительностью 50, 60, 250 АСА, светофильтрами Р-3 и Р-1,5.

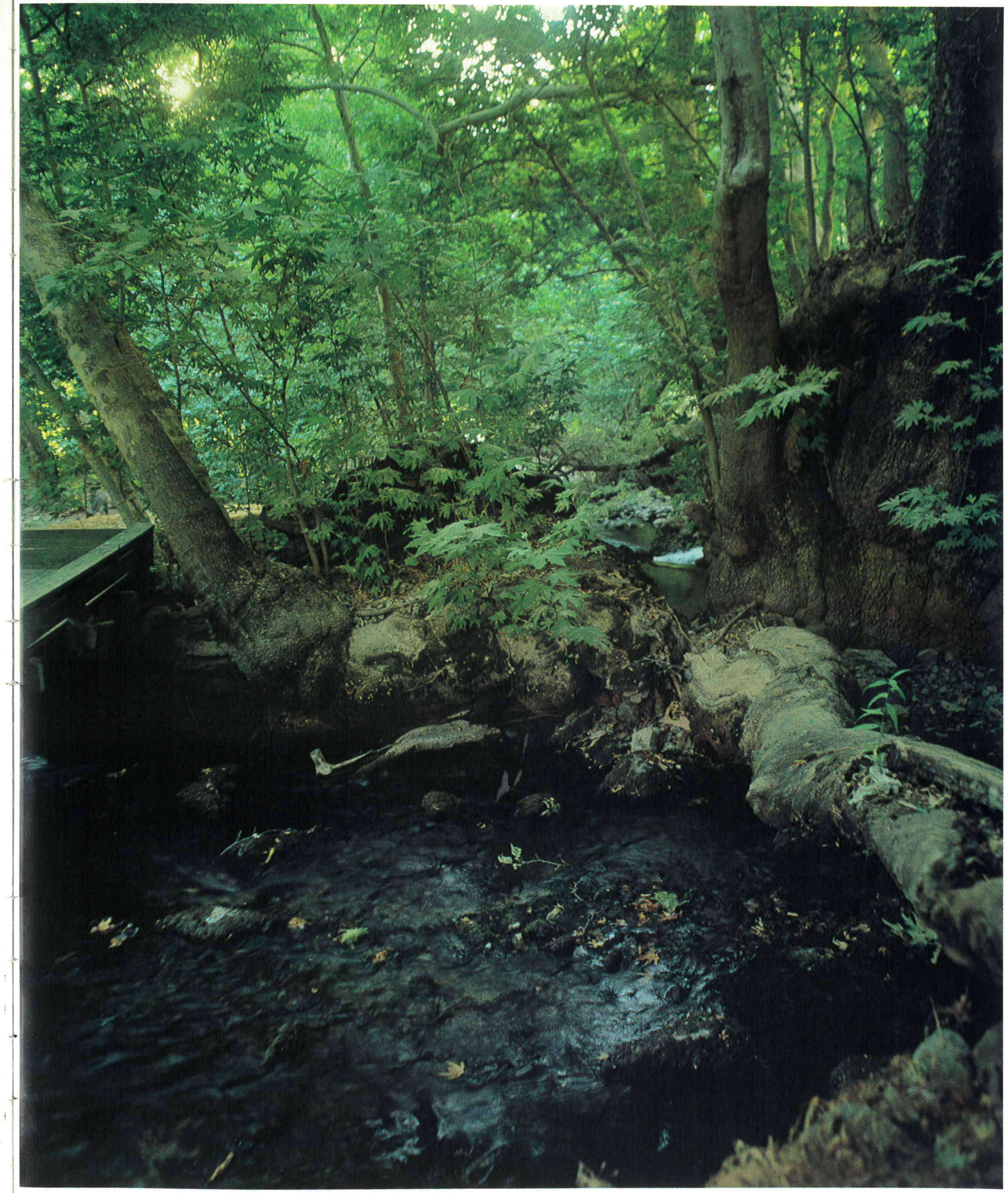
Наша работа значительно усложнилась бы без многочисленных усовершенствований и приспособлений конструкции Ю. И. Сорочкина.



Жизнь многообразна, бесконечна в своих проявлениях. Люди, взявшиеся обогатить, облагородить природу, взяли на себя нелегкое дело; ведь результаты их труда, их усилий будут иметь смысл, если только природа станет богаче, продуктивность земли — выше, жизнь — ярче и полнокровнее. В широком социальном плане культура — это образование, активный интерес ко всем достижениям человечества, высочайший уровень развития экологически правильного сельского хозяйства, гармонические отношения с природой.

Всю медленную нежность мест родных
я оценил и понял — по-иному,
когда в жару, о, ледяной родник,
ты жажду мне утишил понемногу.
Весь труд пути, и одурь, и жару
Я напрочь смыл глубинною прохладой
и ощутил: тому, чем я живу,
из тех же недр
пробиться к сердцу надо...
Пока я пил, пока родник бежал
в ладонь мою
и дальше в камни мчался,
я чувствовал, как рук остывший жар
по жилам снова в сердце возвращался...

Эркин Вахидов



САРАТАН

Книга о преображении Каршинской степи

Фотоальбом

АЛЕКСАНДР АНУФРИЕВИЧ ГАВРИЛЮК
ВИКТОР АФАНАСЬЕВИЧ ЯРОШЕНКО
Художник
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ОЛЕФИРЕНКО
Под общей редакцией
ИВАНА ИОСИФОВИЧА ГОЛОВАЧЕВА

В книге использованы стихи в переводе
Н. Гребнева, А. Иванова, Р. Казаковой,
Н. Лукьянова, Р. Морана, А. Наумова,
А. Преловского, В. Сикорского, К. Симонова,
Н. Ушакова, Р. Фархади

Карта выполнена Н. Полянской

Зав. редакцией Г. ГРЕБЕННИКОВ
Редактор Г. ЖОЛОБОВА
Художественные редакторы О. БЕЛОЗЕРСКИЙ, А. ШАФРАНСКИЙ
Технический редактор Т. ГИСАЕВА
Корректоры Т. КУЗЬМЕНКО, З. ХАМЗИНА

ИБ № 676
Сдано в набор 19.11.82. Подписано в печать 14.06.83. А 12628.
Изд. № 10/2-5003. Формат 60×90/8. Физ. п. л. 34. Усл. п. л. 34. Уч-изд. л. 41,066
Т. 14 тыс. Ц. 12 р. 50 к. Гарнитура «Таймс». Бумага мелованная 115 г. З. 958
Издательство «Планета», Москва, Петровка, 8/11
Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва. М-54, Валовая, 28

Г $\frac{4911020000-209}{027(01)-83}$